

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

М. МЕНДЕЛЬСОН

МАРК ТВЭН

*

МОЛДАЯ ГВАРДИЯ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

АКАДЕМИКА В. Л. КОМАРОВА,
МИХ. ЛИФШИЦА,
АКАДЕМИКА Е. В. ТАРЛЕ,
АКАДЕМИКА А. Н. ТОЛСТОГО,
Ю. Н. ТЫНЯНОВА,
Е. Ф. УСИЕВИЧ, А. А. ФАДЕЕВА,
АКАДЕМИКА А. Е. ФЕРСМАНА,
ПРОФЕССОРА П. Ф. ЮДИНА.

ВЫПУСК

3

[147]

МОСКВА МСМХХIX

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

М. МЕНДЕЛЬСОН

МАРК ТВЭН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

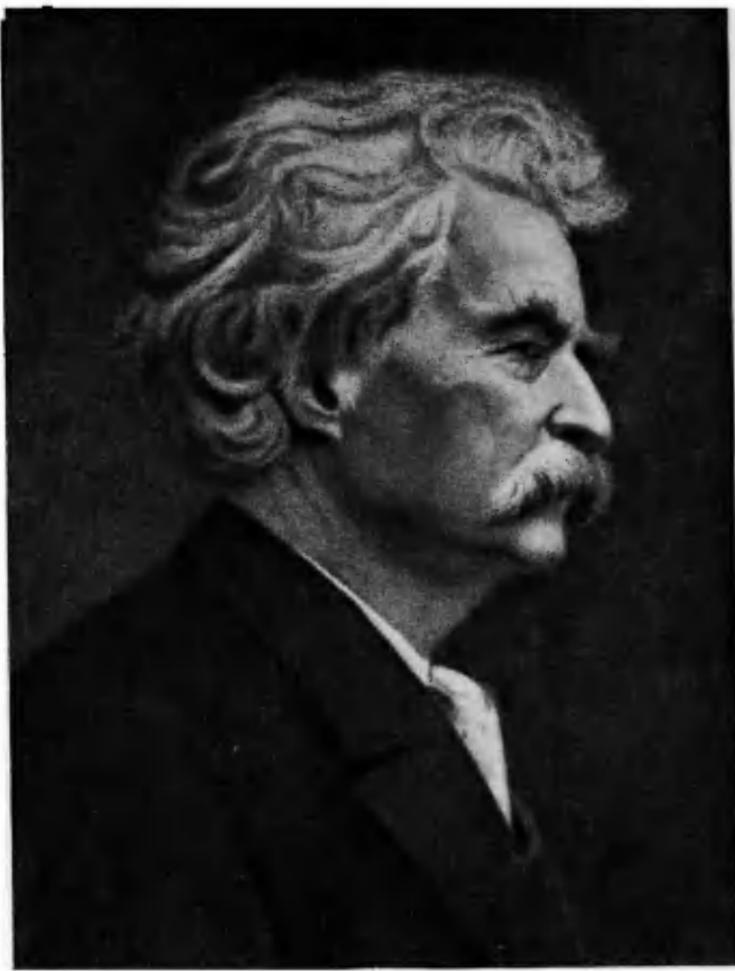
1939

ТОВАРИЩИ ЧИТАТЕЛИ!

Редакция «ЖЗЛ» просит Вас, прочтя эту книгу, прислать краткий отзыв о ней (тема, содержание, язык, оформление) и Ваши пожелания по дальнейшему улучшению книг нашей серии.

Пишите по адресу: Москва, Центр, Новая площадь, д. 6/8, редакция «Жизнь замечательных людей».

РЕДАКЦИЯ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ ПУСКАЮТСЯ В ПУТЬ

1776 году второй американский континентальный конгресс, заседавший в Филадельфии, принял от имени тринадцати английских колоний написанную Джефферсоном Декларацию независимости и постановил отделяться от Англии. Эти тринадцать колоний протянулись довольно узкой лентой вдоль Атлантического побережья Североамериканского континента. Самыми северными колониями были Нью-Гемпшир и Массачусетс с их морозными зимами. На юге жаркая Георгия соприкасалась непосредственно с испанской подтропической Флоридой. Таким образом, на севере и на юге в основном уже наметились границы той огромной страны, которая начала вскоре создаваться в Северной Америке.

Но к западу от территории тринадцати колоний, ставших «свободными и независимыми государствами» (штатами), еще лежали огромные не освоенные белым человеком земельные пространства, лежал целый континент. Ширина полосы поселений, тянувшейся вдоль побе-

режья Атлантического океана, не превышала двухсот-трехсот километров. Жизнь «границы», дикие, полные опасностей места, суровая борьба за существование в первобытных условиях — все это было совсем близко от крупнейших городов, расположенных у самого океана.

Чтобы освоить только узкую прибрежную полосу Северной Америки, потребовалось несколько столетий. Лишь через сто лет после открытия Америки (1492) основные колонизаторы северной части нового континента — англичане — приступили к организации поселений за океаном.

В 1607 году, вскоре после победы над испанской армадой, Лондонская компания основала на территории Виргинии поселок Джеймстаун. Через тринадцать лет английские пуритане положили начало колонизации в северных районах страны. В течение следующих полутора столетий, до самой середины XVIII века, западной границей английских владений в Америке были Аллеганские горы, расположенные неподалеку от побережья.

Французы организовали поселения в Северной Америке несколько позднее англичан, зато они раньше проникли в глубь страны. Обследовав и объявив своим достоянием бассейны величайших рек — Св. Лаврентия и Миссисипи, французы сразу получили львиную долю Североамериканского континента. Однако Франция «старого порядка» в борьбе за колонии оказалась слабее Англии. Англо-французские колониальные войны в 1763 году закончились полным вытеснением французов из Северной Америки. Теперь к английской короне перешла территория до самой реки Миссисипи.

Но, получив огромные земли за Аллеганскими горами, английский король вовсе не собирался предоставить их в распоряжение колонистов. Специальным королевским указом новая территория была закрыта для поселенцев — английские купцы должны иметь беспрепятствен-

ную возможность вести выгодную скупку пушнины у индейцев. Лишь немногие смельчаки решались нарушить королевский запрет и — что не менее важно — встретиться лицом к лицу, полагаясь только на собственные силы, с индейскими племенами, которые не отдавали своих земель без боя. Западной границей колоний все еще оставались Аллеганские горы.

Свое право на независимое существование вновь созданным тринацати штатам пришлось защищать с оружием в руках против отборных английских войск. Война американской республики за независимость явилаась, по выражению Ленина, «одной из... великих, действительно освободительных, действительно революционных войн»,войной «американского народа против разбойников англичан, угнетавших и державших в колониальном рабстве Америку...»¹

К началу войны население отделившихся колоний составляло, примерно, три миллиона. За пределами же этой территории находилось лишь несколько десятков тысяч оседлых жителей. Во всей долине реки Миссисипи в то время проживало не больше пяти тысяч белых. В разгар войны за независимость отряду американских партизан в двести человек удалось нанести поражение английскому гарнизону крупнейших фортов новой территории. Это и предрешило вопрос о переходе к Соединенным Штатам всей земли до самой реки Миссисипи. Когда война окончилась, малоземельные фермеры, охотники, недовольные своим зависимым положением городские ремесленники и рабочие, вчерашние солдаты, сделавшие революцию победоносной, вновь прибывшие иммигранты — все ринулись на новые земли.

Безденежным людям приходилось тяжело — лучшие земли продавались недешево. Развернулась

---

¹ Ленин, Собр. соч., т. XXIII, стр. 178, изд. 3-е,

бешеная земельная спекуляция, в которой не побрезгали принять участие крупнейшие государственные деятели только что созданной буржуазной республики. И все-таки тысячи и десятки тысяч людей пробирались в дикие, пустынные места, поднимали целину, собирали обильный урожай.

Через шестнадцать лет после провозглашения независимости одна часть новой территории — Кентукки — была торжественно объявлена штатом. Спустя еще четыре года создан был новый штат — Тенесси.

«Граница» теперь лежала на реке Миссисипи. Но даже широкая Миссисипи не могла остановить движения на запад. Янки из Массачусетса и других штатов так называемой Новой Англии, шотландцы из Нью-Йорка, немцы из Пенсильвании брали приступом «границу», перебирались на ту сторону великой реки, искали мест, нетронутых человеком. В течение пятнадцати лет с начала войны за независимость число жителей в долине реки Миссисипи увеличилось более чем в двадцать раз. В последующие десять лет, к концу века, оно еще утроилось. Возникали новые поселки и города, росло сельскохозяйственное производство, зарождалась промышленность.

Американская война за независимость, прозвучавшая «набатным колоколом для европейских средних классов» (Маркс), уничтожила преграды, задерживавшие развитие американской буржуазии, развязала мощные производительные силы.

В 1803 году Соединенные Штаты приобрели у Наполеона огромную территорию Луизианы, прилегающей к Миссисипи на западе. Наполеон был слишком занят европейскими делами, чтобы уделять достаточно внимания пустынным заокеанским владениям. Кроме того, он понимал, что в случае войны удержать Луизиану будет трудно. В Сан-Доминго туземцы под водительством

Л'Ювертура с неслыханной храбростью сопротивлялись наполеоновским войскам, порабощавшим страну.

Одним росчерком пера вся долина Миссисипи и ее мощного притока Миссури была передана в руки американцев. На территории Северной Америки уже не оставалось больше опасных соседей, которые могли бы явиться угрозой молодой республике.

Пятнадцать лет спустя к Соединенным Штатам перешла Флорида; в 1835 году американцы захватили власть в свои руки в мексиканской провинции Техас. На западе территории США граничила теперь с мало-заселенными землями, принадлежавшими слабой, раздираемой междоусобицами Мексике. Впереди уже, казалось, было видно Тихоокеанское побережье.

По семейному преданию, предки Клеменсов появились на американской территории еще в XVII столетии. Это был век английской революции, век бурного подъема буржуазии, острой религиозной борьбы, своеобразно отражавшей нарастание классовых противоречий. Европейская земля горела под ногами — каждое десятилетие давало новую волну людей, вынужденных искать пристанища, начинать новую жизнь за океаном.

Семья помещика Джорджа (или Джэфри) Клеменса имела особенно серьезные основания эмигрировать в Америку. Этот Клеменс был одним из судей, подписавших смертный приговор английскому королю Карлу I. Когда монархия была восстановлена, Клеменса казнили, а имущество его конфисковали. Семья сочла за благо скрыться от преследований за океан. Потомок английских Клеменсов, Сэмюэль Клеменс, родился в Виргинии и считался «джентльменом». Он оставил детям некоторое состояние — при разделе имущества сын его Джон Маршал получил трех рабов. Раздел совершился

уже в Кентукки, куда вдова переехала после смерти мужа.

В горном Кентукки Джон Клеменс вырос и женился. Среди предков красавицы Джейн Лэмптон, жены Клеменса, были и английские аристократы и первые переселенцы за Аллеганские горы, известные своими кровавыми битвами с индейцами. После женитьбы (1823) Клеменсы обосновались в крохотном городишке в штате Тенесси. Будущее обещало многое молодому энергичному человеку, получившему хорошее юридическое образование. Джон Маршал объявил, что готов к приему клиентов. Конкурентов в городке и округе у него не было. Но скоро выяснилось, что местные жители не нуждаются в услугах юриста, да и жителей было слишком мало. Надо было самому создавать себе клиентуру — выбрать многообещающий городок, добиться его расцвета и расти вместе с ним. Клеменс переехал в Джеймстаун, был избран судьей, удачно приобрел за ничтожную цену огромный участок земли. Но и Джеймстаун обманул надежды Клеменса — городок продолжал оставаться по существу захудалой деревушкой. Предприимчивый юрист переселился в поселок Три Разветвления, потом в Пэлл-Мэлл... Он открыл торговлю, начал обрабатывать землю, но удача не сопутствовала ему и здесь. Пэлл-Мэлл, так же как и другие городшки, не хотел расти в соответствии с мечтами Клеменса. Джон Маршал Клеменс, фермер, торговый предприниматель и почтмейстер, не видел для себя перспектив в этом заброшенном городке. Нужно было искать свое счастье, добиваться удачи еще дальше на западе. Клеменс решил оставить Пэлл-Мэлл.

Все жители городка собрались на проводы Клеменса. Его почтительно называли судьей и сквайром — Джон Маршал человек образованный, он благородного происхождения, он построил в Джеймстауне превосходное

здание суда, поговаривают, что он владеет там большим участком земли. Клеменс принимал отношение к нему соседей как должное. Он действительно землевладелец — в округе Фентрес штата Тенесси Клеменсу принадлежат тысячи акров, десятки тысяч, сто тысяч акров — полторы сотни квадратных миль земли.

Но Клеменс не станет говорить об этом соседям. Он презирает весь Пэлл-Мэлл с его убогими избушками и жалкими людьми. Не этим же пэлл-мэллским фермерам, навсегда застрявшим в глухой дыре, измученным работой и болезнями, потерявшим надежду на будущее, понять, какие богатства несет в своих недрах земля Клеменса. Она содержит не только железную руду и уголь — в ней серебро. Земля принесет по двадцать, пятьдесят, по сто долларов за акр. Она будет стоить миллионы. Что бы ни случилось с Клеменсом, дети его обеспечены.

Наконец, все готово, кортеж трогается с места. В повозке сам Джон Маршал, его жена Джейн, дочери Памела, Маргарет и малыш сын Бенджамин. Рядом с повозкой верхом негритянка Джинни и старший сын Орион, ему уже десять лет.

Из Пэлл-Мэлла Джон Клеменс взял с собой домашний скарб, повозку, несколько лошадей, единственную рабыню и купчую на землю в округе Фентрес. Эти десятки квадратных миль пока еще не приносят дохода, и продать землю даже по доллару, даже по центу, по одной трети цента за акр было бы не легко.

Кочуя в погоне за обогащением из Джеймстауна в поселок Три Разветвления, оттуда в Пэлл-Мэлл, Джон Маршал терял и то немногое, чем владел. Но ему все казалось, что жизнь и богатство впереди.

Клеменсы стремятся на Запад, в глубь континента, в страну неписчерпаемых богатств, в страну будущего. На-

ступил 1835 год, год великих возможностей. Клеменс не станет влаком существование в деревушках, не имеющих перспектив, в мертвых уголках, если на свете существует великий, просторный Запад. Клеменсу мало хлеба насущного. Он сын виргинского джентльмена и должен быть богатым.

На Запад!

Этот клич звучал неотразимым призывом для сотен тысяч американцев во всех Восточных штатах и для иммигрантов, толпами прибывающих из-за океана. Этот клич опустошал целые поселки в старейших горных штатах Атлантического побережья. Не долго раздумывая, молодые люди покидали родные места и ехали на Запад искать счастья. Целые семьи пускались в трудный путь, туда, где их ждала хорошая земля, сытая жизнь. Там, особенно за величественной и грозной Миссисипи, где земли плодородны, там поселенцы сами устанавливают законы. Там всякий волен строить жизнь, как хочет. По крайней мере, такие вести приходили с Запада в города и деревушки восточного побережья с их закостеневшими, раз навсегда установленными порядками, в города и деревушки, где лучшие куски уже захвачены.

На лошадях и на волах, в закрытых от дождей и палившего солнца фургонах, которые на много месяцев превращаются в дома на колесах, переселенцы едут в новые штаты — Огайо, Индиану, Иллинойс, Алабаму. Агенты из Иллинойса по продаже земли, не жалея красок, расписывают богатства своего края. Правда, есть слухи, что эти агенты безбожные обманщики. Кое-где, говорят, одураченные люди берутся за оружие, ибо и на Западе лучшие земли принадлежат богачам.

Что ж, это только доказывает, что нужно ехать еще дальше на Запад, туда, где совсем мало людей.

Мать Марка Твэна ДЖЕЙН КЛЕМЕНС (1870 г.)

Клеменсам предстоит долгий путь — они направляются в самый новый и самый западный из штатов, Миссouri, по ту сторону Миссисипи. Тенесси для Джона Маршала — уже безнадежно старый штат, это — Восток, где предпримчивому человеку нечего делать.

История заселения этих мест всего несколько десятков лет. Но это новая страна, страна жадных, неукротимых людей, страна порядков, которые во многом резко отличны от порядков, существующих в «древней», монархической Европе.

Из Пэлл-Мэлла Клеменсы поехали до Луисвилля, там пересели на пароход и по Миссисипи направились в Сэнт-Луи, крупнейший центр всей территории за Миссисипи. Оттуда — еще дальше, снова в повозке и верхом.

За Миссисипи переселенцы попали в дикие, пустынные места. Это уже был «Дальний запад». Буйная, богатая растительность, почва, почти нетронутая трудом человека. У Клеменса было чувство, точно он первый прокладывает путь по этой благословенной земле. Ехали лесом, где в изобилии водились пушные звери. Синие гроздья дикого винограда, черная смородина, земляника, орехи — никто не станет спорить с путником из-за этих лесных богатств. Далее проезжали по бесконечной прерии, покрытой дикими цветами. Лишь очень редко видны были сбитые на живую руку строения, недавно заложенные табачные плантации. Штат Миссури, самый далекий западный аванпост Соединенных Штатов, еще только начал заселяться. В 1835 году западная граница полосы поселений тянулась вдоль восточного берега Миссисипи, в штатах Алабама и Тенесси, перекидывалась через реку в штат Миссури и затем снова возвращалась на восток от Миссисипи в штаты Иллинойс, Индиана и Огайо. Именно здесь, в Миссури, Джон Маршал надеялся проявить свои знания и спо-

собности, занять место, соответствующее его происхождению и образованию. Недаром Джон Клеменс пришел на Дальний запад с самого Атлантического побережья.

Наконец, переселенцы добрались до поселка Флорида в штате Миссури. Клеменсов восторженно встретил зять их Кворлз. Он устроился недурно: у него лавка, в которой торгуют сыром и ситцем, гвоздями и виски, шляпами и сахаром, он владелец фермы с тремя десятками чернокожих рабов. Да, на Западе, в Миссури, предприимчивые люди себя показывают.

Кворлз сразу же предложил Джону Маршалу стать его компаньоном по лавке. Конечно, Клеменс не какой-нибудь безграмотный фермер или лавочник, но, увы, в этих краях спрос на ученых невелик. Флорида пока маленькая деревушка; в ней всего триста жителей, нет ни одного каменного дома, и под бревенчатой церковью вечно возятся свиньи.

Семья Клеменсов устроилась в небольшом деревянном домике. У этого дома был, пожалуй, несколько унылый вид, особенно осенью. В конце ноября измученная путешествием и заботами Джейн Клеменс преждевременно родила пятого ребенка, сына. В честь деда он получил простое библейское имя Сэмюэль и еще второе имя — Лэнгхорн.

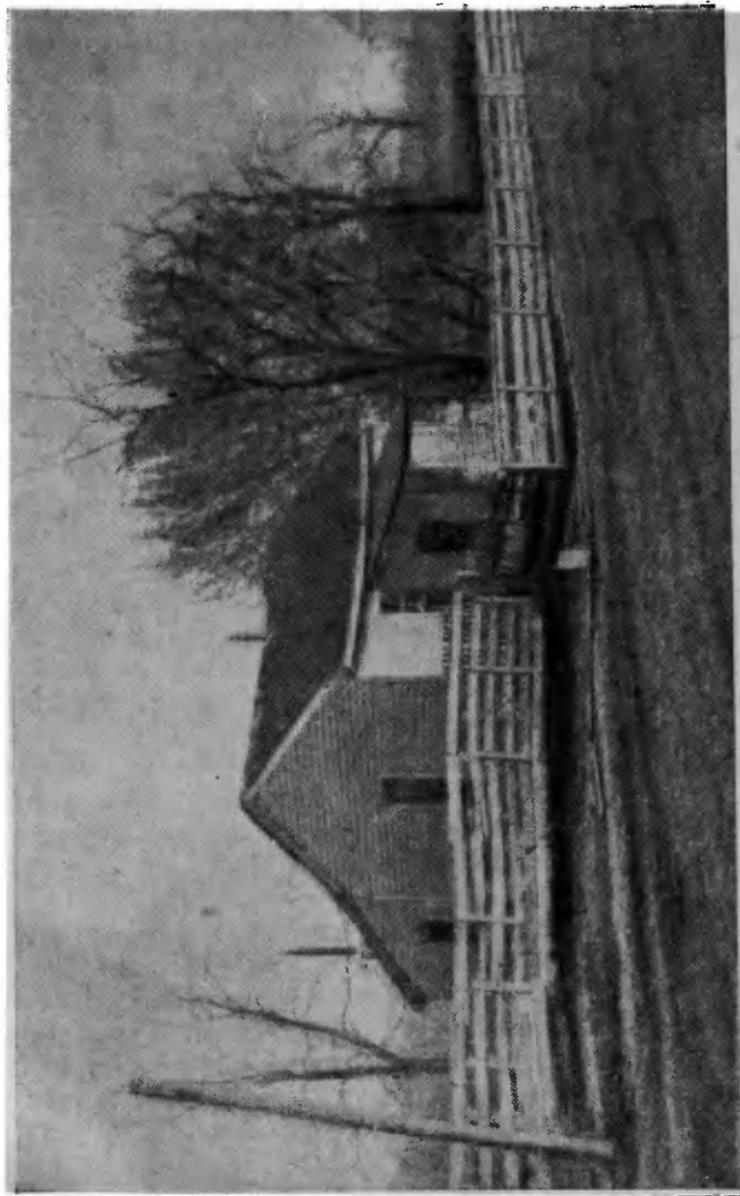
Сэм был слаб и тщедушен. С трудом он перенес зиму, неслыханно суровую зиму 1835 года. Летом детей отправили на ферму дяди Кворлза. Отец остался в лавке. Помимо торговли, Джон Маршал пытался все-таки вести кой-какие юридические дела. Потом его избрали на маленькую судейскую должность. Дети росли. Орион уже начал помогать отцу в торговле. Девочки прилежно учились. Бенджамин становился красивым, крепким мальчуганом. Маленький Сэм не был ни крепок, ни красив. Джейн Клеменс не ожидала многого от него — лишь бы не болел, у нее и без того много забот. Утомленная бес-

покойной жизнью, Джейн казалась старше своих лет и в голосе ее появились резкие нотки раздражения. Через два с половиной года после рождения Сэма появился на свет еще сын — Генри — и потребовал львиной доли внимания.

Дела у компаньонов шли плохо. Клеменс оставил Квортла и открыл собственную торговлю. Но и собственная торговля не очень поправила дела. Клеменс решил испробовать счастье на новом поприще. В то время в каждодневный быт жителей Америки уже начали проникать изобретения. Стал широко известен пароход. Уже десять лет существовали железные дороги. Был выдан патент на уборочную машину Мак-Кормика. Начиналась изобретательская горячка.

Джон Клеменс увлекся идеей изобретения вечного двигателя. Все его усилия в этой области, естественно, ни к чему не привели. Тогда Клеменс сделал новую попытку добиться расцвета городка, в котором жил. Флорида стоит на речушке Соленой, в семидесяти-восьмидесяти километрах от великой водной артерии — Миссисипи. Беда только в том, что Соленая не судоходна. Вновь основанная компания, директором которой стал Клеменс, разработала план строительства дамб и шлюзов на Соленой. Река должна стать судоходной, и Флорида превратится в оживленнейший торговый центр. За средствами для финансирования работ инициаторы строительства обратились в Конгресс США, но получили отказ.

Новый компаньон по лавке привел Клеменса к разорению. Неожиданно умерла девятилетняя Маргарет. Джон Клеменс потерял веру в перспективы Флориды. Он не мог больше оставаться в этом городке. Нужно было переехать на новое место. На этот раз семья Клеменсов избрала городишко Ганибал, расположенный неподалеку от Флориды. Это было самое большое из всех поселений, где когда-либо проживали Клеменсы

Дом в деревушке Флорида (штата Миссисипи), в котором родился СЭМЮЭЛЬ КЛЕМЕНС
(«АРК ТВЭН»).

побо́льше своей женитьбы. Ганнибалу, решил Джон Маршал, предстоит блестящее будущее — он стоит не на каком-нибудь жалком притоке, а на самой Миссисипи.

Маленькому Сэму было около четырех лет, когда он впервые увидел Миссисипи с ее неизмеримым водным простором, с ее зелеными берегами и заманчивыми пароходами.

Миссисипи — основное транспортное средство для огромной части страны. Река берет начало у самых границ Канады, приток Огайо протекает по богатейшим районам Среднего запада, а приток Миссури глубоко проникает на северо-запад.

До появления пароходов сельскохозяйственные продукты со всей долины реки сплавлялись вниз по течению в больших баржах, плоскодонках. Вверх приходилось тянуть баржи бичевой или двигаться с помощью шестов. Дорога в оба конца занимала зачастую всю весну, лето и осень. С появлением пароходов население долины Миссисипи и ее притоков стало расти особенно быстро. Возникали новые пароходные линии, строились новые пароходы.

От Сэнт-Луи до устья реки около двух тысяч километров. Для длиннейших пароходных линий нужны матросы, лоцманы, капитаны. Миссисипи, царственная Миссисипи, была источником существования для десятков тысяч людей.

Ганнибал лежит менее чем в двухстах километрах от Сэнт-Луи. Местные жители полагали, что по своему значению Ганнибал уступает только Сэнт-Луи. И все же Ганнибал пока захудалый деревянный городишко. Жизнь в Ганнибale сонная и вялая. Только когда показывается вдали пароходный дымок, городок на некоторое время оживает. Взрослые и дети стремглав

Мчатся к реке. Пароход подходит к пристани. В топку специально подброшена смола, и из пароходных труб валит густой черный дым. Дверцы топки раскрыты, чтобы видно было ярко горячее пламя. Свистки, удары колокола, шум колес, взбивающих воду, — все это действует неотразимо. И каждому мальчугану хочется стать лоцманом, капитаном, на худой конец юнгой, который стоит на палубе, когда пароход причаливает, виден всем и возбуждает всеобщий восторг и зависть.

Но вот на пароход погружены свинина, пенька и табак. Он тронулся в путь. Снова горячее солнце убаюкивает городок, снова жителей тянет в тень, к прохладной реке, в лес.

Мимо Ганнибала идут суда Каирской и Мемфисской линий, суда с верхней Миссисипи, суда с притоков, из самого Нового Орлеана.

Несмотря на Миссисипи с ее пароходами, баржами и плотами, коммерческие дела Джона Маршала на новом месте не улучшились. Как и во Флориде, он обзавелся лавкой, кроме того Клеменс был избран мировым судьей. Но все это давало очень мало. Пришлось продать негритянку Дженини. Клеменс решил приобрести в рассрочку доходный дом, однако покупка оказалась неудачной, и для покрытия долгов семья принуждена была распродать все имущество.

В трудные минуты Клеменсу не раз приходила в голову мысль расстаться с землей в Тенесси, не приносившей никакого дохода. Но он тут же отказывался от этой малодушной затеи — как можно отдать землю за гроши, если через несколько лет она непременно принесет несметные богатства!

Пока же приходилось итти на унижения — старшего сына Ориона отдали в ученики к печатнику, отец наялся на работу к коммерсанту.

У коммерсанта Клеменс не ужился. Соседи соболез-

нующе говорили (но так, чтобы это не дошло до ушей гордых Клеменсов), что Джон Маршал неудачник. Когда, в конце концов, дела несколько улучшились, Клеменс дал поручительство за одного приятеля. Тот объявил банкротство, и семья снова была разорена. Теперь оставалась последняя надежда, что Клеменса изберут на хорошо оплачиваемый пост в суде. Избрание считалось обеспеченным. Но во время предвыборных поездок Клеменс простудился. Сэму шел двенадцатый год, когда от воспаления легких умер отец.

В первые годы после переезда в Ганнибал из-за слабого здоровья Сэма дети Клеменсов также проводили лето во Флориде, на ферме дяди Кворлза. Позднее решили, что летом хорошо и в Ганнибale. Миссисипи — полноводная красавица с чудесными берегами; особенно хорош высокий берег на миссурийской стороне. Недалеко от городка, на острове, сплошь поросшем деревьями и кустами, можно играть в индейцев и разбойников. На реке, конечно, превосходное купанье. Местные мальчуганы плавали так хорошо, что им — и Сэму в том числе — ничего не стоило переплыть Миссисипи с одного берега на другой. Ганнибал окружен лесом, в нескольких километрах вниз по реке — таинственные пещеры.

К десяти годам Сэм превратился в выносливого сорванца, не уступавшего приятелям ни в драке, ни в плавании, ни в готовности к любым похождениям.

Сэм полюбил привольную жизнь за городом, он предпочитает бродить по лесу, нежели сидеть в четырех стенах школьного здания. Он готов нарушить все запреты, чтобы лишний разок окунуться в реку. Вместе с другими мальчиками Ганнибала Сэм хочет стать палубным юнгой, пароходным машинистом и — наконец — лоцманом, существом, выше которого никого нет.

Негры и белые передают много страшных историй о знаменитых речных пиратах, о кровожадных индейцах.

Эти истории даже печатаются в книжках. С раннего детства Сэму близка романтика разбойничьих приключений. На реке много отчаянных людей. Самым знаменитым пиратом был Джон А. Моррелл. Рассказывают, что он всегда вспарывал убитым животы — без внутренностей труп не всплывает на поверхность, а идет ко дну. Моррелл сбывал также фальшивые деньги, похищал рабов-негров. Говорят — и неизвестно, что про себя думают об этом негры, — что Моррелл собирался организовать восстание чернокожих. Это, конечно, страшное дело. Но Моррелл был храбрец, он знал себе цену, недаром он хвастал, что убил и ограбил больше людей, чем любой другой грабитель в Америке или «в известных людям частях света». О Моррелле существовали целые легенды. С его именем связаны слухи о сокровищах, спрятанных в потайных местах. Конечно, Моррелл, капитан Кидд и другие разбойники и пираты бывали и возле Ганнибала. Знаменитые ганнибальские пещеры не могли не привлечь внимания предприимчивых разбойников.

Сэму нравилось воображать себя капитаном пиратского корабля, в богатом пестром костюме; или Сэм — индеец в перьях; Сэм — глава разбойничьей шайки. Ему отдают почести, он властен над судьбами людей, перед ним трепещут не только путешественники, но и разбойники. Сэм — «черный мститель», он и его приятели дают страшную клятву, пышную, многословную. Теперь они ищут клад, трепеща перед привидениями, которые всегда стерегут разбойничьи сокровища. Маленькие речные пираты прячутся на необитаемом острове. Никто не найдет их в густых зарослях. Мальчики играют в золотоискателей — они делают заявки на участки, промывают песок, находят самородки.

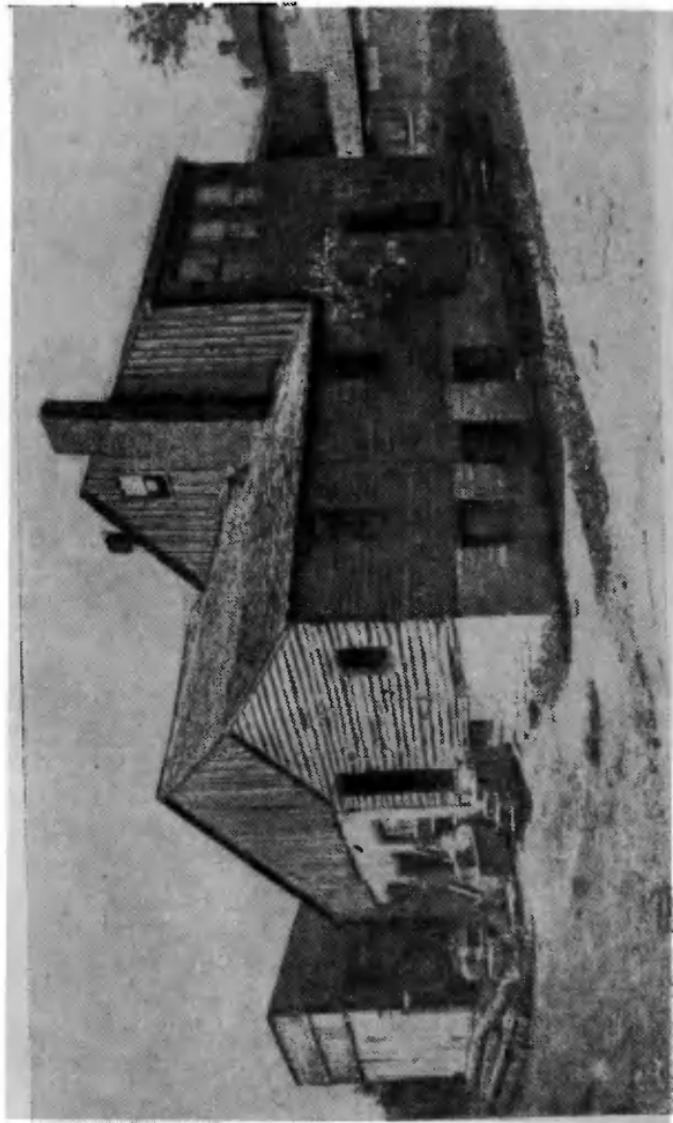
Среди детей Сэм был атаманом, может быть, потому, что у него более живое воображение, чем у других. Он изобретателен на шалости, у него есть своеобразное

чувство юмора. В наказание за какие-то грехи Сэм заставляют побелить забор. Он делает вид, что побелка забора доставляет ему громадное наслаждение. Завистливые приятели награждают Сэма своими детскими сокровищами, только бы он позволил им взять в руки штукатурную кисть. Когда мать зашивает рубашку наглухо, чтобы Сэм не смог снять ее и пойти купаться, он умудряется перехитрить Джейн Клеменс — достает нитки и после купанья сам зашивает рубашку. Был, правда, такой случай, когда по ошибке Сэм зашил рубашку нитками другого цвета. Выдал его брат Генри — послушный, прилежный мальчик. От Генри мать ожидает многого, Сэм же просто сорванец, его нужно крепко держать в руках.

Сэма частенько бывают. Однажды, чтобы избежать порки, он крикнул матери: «Смотри, что там за тобой?!» Когда мать испуганно оглянулась, он мгновенно скрылся. Это Сэм накормил кота лекарством, от которого тот едва не взбесился. Это он скупает талончики, которыми в воскресной школе оплачивается усердное заучивание священных текстов, и неожиданно появляется в роли примерного ученика, заработавшего премию.

Дружба, которая связывает маленьких ганнибалцев, — это дружба единомышленников по вольной жизни вне стен школы, патриотов островного — скрытого от глаз взрослых — государства, для которого недействительны скучные законы ганнибальского общежития.

Из всех приятелей Сэма Том самый интересный. В Ганнибale есть, конечно, городской пьяница, и Том сын этого пьяницы. Том Бланкеншип ходит в драной, грязной одежде, часто он голоден. Том не имеет своего угла, он спит в хлеве со свиньями. Зато он свободен, никому не подчиняется, он как будто вполне счастлив. Том может, не опасаясь наказания, пускаться в любые похождения. Он не связан воскресной школой.

Дом в ГаннибALE, где жил Том Бланкеншип.

лой. И Сэм, так же как и его друзья, завидует Тому и дружит с ним, несмотря на запрещение старших.

В жизни Сэма много радостей, веселья. На ферме дяди Джона Кворлза мальчикам на редкость хорошо. Там есть сад и табачные плантации, и лес, и ручей. За забором — деревенская дорога, где на солнце греются змеи. Мальчики великолепно знают разницу между ядовитыми змеями и безвредными ужами. Ужей они кладут в рабочую корзинку тети Патси — забавно поглядеть на нее, когда ужи начинают выползать из корзинки.

За лесом — прерия, полная душистой дикой клубники. Дети уходят за ягодами очень рано, когда в траве еще сверкает роса.

Искорки подлинной поэзии заронила в душу маленького Сэма жизнь на этой ферме в далеком глухом Миссouri.

Дядя Кворлз жил богато. Все явства обильного Юга подавались на стол для хозяина, его семьи и гостей. Тут были жареные, куры и пороссята, индейки и утки, гуси и зайцы, фазаны, овощи всех видов, горячий, особым образом приготовленный хлеб, арбузы и дыни прямо с баштана, пироги, начиненные яблоками, персиками и тыквой.

В сознание мальчика глубоко проникает очарование богатейшей, едва тронутой человеком природы — лесов и прерий, где водятся в изобилии мелкий зверь и дикая птица; земли, которая дает превосходный урожай табака и пшеницы, овоцей и арбузов; мощной, оплодотворяющей всю долину и часто разрушительной реки.

Общество взрослых мало привлекает Сэма и его приятелей. Исключением являются негры. Детей тянет в лес, в поле, к реке. Девять раз Сэмтонул. Но мальчик влюблен в реку. Он, конечно, рано научился грести. Девяти лет Сэм впервые попал на пароход — пробрался не-

замеченым и спрятался под шлюпку. Его вернули домой со следующей пристани.

Сэм и его приятели не очень считались с понятиями собственности. Однажды они захватили чью-то лодку, перекрасили ее в другой цвет, и хозяин не смог ее узнать. Теперь можно было пользоваться лодкой безнаказанно. Мальчики часто сопровождали охотников в леса. На любимом своем острове ловили черепах, собирали черепашьи яйца, удили рыбу, сбивали палками с деревьев диких голубей. Так приятно развести костер и самому приготовить рыбу собственного улова или зажарить голубя. Целыми часами мальчики рыскали по пещерам, замечательным пещерам в несколько километров длиной. Индеец Джо, пьяница, которого хорошо знает весь городишко, как-то заблудился в этих пещерах и погиб бы с голodom, если бы не летучие мыши, которыми он там питался. Однажды Сэм тоже едва не заблудился в пещере.

Жизнь казалась ясной и безмятежной. Счастливый детский смех, утренняя прозрачность прерий и лесов...

Но даже при жизни отца, когда Сэму еще не приходилось задумываться над тем, откуда возьмутся средства для пропитания семьи, маленький житель Ганнибала знал не только деревенскую идиллию.

Несмотря на то, что Сэм плавал лучше всех, всю ночь мог следовать по лесам за охотниками, не давал себя в обиду первейшим драчунам, он был нервный мальчик. Его мучили кошмары. Ночью он вставал и спящий бродил по комнатам. Эти кошмары находили себе пищу в окружающей реальной жизни, в том, что происходило наяву. Ганнибал был полон ужасов, о которых не могли не знать юркие, вездесущие мальчуганы. В крохотном городке происходили многочисленные убийства, и часто — на глазах детей.

Тысячи переселенцев направлялись через штат Миссури еще дальше на запад, к неустойчивой, манящей,

вольной «границе». Люди «границы» не долго раздумывали перед тем, как прибегнуть к ножу и пистолету. Вот пьяный человек ударил ножом товарища, переселенца в Калифорнию. Хлынула кровь, переселенец упал мертвым. Два брата решили прикончить старого дядю; один уперся коленом в грудь старика, второй пытался пристрелить его. Но пистолет дал осечку. Другой переселенец в Калифорнию с пьяных глаз задумал проникнуть в чужой дом, и старуха-хозяйка — Сэм видел это, — досчитав до десяти, выстрелила в него из ружья и уложила на месте. Вот Сэм забирается после дня, проведенного за городом, в кантору отца и при лунном свете начинает различать на полу очертания человеческой фигуры — это убитый, его принесли с улицы. По своей должности Клеменсу приходилось наводить порядок в городке, разнимать дерущихся, разбирать ссоры.

Но дело было не только в том, что на долю Ганнибала, города «границы», лежащего на пути к еще более дикому, неосвоенному Дальнему западу, падало особенно много драк и убийств. Ночные кошмары, бросившие черную тень на детство Сэма, связаны и с религиозным воспитанием, которое получил он и его ближайшие друзья.

Однажды в самый полдень на главной улице Ганнибала было совершено убийство — подстрелили бедного старого Смарра. Чтобы облегчить старику путь на тот свет, кто-то положил ему на грудь огромную старинную библию. Книга не давала старику дышать, она увеличивала его мучения и ускоряла агонию. По ночам Сэму стали сниться кошмары: он задыхался под давящей тяжестью огромной книги — библии. Суровость протестантской религии давила и угнетала Сэма Клеменса и окружавших его, как эта чудовищная библия. Джейн Клеменс, маленькая, хрупкая женщина, по-своему добрая и ласковая, была строгой пресвитериан-

кой, верившей во все муки ада, которые ожидают грешников после смерти. И эту веру она передала своим детям, даже такому неисправимому грешнику и шалуну, как Сэм.

Все, что происходило вокруг Сэма, все ужасы жизни маленького красивого городка, казалось, имели свое божественное предназначение. Их придумывало провидение специально для того, чтобы наставить Сэма к лучшей жизни. По ночам ребенок испытывал страх смерти, ощущал над собой существа, у которого нужно, унижаясь, вымаливать прощение.

Однажды свалился с баржи и утонул маленький грешник, по имени Лем. В ту же ночь над Ганнибалом разразилась гроза, которая продолжалась до самого рассвета. Свистел ветер, дрожали окна, дождь падал сплошным потоком, сверкала молния, и гром точно разрывал мир на части. Приятели Лема в ту ночь думали не о погибшем друге, а о себе. Каждый раз, когда вспыхивала молния, мальчикам казалось, что приходит и их последняя минута. Страшный, мстительный бог с мелочной придирчивостью следил за поступками людей, готовый утопить, сжечь, растерзать на части нераскаявшихся грешников. Чтобы умилостивить это существо, нужно, конечно, аккуратно ходить в церковь и воскресную школу. Когда через несколько недель после смерти Лема утонул другой мальчик, примерного поведения, знавший наизусть три тысячи стихов из священного писания (в эту ночь снова была гроза), новые муки овладели Сэном и его товарищами.

Воспоминания об одном страшном случае долго мучили Сэма. Пьяный бродяга, посаженный за что-то в тюрьму, попросил мальчиков принести ему спичек. Сэм удовлетворил его просьбу. Бродяга поджег тюрьму и сгорел вместе с нею. С тех пор кошмары не давали Сэму покоя. Ему становилось не по себе уже при приближении ночи.

Молитвы — дома, в школе, в церкви и в воскресной школе — занимали большое место в жизни семьи Клеменсов. Смерть брата Бенджамина (Сэму тогда было семь лет) послужила основой для многозначительных религиозных уроков.

Много страшного слышали дети от негров. На ферме дяди Кворлза жила в маленькой избушке уважаемая неграми-рабами и детьми седая негритянка. Про старуху говорили, что ей тысяча лет и что она беседовала с самим Моисеем. Круглая плешь на ее голове, по убеждению детей, была вызвана испугом при потоплении египетского фараона. Старуха знала всевозможные молитвы, умела «изгонять бесов» и была замечательной рассказчицей.

В Ганнибale все относились к рабству, как к чему-то естественному, раз и навсегда установленному; над этим не приходилось задумываться. Но благословенная обильная земля, на которой родился шалун Сэм, была землей ужасов рабства, и это в свою очередь не могло не оставить следа в душе мальчика.

Штат Миссури соединял в себе особенности американского Запада и американского Юга. Отдаленный от старых Южных штатов, Миссури все же отразил как в своем укладе, так и в составе жителей влияние плантаторского Юга. Вопрос о том, существовать ли рабству во вновь создаваемом штате Миссури, в свое время вызвал в американских законодательных органах ожесточеннейшую борьбу, имевшую историческое значение. Борьба эта вызывалась как экономическими соображениями — стремлением штатов расширить рынок сбыта рабов-негров, так и политическими. Юг, менее населенный, нежели Север, мог защищать свои привилегии главным образом через ту палату Конгресса США — сенат, в которой представительство строилось не по численности населения, а от всех штатов поровну (по два сенатора). Следовательно, необходимо было добиваться увеличения

числа штатов — разрешалось рабство. Борьба по этому вопросу в конце концов (в 1820 году) завершилась компромиссом. Миссури был признан рабовладельческим штатом, но был создан новый, свободный штат — Мэйн.

Рабство в Миссури не нашло такого распространения, как в собственно Южных штатах. Рабы оставались в значительной части домашними слугами, но и здесь имелись фермы с десятками рабов.

В детстве Сэм был свидетелем того, как белый за какую-то пустяковую провинность ударили раба куском железа по голове. Негр упал, не проронив ни звука, и через час умер. Избивали негров по каждому поводу. Даже Джон Marshal, редко наказывавший своих детей, без конца сек мальчика-раба.

Сэм видел однажды, как шестеро мужчин привели беглого негра. Детям внушали, что беглые негры хуже диких зверей, но жутко было слышать стоны избиваемого до полусмерти человека.

Жизнь была страшна для негра — это понимали даже дети. В любую минуту его могли продать «вниз по реке» — на плантации Юга, где рабы недолго остаются в живых. Детей отрывали от матерей. Негр-мулат, будь он даже совсем белым по цвету кожи, полностью принадлежал своему хозяину, тот мог делать с ним, что угодно. Недаром «загробное царство доброго черного бога, который ждет своих безмерно уставших детей на реке Иордане», представлялось неграм царством счастья.

Действительность для негров — и для детей белых — казалась наполненной привидениями, таинственными звуками, колдовством, смертельными опасностями. Крик совы, вой собаки — все имело свой страшный смысл. Ночью появлялись таинственные существа без рук, без ног, без головы. В темноте всегда можно было ожи-

датъ, что кто-то схватит тебя за горло^{также} может быть, это кровожадный вампир. Глаза зверей горели ночью особенным, неестественным огнем. Души покойников долго бродили по миру и иногда вселялись в других людей. Кладбище казалось местом, полным своеобразной жизни, страшной для тех, кто еще дышал. Колдуны могли лишить человека сна, счастья и даже умертвить его. Если ночью мышь грызет вашу одежду, значит вы обречены на смерть. От этих ужасов нужно защищаться талисманами, нашептываниями, особыми знаками. Нужно знать слабые места колдунов и вампиров, чтобы отвести от себя дурное влияние; это целая «наука» — борьба со страхом неизвестности. Негры учили детей пользоваться солью и перцем, заячьими лапками, костями мертвцев и кладбищенской землей, чтобы защитить слабого человека от страшного скрытого врага. Но все эти талисманы и заклинания часто теряли свои магические свойства. Все время вступали в действие новые и новые страшные силы, против которых у негров не было никакой защиты.

Когда Дженни была продана, семья Клеменсов взяла в услужение маленького Сэнди, которого оторвали от его семьи, жившей в Мерилэнде (штате, растившем рабов «на вывоз»). Однажды этот мальчик запел. Сэм потребовал, чтобы Сэнди замолчал. Мать сказала сыну: «Он никогда больше не увидит свою мать; если он еще в состоянии петь, не станем ему мешать».

Но даже ребенок, лишенный матери, не вызывал мысли о том, что рабство отвратительно. Церковь, заставлявшая белых до мельчайших деталей расследовать показания своей совести, никогда не осуждала рабства с амвона, оно принималось без каких-либо сомнений и на совести людей следов не оставляло.

Лучшими друзьями белых детей были негры. Они заботливо воспитывали детей своих хозяев, несмотря на

то, что были рабами. И всё-таки отпустить на волю негра, чью-то собственность, было немыслимо. Это противоречило не только установленным законам, но и чувству собственного достоинства. Ни Сэм, ни его друзья не пошли бы на такой шаг, как помочь беглому негру. Это был бы низкий, греховный поступок, бог知道了 would have been a sin, if he had tried to help a fugitive slave. Это был бы низкий, греховный поступок, бог知道了 would have been a sin, if he had tried to help a fugitive slave.

Аболиционистов, сторонников освобождения рабов, считали опасными сумасшедшими. Если они осмеливались открывать свои убеждения перед белыми или — что того хуже — перед неграми, их нужно было уничтожать, как бешеных собак. В детстве Сэм был свидетелем казни аболициониста Гарди. Было чудом, что его не убили сразу, а повесили после судебного разбирательства. Гарди помог негру бежать из рабства, а когда полицейский пытался задержать беглого раба, убил представителя закона.

В день, когда должно было совершиться повешение, в деревушку собирались фермеры со всей округи. Привезли даже детей. Зрители ели пироги, пили крепкий сидр и читали местную газету, где дело Гарди было полностью описано. Это был праздник для всей округи. Веревка, на которой повесили Гарди, была раскуплена по кусочкам.

Правда, расправа над Гарди вызвала подъем аболиционистских настроений. Несколько местных жителей — кузнец, печатник, пекарь и другие — создали тайное общество. Главным врагом аболиционистов оказался местный священник. В конце концов кузнец был тоже повешен и умер со словами: «Смерть тиранам!» Общество аболиционистов продолжало существовать и расти.

В Ганнибale имелись люди, которые осмеливались помочь беглым неграм, порою вопреки собственной выгоде. Одним из таких был старший брат Тома Бланкен-

шипа — Бен, пользовавшийся еще менеё завидной репутацией, чем Том. Однажды во время рыбной ловли Бен Бланкеншип наткнулся на беглого негра. Все законы обязывали Бена сообщить властям о своем открытии. Поимка негра доставила бы Бену много почестей, кроме того, за беглого негра была назначена большая награда — пятьдесят долларов. У Бена было очень много оснований выдать негра. И все же он этого не сделал. Бен помог беглецу спрятаться в болоте, носил ему пищу, дружил с ним. Негра выследили, за ним устроили погоню. Спасаясь от погони, беглец утонул.

Сэм знал обо всем этом. И знал не только с чужих слов. Однажды, когда Сэм и его приятели купались на том месте, где утонул беглый негр, из воды поднялась по пояс фигура утопленника. Тело, очевидно, находилось под запутавшимися в зарослях бревнами — много их несет течением Миссисипи — и затем всплыло на поверхность. Мальчики в ужасе бежали — утопленник мог принести несчастье.

ВЫСОКАЯ ЛОЦМАНСКАЯ РУБКА

Умирая, Джон Маршал Клеменс оставил семье только купчую на землю в Тенесси. Ни денег, ни другого имущества уже не было. За несколько лет до смерти Клеменс предпринял путешествие в Джеймстаун в надежде выгодно продать хоть часть земли, но лишь бесполезно истратил много денег. Конечно, земля в Тенесси в будущем принесет богатство. Но пока семья оставалась без средств к существованию. Надежды, которыми всегда жили Клеменсы, — вот придет их час, отец выкарабкается из затруднений, обеспечит детей, — эти надежды окончательно рухнули.

Ганнибал — маленький скромный городишко в молодом Западном штате Миссури. Вокруг Ганнибала не было

Переселенцы в пути на Дальний запад. *Современный рисунок.*

таких крупных плантаций, как в старых Южных штатах — Виргинии, Северной и Южной Каролине, Георгии. Большинство жителей округи — свободные фермеры с относительно небольшими земельными участками. Имелись здесь и безземельные обнищавшие поселенцы. Некоторые из них отправлялись еще дальше на запад. Именно в Миссури в 1841 и 1846 годах составились первые группы переселенцев — через материк — в Калифорнию. Это было трагическое путешествие. Часть переселенцев погибла в пути. Оставшиеся в живых терпели страшные лишения. Чтобы не умереть от голода, приходилось есть своих умерших товарищей. Так была проложена дорога через весь континент к Тихому океану.

В Ганнибале не было особенно богатых людей, как на

Юге и на Востоке. Но и в Ганнибale, с его фермерской демократией, чувствовался душок южного аристократизма; крупные фермеры, состоятельные торговцы, удачливые юристы не забывали разницы между собой и людьми наемного труда.

Дети Клеменсов — потомки виргинских джентльменов и английских Лэмptonов — были вынуждены зарабатывать на жизнь физическим трудом. Орион стал рабочим — наборщиком. Какая судьба ждала Сэм?

Когда через несколько месяцев после смерти отца Сэм заявил, что не хочет больше посещать школу, мать выслушала его без огорчения. Двенадцатилетнему мальчику нужно начинать работать.

Сэм не любил школу. В школе его часто наказывали. Сэм — фантазер, он придумывал невероятные истории, а учительница называла его лгуном. Да и как можно сидеть спокойно и заниматься скучными уроками, когда Миссисипи так близко, когда до лесов, полей и пещеры — рукой подать? Сэм боялся божьей мести за непослушание, но скуча обязательного чтения молитв и отрывков из Библии заставляла преодолевать этот страх.

Хорошо читать Сэм научился быстро, а писал даже грамотнее других. По диктанту он лучший ученик в классе, и медаль за орфографию всегда достается ему. Зато медаль за хорошее поведение обычно получает Джон Ро-Бардз. Разнообразия ради Сэм и Джон иногда обмениваются своими медалями.

Другие науки Сэма не интересуют. Он не собирается просиживать часами над книжкой, как, например, Генри. Учительницы, соседи и даже родные были не слишком высокого мнения об умственных способностях этого непоседливого мальчишки.

Сэм говорил как-то особенно медленно, растягивая слова. Иногда тягучим своим голосом Сэм расскажет какую-нибудь шутку, и самый контраст между содержа-

нием его рассказа и манерой передачи заставляет слушателей смеяться. Такую манеру речи он перенял у матери.

Орион регулярно присыпал из Сэнт-Луи часть своего заработка. Сэм Клеменс был отдан в ученики к Аменту — владельцу ганнибальской газетки и типографии. Ученику полагались одежда и питание, и Сэм донашивал старое, с хозяйствского плеча, платье, которое было ему непомерно велико. Кормили плохо, но Сэм вместе с другими учениками таскал по ночам картошку и лук из хозяйственного погреба.

Оказалось, что Сэм — неплохой наборщик. Он же разносил по домам подписчиков специальные выпуски газеты с сообщениями о ходе войны с Мексикой (в результате этой войны западная граница Соединенных Штатов дошла уже до самого океана).

Закончив дневной урок в типографии еженедельного «Миссурийского курьера», Сэм спешит на реку (теперь он — один из лучших пловцов во всем Ганнибale!), на вечеринку или на прогулку с приятельницами. Со школьной скамьи Сэм влюблен в хорошенькую Лору Хокинс. Иногда Сэм остается в типографии, чтобы набрать и отпечатать на бумажной или шелковой ткани текст понравившейся песни в подарок друзьям.

В свободные часы Сэм охотно отправляется к неграм послушать пение. Негры поют о своей тяжелой доле. «Я чувствую себя сиротой, о, да, господи, далеко от дома...» «Звучит труба в моей душе... Я хочу быть, где покой». Негры хорошо танцуют — в бешеном ритме, забывая обо всем. Никто так не умеет петь и танцевать, как негры. Иногда в Ганнибал приходит специальный пароход с труппой бродячих актеров, с комиками, которые играют хитрых янки и ленивых негров, с акробатами и

целым оркестром. Бродячие актеры оставляют жителям городка новые песни, баллады о том, как «из груди ее выросла красная, красная роза», шуточные, любовные и страшные песни.

Сэм тоже любит петь и хорошо танцует. А в ГаннибALE есть где потанцевать. Танцуют в школах, в пустых сараях, на свежем воздухе — был бы только скрипач.

О своем будущем Сэм не задумывался. Иногда только ему приходила мысль о том, что хорошо бы стать бродячим наборщиком, повидать свет. Работа всюду найдется.

Брат Орион твердо решил выбиться в люди, не вечно же быть наборщиком! В ГаннибALE продавалась маленькая газета. Во всех городках были свои еженедельные газетки с пышными названиями, со стихами, латинскими афоризмами, большим количеством анекдотов и новостями из местной жизни. Зачастую всю работу по выпуску газеты делал один человек. В ГаннибALE с населением в три тысячи человек было пять газет. Орион все рассчитал. Он недорого купит «Джорнал». Кроме него самого, в газете будут работать братья Сэм и Генри. Редактором, конечно, будет Орион, братья — помощниками только по типографской части. Своя газета даст Ориону Клеменсу известность, а там... В своих мечтаниях Орион заглядывал далеко.

Генри было только одиннадцать лет, когда его взяли из школы и поручили Ориону и Сэму.

Пятьсот долларов на покупку газеты были получены взаймы из десяти процентов годовых.

В своей газете Орион давал поучительные передовые, помещал политические новости. Много места занимали сообщения о приездах и отъездах, семейных событиях и прочих делах местных жителей, вплоть до покупки коровы. Печатались также анекдоты, шутки, рассказы. В обмен на свою газету редактор получал много изда-

ний и... ножницами он пользовался свободно. Никто не был за это в претензии — забавная заметка, опубликованная в одной какой-либо газете, зачастую перепечатывалась десятками других.

В газетах, приходивших в Ганнибал из разных концов страны, Сэм прежде всего читал комические сценки, обычно написанные ломаным, шуточным языком, записи рассказов, которыми обмениваются мужчины на пристани, на бочке у какой-нибудь лавки, на барже, на привале во время охоты, на вечеринке.

Многие из этих рассказов Сэм слышал и раньше от негров и бродяг, переселенцев и матросов, от приятелей-наборщиков. Всюду, где собирались несколько человек без особого дела; кто-нибудь обязательно начинал рассказывать необыкновенные истории. Сотни фантастических и занимательных рассказов знали жители Юго-запада о Давиде Крокете, о Буне, Финке, Беньяне. Кроме Беньяна, все это были живые люди, люди «границы». Как и тысячи других американцев, они дрались с индейцами, плавали по Миссисипи, захватывали новые земли. Но в легендах, создаваемых об этих героях Запада, они стали совершать все более трудные, нечеловеческие подвиги, они превратились в полубогов.

Из глухих лесов и гор западного Тенесси вышел человек по имени Давид Крокет. В 1828 году его избрали членом Конгресса, и он поехал в Вашингтон, чтобы показать, каких людей растит «граница». На Западе люди умеют драться, охотиться за крупным зверем, умеют делать политику и много пить. На Западе умеют также рассказывать истории, от которых у франтов из Восточных штатов душа уходит в пятки. Крокет умер через шесть лет после своего появления в Вашингтоне, но успел выпустить несколько книжек о своих приключениях и героических делах. После смерти Крокета каждый год о нем появлялись все новые рассказы и книжки. О Кро-

кете говорили, что он жутко уродлив. Стоило ему за-смеяться своим ужасающим смехом, и звери падали, как подкошенные. Он ездил верхом на крокодиле, вы-секал огонь из руки, чистил зубы вилами, утолял жаж-ду, выпивая Миссисипи до дна. Еще ребенком Крокет связывал буйволов хвостами, приносил домой тигрят, а став взрослым, взобрался на Аллеганские горы и при-кутил хвост комете.

Даниэль Бун был бесстрашный охотник. Одним из первых он проник на территорию будущего штата Кентукки, дрался с индейцами сотни раз и всегда с неизменным успехом, как о том говорили легенды.

Могущественное всех рисовался лесоруб Поль Беньян из Северной Дакоты, один из самых любимых героев американского народа. О нём рассказывали, что по своему желанию он изменяет поверхность западных земель. Захочет Беньян — и выроет целый залив, захочет — перенесет гору на новое место, где ему нужен наблюдательный пункт. Беньян срезает окаменелые леса серпом и превращает лесистые местно-сти в пустыни. Он могуч, как природа «вольного Запада». Он даже сильнее природы. Беньян как бы вопло-щает в себе дерзость и силу людей, бросивших вызов природе, людей, проникающих в глухие места гигантской колонизируемой страны, которая встречает пришель-цев грозными метелями, песчаными бурями, жарою без-водных пустынь, стрелами индейцев и угрозой нападе-ния диких зверей.

Имена гигантов Запада были известны всем. Расска-зывали истории и про рядовых охотников, речных пи-ратов, жителей лесов, таких же предприимчивых, на-стойчивых, бесстрашных — подлинных покорителей «гра-ницы». Конечно, эти люди непрочь прихвастнуть, пре-увеличить свои успехи, свою силу, непрочь приврать, но это не беда — ведь на Западе с его просторами все —

огромное, мощное, бескрайнее, не так, как в этих хилых Восточных штатах.

На Миссисипи, прежде чем вступить в драку, матроны разыгрывали целые состязания в хвастовстве.

Один скажет:

— Я человек, я лошадь, я целая упряжка, я могу уложить любого человека во всем Кентукки, клянусь богом.

Другой:

— Я крокодил, полулюдо, полулошадь, могу уложить любого человека на всей Миссисипи.

Так пытались запугать друг друга люди «границы», готовясь к драке. Но хвастали не только смелые люди. Часто пускались в хвастовство и трусы, и это уже было смешно.

На Западе было широко развито народное творчество, построенное на бытовом материале и часто связанное с легендарными преувеличениями. Здесь же зародились пародийные, псевдогероические персонажи, особый «хвастовской жанр» американской литературы.

Сэм честно выполнял свои обязанности в типографии Ориона. На большее участие в газете он не претендовал. Но дела ганнибальской «Джорнал» были далеко не блестящи. Конкуренция других газет не давала Ориону покоя. Он переменил название своей газеты, стал скуп, попробовал повысить подписную цену. Тираж газеты продолжал снижаться.

В трудную минуту Орион вспомнил о наследстве отца и отправился в Тенесси — была надежда продать хоть несколько тысяч акров этой многообещающей земли.

Место хозяина и редактора занял на время Сэмюэль Клеменс, которому было всего пятнадцать лет. Сэм знал, что другие провинциальные газеты далеко не всег-

да соблюдают солидный, скучный тон, характерный для газеты благоразумного чудака Ориона. Сэм начал печатать сообщения довольно скандального характера о местных жителях. Газетка сразу приобрела островерту. Конечно, основной огонь был направлен против редактора конкурирующей газеты. Поговаривали, что этот джентльмен страдает от несчастливой любви. Редактор Клеменс опубликовал пространное сообщение с указанием всех имен и фамилий и даже с иллюстрацией: влюбленный редактор лезет в воду с шестом — он намерен утопиться. Номер газеты был расхвачан местными жителями и прочитан с большим интересом. Последовал ряд других сенсаций, рассчитанных на повышенный спрос читателей.

Когда Орион вернулся (поездка оказалась бесплодной), он был потрясен выходками мальчишки Сэма. Орион принес извинения обиженным и решительно изгнал брата из редакционного отдела газеты.

Сэм записал несколько анекдотов и послал их в газету, издававшуюся в Бостоне. В мае 1852 года в этой газете была напечатана сценка, подписанная инициалами С. Л. К. В ней рассказывалось, как некий франт «с убийственными усиками» сошел с парохода в Ганнибале и, чтобы порисоваться, приставил револьвер к груди первого попавшегося лесоруба. «Наконец-то я тебя нашел... Молись!» вскричал франт, полагая, что этот провинциал запросит пощады. Но лесоруб размахнулся и с такой силой ударил франта, что тот упал в реку.

Это был подлинный юмор «границы». Грубый, сильный лесоруб или фермер Запада показан героем рядом с хвастливым, фатоватым жителем Восточных штатов.

Газета, в которой была напечатана сценка Сэма, пользовалась большой популярностью. Ее издавал Бенджамин Шилабер, автор юмористических повествований о вдове Паркинсон и ее сыне — шалуне Айке. В этой же га-

зете печатались юмористические рассказы Феникса и молодого наборщика газеты Чарльза Брауна, который был только на год-два старше Сэма Клеменса.

Но газетная работа недолго интересовала Сэма. В течение следующего года он написал лишь две шутки, которые Орион милостиво согласился напечатать в своей собственной газете.

Дела Ориона шли все хуже. Он совсем прекратил выдачу заработной платы. Восемнадцатилетний Сэм вынужден был обходиться без карманных денег. Почему Сэм обязан это терпеть? Он — опытный типографский работник и всюду сумеет найти заработок. Пора осуществить мечту — пойти побродить по свету.

В 1853 году Сэм сбежал от Ориона. В Сент-Луи, где жила недавно вышедшая замуж сестра Памела, он без труда нашел работу. Скопив немного денег, Сэм, теперь уже Сэмюэль Клеменс, отправился дальше к Атлантическому побережью, в гигантский город Нью-Йорк. В Нью-Йорке в то время была выставка — Сэм подробно описал ее в письме к родным. Получилось, пожалуй, не хуже обычных репортерских сообщений в провинциальную печать. Как подлинный американский журналист, Сэм не упустил возможности пощеголять рекордными цифрами. Число посетителей Хрустального Дворца — 6 000 человек в день; это вдвое больше численности населения Ганнибала. От входной платы выручают 3 000 долларов в день. Высота обсерватории — 280 футов. Водоснабжение Нью-Йорка достойно удивления. Длина акведука такая-то, количество воды в день составляет...

В конце письма Сэм сообщил, что свободные часы проводит в бесплатной библиотеке печатников. Сэм пристрастился к чтению. Он стал интересоваться историей, посещать театры, ему особенно понравилась сцена, в которой гладиатор умирает у ног своего брата «со всей жестокой радостью удовлетворенной жажды мести».

После Нью-Йорка Сэм посетил Филадельфию с ее музеями и зданиями, с которыми связывались воспоминания о борьбе колоний за независимость. Сэм попробовал написать кое-что для серьезной печати. Конечно, не анекдоты, пригодные для глухой провинции, а патетические стихи о благородной и прекрасной борьбе. Стихов С. Клеменса никто не захотел печатать.

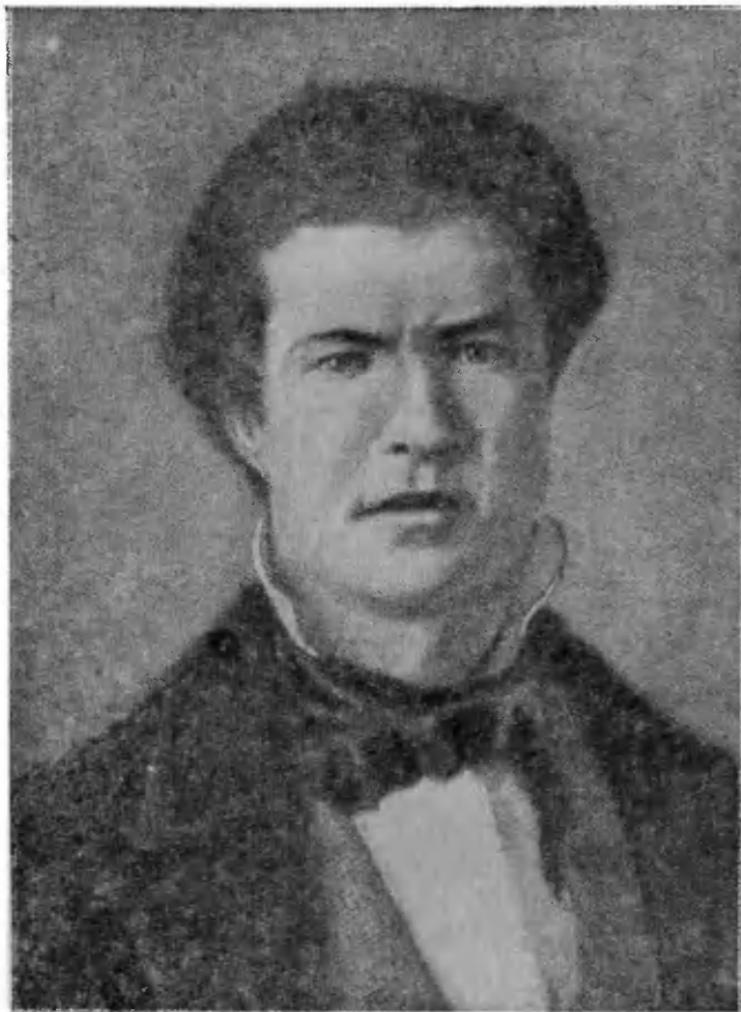
Сэм стремился увидеть как можно больше. Он совершил экскурсию в столицу — Вашингтон. Всюду он находил работу. Рождался молодой, задорный оптимизм: «...Полагаю, что людям придется долго ждать, прежде чем я упаду духом или испугаюсь голода», пишет Сэм Ориону.

За год бродяжничества Сэмюэль Клеменс возмужал, он познакомился с крупнейшими культурными городами восточного побережья. Постоянные переезды несколько утомили Сэма. Потянуло домой, к матери. Но в Ганнибале уже никого из родных не было. Орион женился и переехал в город Киокук. Мать переселилась к нему. Брат открыл в Киокуке типографию и снова предложил Сэму работу. Сэм, соскучившись без семьи, согласился.

Дела у Ориона были попрежнему организованы плохо. Сэм сердился на брата, жаловался матери, но в конце концов решил не принимать всего этого близко к сердцу. Сэм Клеменс живет весело, ухаживает за хорошенькими девушками, учится пению, рассказывает приятелям забавные истории, непрочно сыгравть какую-нибудь шутку над Генри или другими учениками-наборщиками. Два года прошли быстро — Сэму уже двадцать лет.

Сэм много читал — Диккенса, По, сборники анекдотов, юмористические журналы, книги об увлекательных путешествиях.

В одной такой книге описывалось путешествие Линча и Герндана к верховьям реки Амазонки, туда, где растет

МАРК ТВЭН в юности

ценная кока. Тот, кто достанет коку, мгновенно разбогатеет. Наборщик Клеменс и два его приятеля собрались в экспедицию на реку Амазонку. Останавливали только отсутствие средств.

Однажды в мрачный ноябрьский день к дому, мимо которого проходил Клеменс, пришло ветром бумажку. Бумажка оказалась банкнотом в пятьдесят долларов.

Теперь вопрос был решен окончательно — Сэм едет на Амазонку.

Первый этап — Цинциннати. Там Сэм собирался перезимовать и затем пуститься в путь по Миссисипи до Нового Орлеана, а оттуда в Южную Америку. Нужно только собрать побольше денег. В Киокуке есть еженедельная газета «Вечерняя почта». Почему бы «Почте» не печатать письма из Южной Америки исследователя Клеменса? Редактору газеты предложение показалось заманчивым. Договорились — за каждое письмо Клеменс получит по пять долларов.

Началась работа в цинциннатской типографии. Сосед Сэма, шотландец Макфарлэн, имел много настоящих, хороших книг. Он читал даже философские труды и сам любил пофилософствовать. Между человеком и животным много общего, рассуждал Макфарлэн, но человеческое сердце испорчено, человек — злое, пьяное, грязное существо. Он подчинил себе животных, но он ниже и хуже их.

Письма, обещанные Сэмюэлем киокукской «Вечерней почте», должны быть занимательными, иначе киокукцы читать их не будут. Сэм был хорошо знаком со стилем юмористических писем — в газетных типографиях он немало набирал «документов» «майора Джека Донинга», простодушного и вместе с тем хитрого фермера, и уморительных писем янки Сэма Слик. Все они написаны на смешной лад, на своеобразном местном жаргоне.

На Востоке выпускают много книг американских

юмористов, в которых рассказаны комические эпизоды из быта провинции. Часто эти юмористы касаются и политики. Донинг, созданный писателем Смитом, в своих письмах говорит о президенте и других высокопоставленных лицах, точно о своих деревенских друзьях. Больше всего любят юмористы изображать простодушных фермеров, попадающих зачастую впросак, но вместе с тем наблюдательных и хитрых. Разносчик Сэм Слик, созданный Галибортоном, ходит из дома в дом, из деревушки в деревушку, подмечает, как живут люди, как они сорятся и дружат, он знает их недостатки, их слабости.

Лоуэлл из аристократического Бостона, выступая как автор юмористических сочинений, пишет нарочито простонародным языком, путая понятия, нелепо и забавно извращая слова. Большим успехом пользуются вдова Бедотт, создание Уичера, и миссис Партингтон, создание Шилабера, — деревенские кумушки, любящие посудачить, живущие жизнью своей округи, отражающие быт маленьких поселений Новой Англии.

Эта юмористическая литература в определенной мере сумела запечатлеть негероическую повседневную жизнь янки из фермерских поселений Восточных штатов. Комические прикрасы дали возможность ярче, сочнее отразить быт и язык провинции.

В Южных и Юго-западных штатах были свои писатели, на творчестве которых сказалась близость границы и юмор негров. Лонгстрит в сценках из жизни штата Георгия, Гупер в рассказах о приключениях прожженного мошенника Сэггза, Торп и другие создали своеобразный юмор, более острый, чем на Востоке. В юморе Юго-запада больше выдумки, живости, фантастики. Это в значительной степени юмор преувеличения, вранья, юмор охотников, матросов, начиняющих небылицами доверчивых «сухопутных крыс», юмор, связанный с устным рассказом, с фольклором.

Газеты долины Миссисипи печатали рассказы и восточных и юго-западных юмористов, в них отражен юмор старых поселений Новой Англии, а также юмор «границы». На страницах газет мелькали десятки смешных имен — псевдонимов.

Газетные юмористы никогда не подписывались своей фамилией, они повествовали от имени своих смешных героев. Сэмюэль Клеменс тоже придумал этакого провинциального чудака Снодграсса — фамилия эта встречается в рассказах о Сэггзе, — и Снодграсс написал два письма в редакцию «Почты». Снодграсс, конечно, говорил комично-простонародным языком, и с ним происходили забавные происшествия. Вот Снодграсс, отправляясь путешествовать, сдает свой сундук в багаж, сундук раскрывается, и из него высыпаются все вещи. Пароход пустился в плавание и тотчас же сел на мель. Сколько капитан ни ругался, пароход с мели не двигался. Потребовались объединенные ругательства всей команды, сообщает Снодграсс, чтобы пароход отправился дальше.

Эта попытка Клеменса стать писателем не увенчалась успехом. Между первым и вторым письмом прошло четыре месяца. Больше Сэм не писал.

Весной 1857 года Клеменс двинулся в путь, в Южную Америку. Цинциннати лежит на Огайо. Можно сесть на пароход на городской пристани и без пересадки доехать до самого Нового Орлеана. Так он и решил сделать.

Пароход «Поль Джонз» был далеко не лучшим судном «Отца рек». Шел он очень медленно. Но Сэм не скучал — он много беседовал и шутил с матросами, отыхал на палубе. После долгой и мрачной зимы так радостно видеть плывущие мимо зеленые берега, улыбающуюся речную гладь, хорошо никуда не спешить и греться под ласковым весенним солнцем. Высоко над палубой пилотская рубка, в ней обитал лоцман. Он уве-

ренно вел пароход вперед, приближая его то к одному, то к другому берегу, безошибочно находя глубокую воду в узком проливе между островами. Даже ночью, в кромешной тьме, этот человек спокойно вел свое судно, хотя на всем протяжении реки не было ни одного светового сигнала. В любую минуту, казалось, перед самым носом парохода мог возникнуть берег.

Сэм, выросшему на Миссисипи, хорошо известно, какое высокое положение занимают эти волшебники-лоцманы, ведущие пароходы по капризной, изменчивой реке. Капитан не имеет права вмешиваться в действия лоцмана. Пусть ему кажется, что пароход идет к гибели, но у лоцмана, вероятно, есть свои причины, чтобы провести судно именно здесь.

Лоцман — один из наиболее обеспеченных людей. Его оклад во много раз превышает заработок даже самого лучшего наборщика или печатника. Когда лоцман свободен от вахты, никто не имеет права давать ему никаких поручений.

Еще ребенком Сэм мечтал стать лоцманом. Теперь, на пути в Новый Орлеан, он решил, что лучшей профессии, пожалуй, не существует.

Через несколько дней после отплытия «Поль Джонз» из Цинциннати худощавый молодой человек с ясным, приятным лицом и шапкой каштановых волос поднялся в святая-святых лоцмана.

Он вежливо поздоровался.

— Не согласились ли бы вы помочь молодому человеку изучить реку? — обратился он к лоцману.

Лоцмана мистера Гораса Биксби такое предложение не заинтересовало. Канительное, невыгодное дело — возиться с учениками.

Молодой человек оказался работником типографии. Он направляется в Южную Америку. У него манера растягивать слова; будто невзначай, он говорит смешное.

У Биксби и Клеменса нашлось много общих знакомых. Недаром Клеменс из Ганнибала, стоящего на Миссисипи.

— Вы пьете?

— Нет.

— Играете в азартные игры?

— Нет.

— Ругаетесь?

— Не ради удовольствия, только в случае крайней нужды.

— Жуete табак?

— Нет, сэр, никогда не жую. Но я должен курить.

Да, Сэм курит, не всегда сдержан в выражениях, но он верен клятве, данной матери еще перед отъездом из Ганнибала, — не пить и не играть в карты и кости.

Хорошо, Биксби возьмет ученика, только за деньги, немалые деньги. Сможет ли молодой человек достать пятьсот долларов?

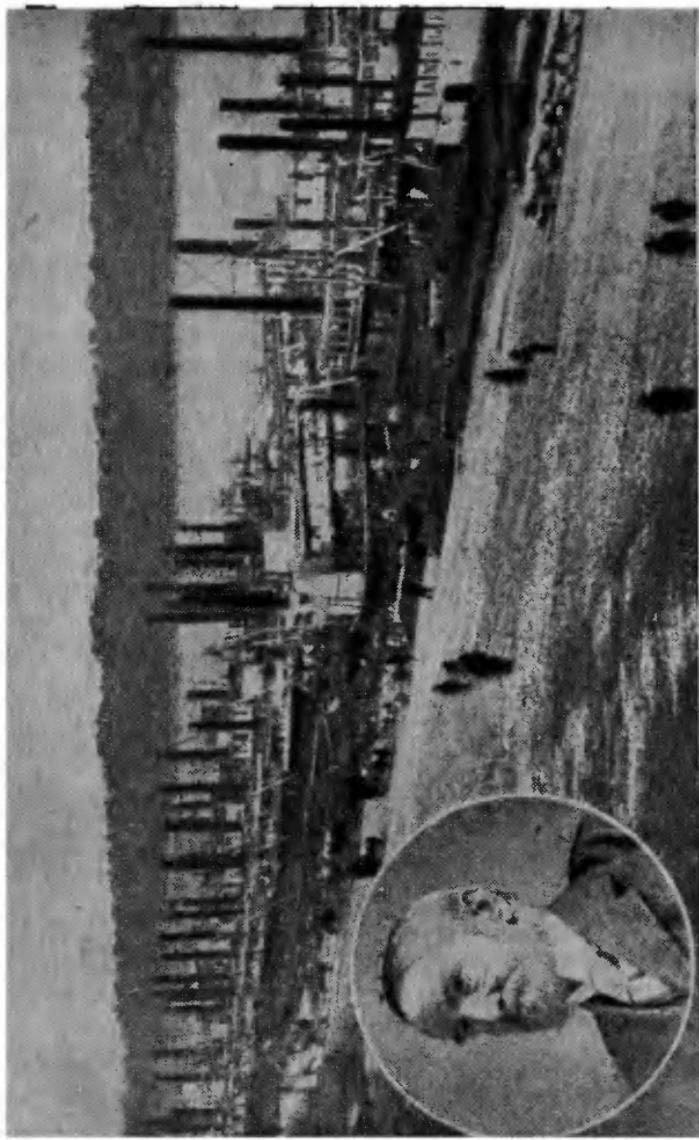
Клеменс предложил оплату за счет земли в Тенесси, скажем, две тысячи акров по двадцать пять центов за акр.

Нет, Биксби примет только наличными.

В Новом Орлеане выяснилось, что судна на Амазонку нет и в ближайшее время не предвидится. Мечта о поездке в Южную Америку оказалась неосуществимой. Впрочем, она уже потеряла для Сэма свою привлекательность, его захватали мысль стать лоцманом.

Из Нового Орлеана пароход пошел вверх по Миссисипи до самого Сэнт-Луи. У зятя Сэм взял взаймы сто долларов и дал в виде задатка мистеру Биксби. Остальное будет оплачено, когда Сэм станет лоцманом и начнет получать жалованье. Биксби согласен: Сэм будет учеником без жалованья, его будет кормить пароходная компания, во время стоянки пусть он сам покупает себе провизию. За это Биксби не отвечает.

Набережная в Сент-Луи (пятидесятые годы XIX в.); слева фотография Биксби, 1907 г.

Марк Твэн

Новыми глазами смотрел теперь Сэмюэль Клеменс на набережную Сент-Луи, у которой пароходы стояли в два и три ряда. Из высокой лоцманской рубки река видна особенно хорошо.

Клеменс, конечно, хочет быть лоцманом на самом оживленном участке Миссисипи — от Сент-Луи до Нового Орлеана. В нижней своей части река в высокую воду достигает ширины в полтора и более километров и становится значительно глубже. Но когда — в самом широком месте Миссисипи — Сэм впервые очутился на короткое время у руля (Биксби, спрятавшись, наблюдал за учеником), у него пересохло во рту и сердце, казалось, готово было выскочить. Он чувствовал, что еще секунда и пароход сядет на мель или ударится о бревно под водой, получит пробоину и пойдет ко дну.

Стать лоцманом, значит изучить реку так, чтобы знать ее берега, ее дно, каждую мель, каждое свалившееся в реку дерево на всем ее протяжении. Миссисипи нужно знать днем и ночью, в полную темень и в лунную ночь, когда все кажется призрачным и дали обманчивы. Но недостаточно изучить однажды все две тысячи километров реки. Миссисипи непостоянна и капризна: там, где недавно был остров, теперь водная гладь, проливы между островами внезапно оказываются несудоходными, берега осыпаются и нарастают. Иногда Миссисипи вдруг пробивает себе новое русло, сокращая на много километров свой путь.

Дело это оказалось невероятно трудным. Сэм знает не одного лоцмана, но никогда он не представлял себе, что этим людям приходится хранить в голове такое количество сведений. Река записана в их памяти, точно на длиннейшей ленте. Сэм умеет работать изо всех сил, когда это нужно, но он не отличается особой усидчивостью. Он легко вспыхивает и быстро остывает. Здесь же нужна огромная выдержка. Пособий, книг, учебников не су-

ществует. И они устарели бы, прёжде чем были бы отпечатаны. Недаром лоцманы, не работающие почему-либо, время от времени обязательно отправляются в поездку по реке, чтобы узнать, какие произошли изменения, какова глубина русла у плантации Джонза, что надела река у Орехового поворота. Если нагрузить голову всей этой лоцманской премудростью, то придетсяходить на костылях, говорит Сэм, — иначе не вынести тяжести собственной головы.

Биксби — добросовестный и умелый педагог. Прежде всего он постарался сбить спесь с самоуверенного и несколько ленивого ученика. Несомненно, Сэма тянет к реке, он любит даже ее причудливость и коварство. Клеменс решил стать лоцманом не только ради большого жалованья, но он не привык работать систематически.

По указанию Биксби Сэм завел записные книжки и стал заносить в них сведения о реке. Чтобы пройти такой-то поворот, надо пустить пароход вдоль такой-то мели и на столько-то футов выше повернуть в такую-то сторону. Проще всего вести пароход по середине Миссисипи, но там приходится иметь дело с наиболее сильным течением, когда пароход идет вверх по реке. Однажды лоцман, которому снизили жалованье, отомстил тем, что во время рейса из Нового Орлеана пустил пароход как раз по середине реки. Это было безопасно и спокойно, но пароход шел медленно и пожирал уйму топлива. Жалованье пришлось повысить, и тогда судно стало быстро пробираться то у одного, то у другого берега, в таких местах, где, казалось, ему грозила неминуемая гибель.

Очертания берегов реки на всем ее бесконечном протяжении постепенно начали врезываться в память Клеменса. Теперь ни ночь, ни туман, ни обманчивый лунный свет не могут сбить его с пути. Биксби учит Сэма не полагаться на то, как выглядит река, лоцман должен знать,

Каковы её очертания в действительности. И источником сведений о подлинной реке является наблюдательность и память. Клеменс стал отчетливо представлять себе подводное хозяйство Миссисипи — мели, бревна, затонувшие деревья, остатки погибших кораблей. Он изучил все острова и все протоки на Миссисипи. Он приобрел то чувство, которое позволяет по солнечному или лунному отражению на поверхности реки сказать, что именно находится под водой.

Сэмюэль Клеменс становился подлинным лоцманом. Каждое новое достижение наполняло его гордостью. Нет на реке более почетного положения, нет более свободной жизни, чем та, которую ведет лоцман. Изучение лоцманского искусства не оставляет времени ни для чего другого. На просьбы Ориона прислать письма для местных газеток Сэм отвечает отказом.

Даже находясь на вахте, Сэм не может не чувствовать дыхания, запахов, всей прелести величественной реки. На палубах пароходов он встречает тысячи людей самых разнообразных профессий и характеров. Он изучает жизнь.

Вот стоит повозка, в которой переселенцы едут на Дальний запад. Холодно. Детям неудобно, неуютно. Кто-то из жалости пускает их в каюту, и они спят на голом полу, свернувшись в клубок. Когда-то родители Сэма тоже ехали в Сент-Луи на одном из таких пароходов...

Едут иммигранты и джентльмены из Южных штатов, фермеры-янки из Новой Англии, шулера, проходимцы и охотники из диких районов Кентукки, хвастуны и врали, жестокие негроторговцы, сердобольные дамы и пароходные проститутки. Иногда на пароходах устраивают пышные свадьбы. Играет музыка, все танцуют.

Сэм знакомится с капитанами, боцманами и матросами. У каждого своя история. Это люди горячие, в споре они умеют и обругать и пустить в ход оружие. Иногда на

пароходе располагаются последователи какой-либо новой секты, уезжающие на Дальний запад, чтобы не иметь дела с еретиками, чтобы в диких местах строить жизнь по учению новых наместников бога на земле — фанатичных и расчетливых пророков-американцев. У сектантов голодный, изможденный вид. Иногда они восклицают: «Будем славить бога. Будем славить бога. Кайся, постись, молись!» Пассажиры стараются отойти подальше от этих грязных, дурно пахнущих, странных людей.

Нигде, пожалуй, не услышать столько анекдотов, шуток, подлинных историй человеческой жизни, легенд, хвастливого вранья, как на пароходах. Рассказывают о разбойниках, о речных пиратах, о кровавой мести на Юге, о ловких мошенничествах, о находках драгоценных металлов на Западе, об обычаях мормонов и других сектантов, о людях, создававших колонии для перестройки жизни на новый лад, по идеальному образцу. Сообщают об убийствах, о суде Линча, о восстаниях рабов, рассказывают о чудесах, о детях, родившихся с таинственными знаками на теле, говорят и о политике, борьбе янки с южанами в сенате и палате представителей, об иллинойском юристе и ораторе — любимце фермеров Линкольне, о жестокой конкуренции пароходных линий, о катастрофах на реке.

Сэм уже завел маленькие бакенбарды и в праздничном костюме был очень привлекателен. Его приветливо встречали в любой компании. Казалось, что медлительный говор Клеменса специально приспособлен для рассказов о глуповато-хитрых фермерах и невероятных хвастунах с Дальнего запада. Повествуя о самых комических эпизодах, Клеменс никогда не улыбался.

Особенно нравилось Сэму плавать на грузовых пароходах, где пароходная прислуга чувствовала себя совсем свободно. Клеменс организовал хор, и в свободные часы матросы пели песню о старой лошади по имени Ма-

фусаил, которую давным давно продали в Иерусалиме.

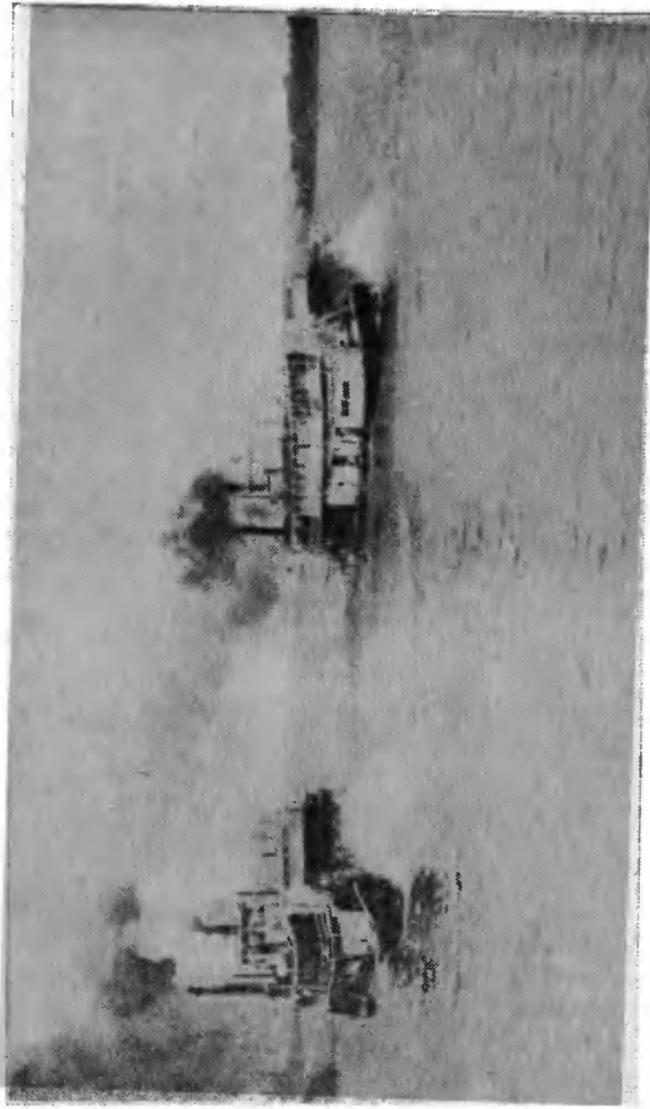
С Миссисипи уже исчезли бурлаки, но легенды об этих буйных людях реки, умевших замечательно драться, пить и побеждать женщин, еще в ходу на плотах, баржах и пароходах. Майк Финк, дравшийся бесчисленное количество раз, непобедимый Майк, мечта и ужас всех женщин на огромной реке, тоже был бурлаком.

Кроме провинциальных газет с их сплетнями и юмористическими рассказами, Сэм читал и серьезные книги. Однажды с трепетом душевным, опасаясь, что будет пойман с поличным, Сэм принял участие в добытую где-то книгу самого Пэйна, Томаса Пэйна. Этот бывший ремесленник принимал участие в американской войне за независимость, но ведь он также участвовал в безбожной французской революции и написал «Права человека» и «Век разума».

Жалованья Сэм все еще не получал. Когда пароход стоял в Сент-Луи, Сэм уходил к сестре; в Новом Орлеане у него никого не было. Клеменсу удалось устроиться ночным сторожем на пристани. Это стало его обычным занятием во время стоянок парохода в Новом Орлеане.

Темная южная ночь. На набережной остался только сторож. Дела никакого нет. И воображение начинает разыгрываться. Сэм сочиняет рассказы на темы, подхваченные на пароходе. На рассвете оточных мечтаний как будто ничего не остается. Но память цепко хранит даже самые причудливые, самые нереальные изочных образов.

Биксби иногда приходилось на время поручать Клеменса другим лоцманам. Клеменс был очень горд, когда Биксби устроил его на один из самых больших пассажирских пароходов — на «Пенсильванию». Старшим лоцманом там был Браун. Он сразу не понравился Сэму. Клеменс решил, что не станет выносить насмешек и издевательств этого придирчивого, злого человека. Но прихо-

Пароходные гонки.

дилось терпеть. Сэм мстил Брауну в воображении. Лежа в своей каюте, он представлял себе самые страшные способы мести. У руля же Сэм был покорен старшему лоцману.

На «Пенсильванию» Сэм взял и своего младшего брата. Генри некоторое время оставался в Сент-Луи без работы. Сэм попросил капитана пристроить Генри клерком. Просьба будущего лоцмана была удовлетворена. Братья жили дружно. Те времена, когда Сэм был шалуном, а Генри — послушным маменькиным сынком, давно прошли. Сэм стал многообещающим трудолюбивым молодым человеком.

Лоцман Браун не взлюбил и младшего Клеменса.

Однажды Генри поручили сообщить Брауну, чтобы он остановил пароход у какой-то плантации. Браун, должно быть, не рассыпал, и пароход прошел мимо пристани.

Капитан потребовал объяснений. Браун заявил, что Генри ему ничего не передавал. Вмешался Сэм — он подтвердил, что поручение было исполнено.

Завязался спор. Браун назвал Генри лгуном. Этого Сэм не мог стерпеть.

— Вы сами лжете! — сказал он старшему лоцману.

Разумеется, это было серьезное нарушение дисциплины.

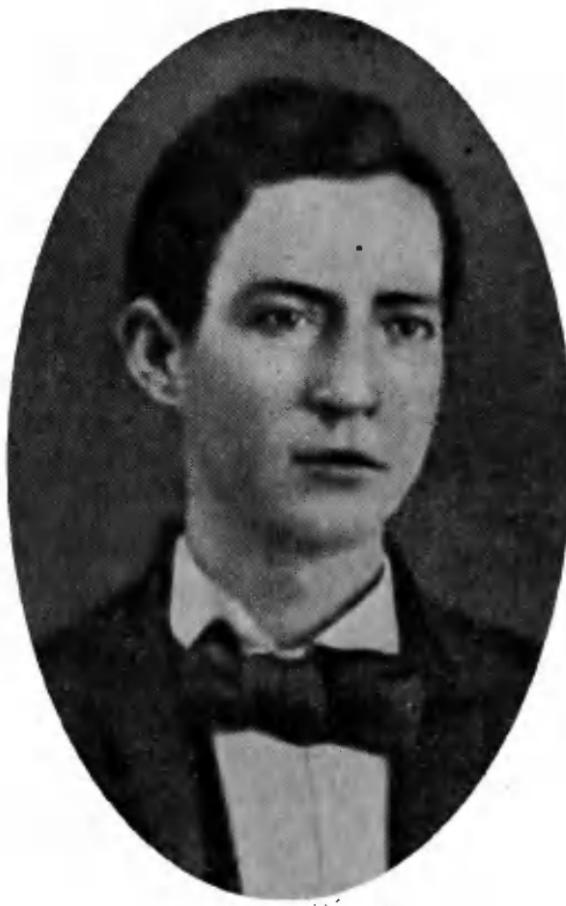
Браун велел Генри убраться из рубки и, когда тот направился к двери, изо всей силы ударил его кулаком по лицу.

Сэм схватил табуретку и опустил ее на голову Брауна. Старший лоцман упал, Сэм продолжал его колотить. Пароход в это время был предоставлен течению.

Браун поднялся и подбежал к рулю.

Теперь, решил Сэм, все потеряно. Его закуют в цепи, как преступника, за то, что он осмелился ударить лоцмана на вахте.

К удивлению Сэма, он не был арестован. Капитан до-

Брат М. Твэна—ГЕНРИ КЛЕМЕНС (1858 г.)

статочно хорошо знал Брауна. Но, разумеется, работать вместе Браун и Клеменс не могли. В начале предполагалось, что Браун уйдет с «Пенсильванией» в Новом Орлеане, но Сэм не взял на себя смелости заменить старшего лоцмана. Решено было, что Брауна сменит новый лоцман в Сэнт-Луи, а пока Клеменс перейдет на другое судно.

Сэм с удовольствием ушел с «Пенсильванией» — все-таки он оказался победителем Брауна. Жаль только, что Генри не с ним — младший брат остался на старом месте.

Плавание по Миссисипи таило в себе всевозможные угрозы: на берегах реки не было огней, мели никак не отмечались, и взрывы пароходов были нередки, ибо компании строили их по-дешевке из скверного материала. Втихомолку поговаривали, что пароходовладельцы при помощи взяток легко обходят скромные государственные требования в отношении безопасности конструкции судов. Было известно, конечно, что пароходные компании устраивают состязания в скорости не в спортивных целях, а чтобы перебить друг у друга пассажиров. В результате этих состязаний часто взрывались котлы, гибли десятки и сотни людей.

Когда пароход «Лейси», на котором находился Сэм, подходил к Гринвиллю, стало известно о катастрофе на «Пенсильвании», которая шла впереди «Лейси». Взорвались котлы, погибло полтораста человек. «Лейси» приполз к очередной пристани только к вечеру. В местной газете подробно сообщалось о катастрофе. Упоминалось и имя Клеменса — он жив и здоров. Ночью «Лейси» пристал к пристани у другого городка. Имя Клеменса снова упоминалось в газете — он был в списке пострадавших.

Наконец, «Лейси» прибыл в Мемфис. Катастрофа произошла в ста километрах отсюда, и раненых перевезли в город. На «Пенсильванию» взорвались четыре котла. Люди, вдохнувшие горячий пар, были безнадежны,

Генри лежал в бараке на полу. Легкие и тело его были обожжены. Генри вел себя героем. Взрывом его выбросило в реку, но он поплыл к пароходу, чтобы принять участие в спасении тяжело раненых. Под палящим солнцем на песчаном берегу, куда, наконец, перенесли пострадавших, Генри потерял сознание.

В Мемфисе знакомые водники, встретив Сэма, поздравили его с чудесным избавлением — ему повезло, что его не оказалось на «Пенсильвании» в момент катастрофы. Но Сэма терзала мысль, что он погубил своего брата. Именно по его, Сэма, вине Генри умирает.

Сэм написал жене Ориона: «Задолго до того, как вы получите это сообщение, мой бедный Генри, мой дорогой, моя гордость, моя слава, все, что у меня есть, окончит свое непорочное существование, и свет моей жизни окончательно потухнет». Среди каштановых волос в великолепной шевелюре Сэма появилась седина.

Письмо было отправлено на четвертый день после катастрофы. Вскоре после этого Генри стало немного лучше. Прошло еще два дня. Появилась надежда на спасение. Решено было дать Генри возможность спокойно заснуть — сон укрепит его организм. Если Генри не заснет сам, врачи посоветовали дать ему дозу морфия.

Сэм сказал об этом студенту-медику, который ухаживал за Генри. Студент не знал, как отмерить нужную дозу морфия. Когда Генри снова почувствовал боль, по настоянию Сэма студент дал больному морфий на кончике ножа. Генри заснул. В ту же ночь он умер.

Сэмюэль Клеменс окончательно пришел к убеждению, что он виновник смерти своего младшего брата. Он сразу постарел.

Похороны состоялись в Ганнибale, где прошло детство Генри и Сэма.

После похорон члены семьи снова разъехались. Сэм был рад вернуться к Биксби. Между тем период учени-

чества приходил к концу. Спустя два месяца с небольшим Сэмюэль Клеменс получил права лоцмана. Он знал реку, мог провести самый большой пароход в любую непогоду, днем и ночью от Сент-Луи до Нового Орлеана. Кончились трудные и долгие месяцы ученичества. Начиналась самостоятельная работа.

Сэм Клеменс повеселел. Он молод, здоров, у него великолепная профессия. В кармане водятся банкноты даже в сто долларов. Клеменс — лоцман на пароходе «Сити ов Мемфис». Это самое большое судно на Миссисипи. В письме к родным Сэм признает, что ему повезло. Он полон сил, полон энергии. «Если бы я был язычником, я поставил бы статую Энергии, упал бы на колени и молился ей», пишет он Ориону.

Биксби теперь уже не учитель, а товарищ по работе. Старые лоцманы встречают молодого удачливого коллегу приветливыми возгласами.

Сэм — член ассоциации лоцманов. Это закрытый аристократический профсоюз, выдержавший большие бои за признание. Новые члены в союз принимаются лишь после тщательной проверки. Сэм с гордым видом заходит платить свои членские взносы.

Когда Сэм что-либо рассказывает, всегда собирается много слушателей. Однажды говорили о находчивости при катастрофах. Сэм тоже рассказал о случае, который произошел с ним. Во время пожара в окне четвертого этажа показался старик. Лестницы не доходили так высоко, никто не знал, что делать, — старику грозила гибель. Но Сэм не растерялся. Он закинул веревку, и, когда старик поймал ее конец, Сэм велел ему обвязать себя веревкой вокруг пояса. «Он это сделал, и я стащил его вниз».

Слушатели хохочут, но на лице Клеменса улыбки нет — он опытный рассказчик. Некоторые его анекдоты даже попадают в печать. Весной 1859 года Сэм напечатал шутку, доставившую удовольствие лоцманам на всей

Пароход на Миссисипи. Рисунок худ. М. Галагера,

Миссисипи. Дело в том, что в Новом Орлеане проживал старый лоцман по фамилии Селлерс, весьма охотно выступавший в печати со своими «мнениями на пользу граждан Нового Орлеана». Свои сообщения в газету он подписывал остроумным, чисто речным псевдонимом. Когда измеряют глубину фарватера, выкрикивают «отметь один, отметь полтора, отметь два». Старик так и подписывался: «Отметь два» — «Марк Твэн» (Mark Twain). Молодым лоцманам не нравился покровительственный тон Селлерса. Сэм написал злую, ядовитую пародию. И

Когда её напечатали, она возвысила свой эффект — Селлерс перестал писать.

Ничто не омрачало существования Сэмюэля Клеменса в течение следующих двух лет.

Как и полагалось молодому удачливому лоцману, Клеменс иногда непрочь был повеселиться. Он и Биксби платили в ресторанах Нового Орлеана по десять долларов за обед. Сэмюэль Клеменс хорошо одевался, был недурен собой, не лез за словом в карман и имел немалый успех.

Среди лоцманов Сэм пользовался репутацией любителя книг. Он принял даже за изучение французского языка и для упражнения переписал отрывок из Вольтера, читал книги по истории и астрономии, посещал выставки в Сент-Луи и Новом Орлеане.

Это был здоровый, счастливый человек. Жизнь перед ним лежала, как будто, прямая, ясная и очень удачная. Никогда Джону Маршалу не жилось так хорошо и богато, как его сыну. Орион теперь просил у Сэма советов, как устроиться получше.

В стране разгорались горячие политические бои, происходили какие-то глубокие перемены. Но Сэм был только молодой, веселый лоцман. В его письмах к родным не было ни слова о политике. Будущее не вызывало в нем беспокойства.

Сэм был, как обычно, за рулем на Миссисипи, когда весной 1861 года началась гражданская война между Севером и Югом.

ДАЛЬНИЙ ЗАПАД

Наступил решающий момент борьбы «двух социальных систем — системы рабства и системы свободного труда» (Маркс). Все прошлое Соединенных Штатов было историей компромиссов и вновь вспыхивавшей борьбы между рабовладельцами Юга, с его аристократическими нравами,

и демократической частью страны. На Северѣ укреплялся буржуазный уклад. Перед Западом стояла дилемма, выраженная несколько позднее в обращении Международного товарищества рабочих к президенту Линкольну в следующих словах: «...будет ли девственная почва необозримых пространств предоставлена труду переселенца или опозорена поступью надсмотрщика над рабами»¹. Столкновение теперь было неминуемо. Несколько южных штатов объявили о своем выходе из Союза, о создании нового государства. Это был вызов со стороны рабовладельческого Юга, отсталого в экономическом отношении, задерживавшего промышленный подъем Америки и освоение Запада, но обладавшего еще большой политической силой. Потребовалось немного времени, чтобы раздались первые выстрелы. Зазвучал голос нового президента Линкольна, «честного Эйба» со Среднего Запада, выходца из фермерской среды, отражавшего, в основном, ее интересы и ее колебания. Сначала это был робкий, нетвердый голос человека, стремящегося во что бы то ни стало избежать столкновения между Севером и Югом и отрицающего даже необходимость в каких-либо переменах, затем все более уверенный — голос воинствующей демократии. Новую силу приобрели на Севере слова лучших людей — аболиционистов, подлинных демократов, решительных борцов против рабства, и социалистов, друзей Маркса и Энгельса.

На Миссисипи были люди Севера и люди, всеми своими корнями связанные с рабовладельческим Югом. Биксби занял позицию, резко направленную против Южных рабовладельческих штатов. Его ученик Клеменс сказал, что еще не определил своей позиции. Он подумает — политика ему чужда.

Во время последнего рейса вверх по реке пароход, на

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XIII, часть I, стр. 21.

котором плавал Клеменс, попал под обстрел. Навигация прекратилась. Установившейся счастливой жизни лоцмана на Миссисипи пришел конец.

К началу войны между Севером и Югом в Миссури на 1173 тысячи жителей было 115 тысяч рабов, то-есть меньше, чем 10 процентов. В ближайшем штате к востоку — Кентукки — рабов было 15 процентов, в Тенесси — 25 процентов. В собственно Южных штатах (Южная Каролина, Миссисипи, Алабама) число рабов превышало или было почти равным числу белых¹. Миссури не был типичным рабовладельческим штатом. Лишь ничтожная часть населения владела рабами, занятыми на плантациях.

Наряду с Мерилэндом и другими штатами, лежавшими на границе рабовладельчества и свободного труда, Миссури отказался в 1861 году присоединиться к отколовшимся Южным штатам. Законодательное собрание Миссури высказалось за верность США.

В Сент-Луи, куда приехал Клеменс, антирабовладельческие элементы держали власть в своих руках. Отсюда должен был начать свои операции военный речной флот, которым по Миссисипи можно проникнуть в самую глубь Южных штатов. Армии требовались опытные лоцманы, знающие реку. Через некоторое время начальником речного флота Северной армии стал Горас Бикси. Лоцманов искали повсюду.

Сэмюэлю Клеменсу было уже двадцать пять лет. Это был опытный, умелый лоцман, но Сэмюэль Клеменс не собирался служить в войсках северного правительства. Несколько дней он скрывался и при первой же возможности сбежал в Ганнибал, хотя родных там уже не было.

Город Ганнибал сохранил гораздо более тесные связи

---

¹ Данные приведены в статье К. Маркса «Гражданская война в Соединенных Штатах». (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XII, часть II, стр. 244, 252).

с рабовладельческим Югом, нежели Сэнт-Луи с его быстро развивающейся промышленностью, железной дорогой, повседневной связью с крупнейшими городами восточного побережья. В Ганнибale, как и во многих других поселениях Миссури, рабовладельческие элементы, расчитывая на поддержку Юга, готовили силы для борьбы с Севером.

Там создавались группы молодых людей, собиравшихся защищать «права» штатов от «узурпации» центрально-го правительства, защищать установленные традиции рабовладельческого Юга. Даже «белые бедняки», не имевшие рабов и почти безземельные, бедняки, которых феодальные южные нравы низводили на положение париев, выступали на защиту угнетавшей их социальной системы.

Через реку от рабовладельческого Ганнибала находился свободный штат Иллинойс, к югу был город Сэнт-Луи. Сторонникам Юга приходилось собираться тайком. Сэм и его приятели поодиночке явились ночью в условленное место за городом; оттуда «батальон», состоявший из десяти-двенадцати человек, направился в распоряжение южных сил. Шли всю ночь, это было утомительно, но рабовладельцы реки Соленой, куда солдаты добрались, встретили защитников «славных традиций Юга» с распластанными объятиями. Их хорошо накормили и устроили на ночлег на сеновале.

Не особенно вникая в существо дела, Сэм стал на защиту Ганнибала, с которым было связано его детство. Он был даже произведен в лейтенанты, однако участия в войне ему почти не пришлось принять. Военные силы южан в Миссури были плохо организованы. При первых же слухах о приближении северных войск начинались отступления, добровольцы разбегались. Сэм заболел фурнкулезом, вывихнул руку и во время очередного похода отстал. Его приютили на ферме знакомые.

На этой ферме Клеменс оставался несколько недель.

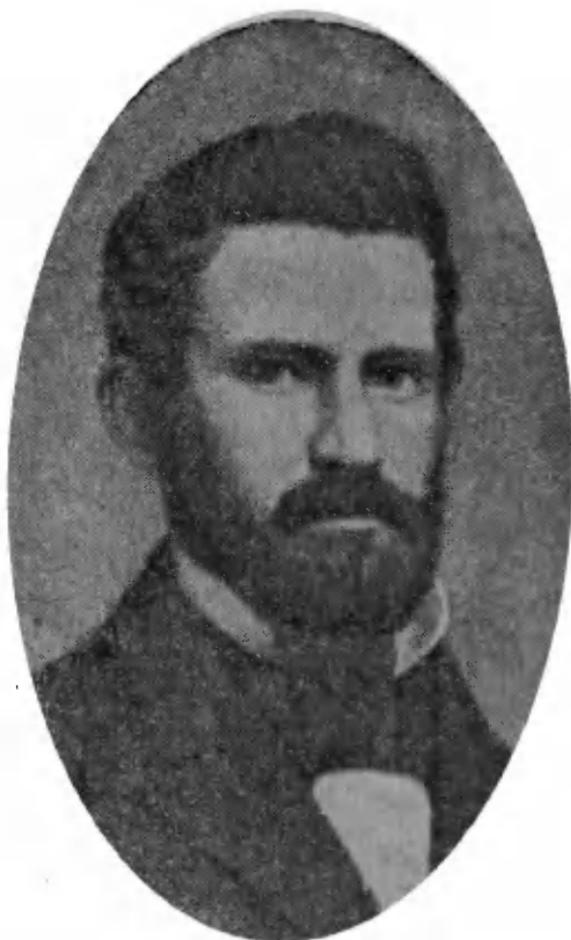
Когда показывались части правительственные войск, его прятали. Несмотря на гостеприимность хозяев, все же нельзя было оставаться здесь вечно. Война только начиналась, но на Западе, и в частности в Миссури, победа явно была на стороне Севера.

Клеменс решил пробраться к брату. Орион легко поддавался влияниям, но в своих основных убеждениях был стойким. Став аболиционистом, он со всей решительностью поддерживал Север в борьбе с рабовладельческим Югом. У Ориона были друзья среди людей, близких к Линкольну. Один из них — Эдвард Бэйтс — после избрания Линкольна президентом стал министром. Орион уже долгое время не имел определенного заработка. Он с радостью принял предложение Бэйтса поехать на Дальний запад в качестве секретаря территории Невада.

Сэм приехал к Ориону с повинной. Он отказался от поддержки Юга и не знал, что ему делать. Великолепная профессия лоцмана теперь стала неприменима. Для северян Клеменс был офицером враждебной армии, для южан — дезертиром. Орион, между тем, собирался в Неваду. Это требовало средств, а у Сэма оказались сбережения. Братья без труда договорились ехать в Неваду вместе. Сэм должен был стать личным секретарем Ориона Клеменса.

Из Сент-Луи Орион и Сэм отправились на пароходе по реке Миссouri на Северо-запад. На Востоке бои принимали все более жестокий характер, но на Западе было относительно спокойно. Сэм теперь не хотел знать о войне.

В конце июля 1861 года новый секретарь территории Невада, а с ним его личный секретарь, без определенных обязанностей и без жалованья, выехали из Сент-Джо по направлению к Карсон-Сити. Сэм Клеменс оставлял позади долину Миссисипи, где родился, вырос и где — казалось раньше — нашел свое жизненное призвание.

Брат М. Твена—ОРИОН КЛЕМЕНС (1861 г.).

От Сэнт-Джо до Карсон-Сити, столицы Невады, расстояние в полтора раза больше, нежели от Сэнт-Луи до Нового Орлеана. Орион и Сэм оказались единственными пассажирами в дилижансе — он был заполнен мешками с почтой; на этих мешках и возлежали путешественники.

Стояли прекрасные дни. Прерия благоухала. Сэм быстро приобрел вид пионера с Дальнего запада — в помятом, пыльном костюме, в широкополой шляпе, с пистолетами за поясом. В этом была своеобразная прелесть. Начиналась новая жизнь.

Клеменсы проезжали по диким, лишь недавно отвоеванным у индейцев местам, по дорогам, где путешественников могли ожидать нападения бандитов и где заведывание участками поручалось полуразбойникам, способным любой ценой навести «порядок» на дороге, расправиться с грабителями, осмеливающимися беспокоить проезжих.

Двое суток путешественники провели в столице мормонов — Солт-Лэйк-Сити и через девятнадцать дней прибыли к месту назначения.

В Карсон-Сити насчитывалось около двух тысяч человек населения. Всего же жителей на территории Невады было в десять раз больше. Клеменсы поселились в пансионе, который обслуживал вновь появившихся представителей центральной власти. Приехал губернатор территории Най с несколькими помощниками. До своего назначения сюда Най был начальником полиции города Нью-Йорка, и в Неваду он поехал не в целях улучшения здоровья. Новая территория казалась многообещающим местом.

Над Карсон-Сити, над его убогими домишками и лавками, витал дух обогащения. Земля Невады хранила серебро и золото, медь и свинец, уголь и железо.

Центральная площадь Карсон-Сити была всегда полна народу. Вnevадской пустыне, не знающей дождей и

растительности, казалось, был зарыт клад, и к нему тянулись жадные взгляды людей. Тут были авантюристы и неудачники, беглые преступники и люди, пытавшиеся скрыться от войны, тут были американцы и китайцы, золотоискатели и проповедники, шахтеры и юристы.

В одном из первых писем к матери Сэм рассказывал о том, что есть участки, не стоящие и десяти центов за фут, и другие участки, которые продаются по пять тысяч долларов за фут. Эта земля чудовищно богата. По городу все время возят руду и серебряные бруски, а местная газетка (конечно, тут уже есть печать!) восторженно пишет о чудесных находках то в одном, то в другом районе.

Но серебро не валялось на поверхности. Сначала нужно было найти участки, богатые минералами, и приобрести права на них, затем затратить много труда и денег, чтобы добраться до жилы, содержащей драгоценный металл. Серебряные жилы лежали глубоко под землей, окруженные твердыми породами. Породу приходилось размалывать, а для этого снова требовались деньги и труд многих людей. Лучше всех, пожалуй, жилось торговцам, обслуживавшим искателей. У них имелись средства, чтобы строить обогатительные фабрики и по-дешевке забирать участки у безденежных предпринимателей.

Сэм Клеменс не производил впечатления человека, который смог бы показать себя в дикой стране беззакона, где побеждают сила, настойчивость и ловкость. Его нельзя было сравнить, например, с Бобом Хоулэндом, племянником губернатора. Одним устрашающим взглядом Хоулэнд мог осадить самого наглого, самого отпетого негодяя.

Сэм уже не воспевал богиню Энергию. Пока Орион со своей обычной щепетильностью выполнял функции секретаря территории (губернатору Наю Клеменс казался слишком придирчивым в отношении «специальных» сче-

тов и расходов), Сэм вел жизнь простого, хорошего парня. Он часами простоявал на улице, куря трубку и глазея на прохожих. Лениво рассказывал приятелям о жизни на Миссисипи, о родных местах. Свита губернатора сразу же отправилась на поиски драгоценных металлов; Сэм остался в Карсон-Сити. Он стал лишь заочным соучастником эксплоатации участка, закрепленного Хоулэндом, и честно внес свою долю на покрытие расходов.

От Хоулэнда и других людей, занятых поисками серебра и золота, приходили сообщения о новых участках, открытых ими на богатейшей территории Невада. Стоило сделать заявку на участок и начать его эксплоатировать, и земля со всеми богатствами — твоя. Чорт побери, зачем же Сэм Клеменс сюда приехал, если не для того, чтобы приобрести богатство?! Сэм написал сестре, что «если война оставит нас в покое», они с Орионом без особых трудностей обогатят всю семью.

Война на Востоке принимала затяжной характер. Дело Севера было под угрозой. В первое время северные армии на основных фронтах терпели неудачи. Десятки тысяч людей — рабочие, фермеры, надевшие военный мундир, — гибли под пулями, от эпидемий, в лагерях для пленных.

Но людей на Западе мало интересовала большая политика. Пока на Востоке дрались, здесь стремились не упустить того, что давалось в руки. Впрочем, и на Востоке дельцы, которым победа должна была открыть невиданные возможности развития предпринимательской деятельности, не теряли случая хорошо заработать за счет Северной армии.

Наборщик Чарльз Фаррар Браун, уже успевший приобрести известность под именем Артемуса Уорда, написал короткий юмористический рассказ: «Роман — Уильям Баркер, молодой патриот». Уильям Баркер любит молодую девушку; отец ее заявляет молодому патриоту, что

тот не получит руки его дочери, пока не станет равным ей по богатству и положению в свете. Молодой человек удаляется. Через шесть месяцев он снова приходит. Теперь он богат — он получил подряд на поставку говяжьего мяса для армии.

— Я скупил всех забракованных кавалерийских лошадей, — поясняет Баркер.

Старик в восторге отдает свою дочь новоявленному богачу и напутствует их:

— Будьте счастливы, дети мои. И какова бы ни была наша судьба, мы все должны поддерживать правительство.

Газеты в Неваде сообщали об открытии новых залежей драгоценных металлов. Рассказывали о чудесных находках, сразу обогативших людей, считавшихся до того неудачниками. В своих письмах Хоулэнд и другие смелые люди писали, что вот-вот они дойдут до серебряной жилы. Нельзя было оставаться безучастным к богатствам, которые, казалось, сами шли в руки. Сэмюэль Клеменс поддался предпринимательской лихорадке.

Вместе с одним попутчиком он предпринял путешествие в район великолепных сосновых лесов у озера Биглер (Гаход). Сэм решил сделать заявку на эти неисследованные земли. Путешественники отправились пешком. В глухи лесов, у озера, с его на редкость прозрачной водой, было так хорошо, воздух был такой пьянящий, что Сэм почти забыл о цели своего появления здесь. На много, много километров не было ни души.

Чтобы сохранить свою заявку, Сэм и его компаньон построили легкий дом и обнесли участок подобием забора. Однажды ночью искры от костра вызвали грандиозный пожар, уничтоживший постройки и огромный участок леса.

Но Сэм не пал духом. Были сделаны другие заявки. Бродить по лесным чащам, вдали от людей с их вечными заботами и тревогами, было очень радостно.

К концу 1861 года стало известно об открытии нового богатейшего района драгоценных металлов — Гэмболдта.

Сэмюэль Клеменс был сердит на себя за то, что упустил столько времени. Пора взяться за дело. Полгода работы, и он вернется в Сэнт-Луи миллионером, обогатит Ориона, сестру Памелу, ее мужа, дядю Джеймса, племянников.

Четыре человека решили, не теряя времени, отправиться в Гэмболдт. Вместе с Сэном поехали два юриста и кузнец. Из всей компании один только кузнец Тиллу знал, как выглядят драгоценные металлы в породах.

Новый район находился на расстоянии трехсот с небольшим километров от Карсон-Сити, но дорога была трудна и опасна. Индейцы пытались стать на пути предпримчивых людей, проникавших на их земли. С помощью правительственные войск индейцев уничтожали — белые не хуже индейцев научились снимать скальпы, — и все же возможность нападений в пути не была исключена.

Но главные трудности появились после того, как искатели богатств прибыли в район Гэмболдта. Многообещающих участков оказалось немало, но, чтобы добраться до металла, нужно было работать лопатой и киркой. Не на это рассчитывали Клеменс и его компании. Бригада скоро распалась. После трудного путешествия Клеменс вернулся в Карсон-Сити без драгоценных металлов и без денег. Правда, к старым паям на земли привелись новые.

Клеменс был еще совладельцем участка «Горацио и Дерби». Нужно полагать, что Хоулэнд, который ведет разработку этого участка, к лету дойдет до жилы, и тогда Сэм отправится домой богачом. Но богатства все нет. В тяжелую минуту Сэм написал своей сестре Памеле: «Разве ты не знаешь, что пока я только говорил и ничего не доказал? Разве ты не знаешь, что я здесь

только тратил деньги, но ничего не зарабатывал? Разве ты не знаешь, что я никогда не держал в руках бруска золота или серебра, принадлежавшего мне?»

В феврале 1862 года Сэмюэль Клеменс отправился к Хоулэнду в Аврору, чтобы проверить, в каком состоянии находятся его и Ориона капиталовложения. Будущий миллионер жил в крохотной избушке: крыша протекала, было холодно, пища скверная. Но Клеменс готов был с этим мириться — немного терпения, и холмы Эсмеральда, на которых стоит Аврора, откроют свои богатства перед отважными искателями. Пока же надо тщательно скрывать от соседей, что владельцам богатейших участков живется довольно скверно. По ночам Хоулэнд подбирает бутылки из-под шампанского и устанавливает их у крыльца своей избушки. На Дальнем западе нередко приходилось делать хорошую мину при плохой игре. Прихватнуть нужно было в целях самозащиты, а порою, как в данном случае, просто из деловых соображений. Пусть люди думают, что в избушке Хоулэнда живут люди обеспеченные и уверенные в перспективах своего участка. Паи «Горацио и Дерби» станут котироваться по более высокой цене.

Зимой в Авроре не работали. Только когда сходил снег, можно было пускать в ход лопату, кирку и взрывчатые вещества. Зато в Авроре были кабаки и игорные дома. Искатели драгоценных металлов веселились.

Клеменс забавлял своих приятелей смешными рассказами и писал родным много писем. Некоторые письма Орион и Памела передавали местным газеткам для напечатания. Охотно помещала материал газета «Территориал Энтерпрайз» в Вирджиния-Сити, штата Невада.

По мере приближения весны, перед началом горных работ, увеличивался ажиотаж, росла спекуляция паями. В апреле Сэм писал родным, что в Калифорнии его участок, вероятно, котируется по тридцать-пятьдесят дол-

ларов за фут, но заканчивалось письмо просьбой прислать ему хоть немного денег.

Участок «Горацио и Дерби» не оправдал надежд. До жилы никак не удавалось дойти. В течение одного месяца Сэм сделал заявки на десяток других участков с пышнейшими названиями. Особенно он надеялся на «Монитор». Была создана фирма «Жила Монитор компании Клеменс». Года через два Сэм и Орион станут крупными капиталистами. Но пока конкурентов приходилось удалять с «Монитора» силой.

Дела не ладились. Даже в июне в этой проклятой стороне шёл снег. Работать киркой было невероятно трудно. Сэм принял решение не жениться и не возвращаться в Миссури, пока он не станет богатым человеком. Пришлось наняться простым рабочим на обогатительную фабрику неподалеку. Но работа оказалась непосильной. Сэма спас от голода один из его приятелей.

Чтобы протянуть до лучших дней, Сэм попросил Ориона договориться с какой-нибудь газетой о сотрудничестве, он готов систематически посыпать письма и заметки.

Но попрежнему соглашалась кое-что напечатать только «Энтерпрайз». Тут были опубликованы шутка о лекторе-профессоре, страдающем «ячеством» (лекцию этого «профессора», сообщила газета, нельзя напечатать полностью, так как в наборной кассе нехватило буквы «я»), и пародия на архипатриотическую речь, произнесенную по случаю 4 июля¹. Свои заметки Сэм подписывал псевдонимом «Джош».

Как раз в это время фельетонист газеты «Энтерпрайз» Райт, писавший под пышным псевдонимом Дан де-Квилл, собрался съездить в «штаты», чтобы снова пожить культурной жизнью городов Атлантического побережья. «Эн-

¹ День объявления независимости США.

терпрайз», газета бойкая, пользовавшаяся популярностью на всей территории Невада и даже в Калифорнии, не могла существовать без анекдота, шутки, фельетона. Райта нужно было кем-то заменить на время его отсутствия.

Случайный корреспондент газеты «Энтерпрайз» — «Джош» — казался подходящим для этого. Редактор «Энтерпрайз» предложил Сэмюэлю Клеменсу стать сотрудником на жалованье в двадцать пять долларов в неделю.

Клеменса это предложение заставило серьезно призадуматься.

Конечно, теперь он почти ничего не зарабатывал, а газета обещала постоянный доход. Но ведь, будучи лоцманом, Клеменс получал много больше, совсем недавно он уже считал себя миллионером, ведь он дал себе слово вернуться домой богатым человеком! Что же делать? Клеменс отправился на несколько дней на прогулку пешком по пустынным местам, чтобы на досуге подвести итоги пребывания на Дальнем западе. Все его сбережения потеряны, от денег Ориона тоже ничего не осталось. Много месяцев Сэм жил в дрянной избушке с протекающей крышей, скверно питался, не читал книг, работал, как жестоко эксплуатируемый негр. И вот — результаты! Провал, полный провал.

Вернуться в Миссури? Нет, Сэм решил пожить еще год в Неваде, в стране возможностей и счастливых неожиданностей. Ведь даже богатейшие месторождения Комстока были открыты полусумасшедшим неудачником. Счастье еще повернется к нему лицом. В его сундуке достаточно много ценных бумаг, а пока — если нужно — будущий миллионер Клеменс станет газетным работником. Мысль о работе в газете была даже приятна.

Газета «Энтерпрайз» издавалась в центре вновь открытого месторождения Комсток. Редактор газеты Джо Гуд-

ман был наборщиком и золотоискателем — он хорошо знал Запад и вкусы людей «границы». Они ценили шутку, острую, даже издевательскую. Одурачить вновь прибывшего в Неваду новичка — что могло быть смешнее? Уже в омнибусе, шедшем на Дальний запад, кондуктор заверял трусившего пассажира, что омнибусная компания богата «и, если вас убьют, она заплатит ровно столько, сколько вы стоите, не торгуясь». Новичков начиняли рассказами о фантастических приключениях на Дальнем западе — о медведе, которому выстрелили в рот зарядом гвоздей, и у него сделалось несварение желудка, о птицах, встречающихся на пути в таком количестве, что нужно работать топором, чтобы прорубить дорогу. В ходу были остроты о разлагающихся трупах, о кабатчиках, которые применяют в своем деле двухствольные ружья: один заряд, чтобы известить, что обед готов, другой — чтобы получить плату с обедающих. Рассказывали без улыбки о человеке, который ночевал в общежитии на нижней полке и внезапно заболел. Оказалось, что все его поры забиты серебром. Человек вспомнил, что на верхней полке спал недавно разбогатевший владелец серебряных рудников.

В Восточных штатах популярные газеты много места уделяли грабежам и убийствам. В Вирджиния-Сити, в Авроре, в Гэмболдте подобные происшествия были повседневным, привычным явлением. Смерть от пули бандита была слишком реальной возможностью. Гудман старался отвлечь читателя от нерадостных мыслей.

Преступлениям, о которых газеты Восточных штатов написали бы несколько столбцов, «Энтерпрайз» и вся печать «границы» часто уделяли лишь несколько строк. Зато комической сценке, особенно, если она выводила в смешном свете какого-нибудь известного читателям человека, газеты охотно предоставляли много места.

Почти в каждом номере «Энтерпрайз» уговаривала чита-

телей литературными дуэлями с сотрудниками конкурирующих газет. Иногда вспыхивала война и между двумя сотрудниками той же «Энтерпрайз». Журналисты обливали друг друга грязью, не останавливаясь ни перед какими уморительно-чудовищными инсинациями, преувеличивая действительные недостатки и сочиняя новые. Иногда это кончалось настоящей дуэлью — тем было веселей, тем выше поднимался интерес читателей к газете! Гудман уже не раз дрался на дуэлях, заканчивавшихся мелкими ранениями и дружеской выпивкой.

Некоторые из старых юмористов, рисуя простовато-хитрых фермеров, болтливых кумушек, мошенников иshalо-влиятельных мальчишек, пытались ставить перед собой и моральные задачи. Простонародным языком они бичевали политические неполадки, взяточничество, обманы при выборах, брали под обстрел бытовые пороки, склонность к ненужной роскоши, сплетни, болтливость.

Почтенный юрист Гупер, выпуская книгу о приключениях ловкого жулика Сэггза, человека «границы», «новой страны», пытался показать, что большинство людей по существу обладает теми же пороками, что и Сэггз. Гупер рассчитывал добиться признания у своих сограждан как философ-моралист и собиратель юго-западного фольклора. Когда вместо этого в штатной законодательной палате приветствовали Гупера просто как автора занимательных повестушек, умелого рассказчика, он, по свидетельству очевидцев, едва не сгорел от стыда.

Газетным юмористам «границы» было мало дела до моральных проблем. Вопросы добродетели... да само понятие добродетели здесь казалось смешным.

Юмор «границы»—это грубоватый юмор мужественных людей, не гнушающихся самой трудной работой, познавших самые неприкрашенные, самые черные стороны жизни

Здесь не было эстетических пределов смешного: убийства,увечья, разложение трупов — все это служило темой для юмористических рассказов. Вместе с тем издевательски злобно высмеивали морализирование, ханжество, изненеженность.

Сэмюэль Клеменс прошел пешком двести километров от Авроры до Вирджиния-Сити. В жаркий день в помещение редакции «Энтерпрайз» ввалился типичный искатель драгоценных металлов в сапогах, в выцветшей грубой рубахе, с револьвером за поясом. Видно было, что он только что проделал трудный путь. Все свое имущество, состоявшее из нескольких одеял, он принес с собой. Это был «Джош».

Фельетонисту газеты «Энтерпрайз» полагалось быть одновременно и репортером. В поисках новостей Сэм с утра до вечера обходил все уголки своего неспокойного городка. Он писал о головорезах, театральных зрелищах, грабежах, заседаниях библейского общества, балах, о блестящих перспективах Комстока, неизбежном росте цен на пай и акции местных компаний, о роскошных похоронах бандита, убитого соперниками, о заседаниях законодательного органа территории и т. д. и т. д. Когда на улице слышался выстрел, Клеменс сейчас же выбегал узнать, нет ли чего-либо интересного. Вот послышалось сразу пять выстрелов. Репортер Клеменс установил, что убито двое, — на Западе умеют хорошо стрелять.

Но репортерская работа быстро приедалась. Гораздо интереснее писать юмористические заметки. Сэму хорошо удавалась пародия. Рассердившись на местного судейского чиновника, Сэм выдумал длинную историю о том, как этот чиновник вел расследование в связи с находкой останков окаменевшего доисторического человека. При внимательном чтении статьи можно было понять, что окаменевший человек показывает чиновнику нос. Паро-

Золотоискатели в Калифорнии. Современный рисунок.

дия была сделана настолько тонко, что многие газеты перепечатали статью как интересный археологический материал.

Год спустя Сэм опубликовал другую пародию, которую тоже приняли всерьез. «Энтерпрайз», как орган новой территории, усиленно пропагандировала местную горную промышленность. Обычай руководителей фирм подкупать представителей печати своими акциями носил наивно откровенный характер. Чтобы защитить невадские интересы, нужно было, конечно, хулить калифорнийских конкурентов. В октябре 1863 года в газете «Энтерпрайз» было напечатано сообщение Клеменса о страшном убийстве, которое произошло недалеко от Карсон-Сити в сосновом лесу. Убийца зарезал девятерых детей, снял скальп с жены и перерезал себе горло. Убийства были совершены на почве помешательства. Причина: убийца вложил все свои деньги в калифорнийское предприятие, вместо того, чтобы покупать великолепные акции фирм Комстока, и, конечно, был разорен. Местные жители могли догадаться, что Эмпайр-Сити и Дэтч-Крик, между которыми якобы находилась избушка убийцы, — это одно и то же место и что там нет никакого соснового леса. Но калифорнийские газеты поверили сообщению и перепечатали его. Когда выяснилось, что статья — вымысел, поднялась буря возмущения.

Разумеется, новый сотрудник «Энтерпрайз» немедленно начал перепалку с конкурирующей газетой. Репортер Райс газеты «Вирджиния-Сити Юньон» посмел критически отнестись к статьям Клеменса о местной законодательной палате. Клеменс, по утверждению Райса, делает ошибки, он — совсем зеленый новичок, не знающий парламентских правил.

Клеменс решил бить Райса его же оружием. В очередной корреспонденции он без зазрения совести заявил, что статьи Райса полны неточностей, им совершенно

нельзя верить, они содержат просто преступные веши, автор этих статей «ненадежный». В дальнейшем газета «Энтерпрайз» неизменно продолжала называть Райса этой кличкой. Клеменс и Райс сделались друзьями, но для читателей «Энтерпрайз» Райс все еще оставался «ненадежным». Клеменс публиковал статьи о дурных манерах «ненадежного», описывал его обжорство, повествовал, как после званого обеда пришлось купить гроб и уложить туда этого пьяницу «ненадежного» — он был без сознания.

Дан де-Квилл, честнейший, принципиальнейший Дан, сотрудник той же «Энтерпрайз», тоже был объектом литературных пощечин, вызывавших раскаты смеха у читателей газеты. Дан, конечно, не оставался в долгу. Но подобная клоунада не портила отношений между журналистами. Все это делалось для публики, на потеху читателям.

В Вирджиния-Сити и на всем Дальнем западе Клеменс быстро получил такую же известность, как Дан и «ненадежный».

Однако в тесном приятельском кругу еще большую известность по части юмора имел Стив Гиллис. Он не был журналистом, а только скромным наборщиком. Но Гиллис как бы воплощал юмор Комстока, «дикого Запада». Это он прятал рукописи Клеменса и свечку, при которой Сэм работал по вечерам. Это Гиллис придумал организовать преподнесение Сэму роскошного курительного прибора. Такие приборы обычно дарили по подписке. Сэм любил почести. Но вот его, ярого курильщика, обходили.

— Разве я не заслужил такого прибора? — жаловался Сэм Стиву.

Стив Гиллис принялся за дело. Была составлена комиссия для вручения подарка. Сэму намекнули, чтобы он подготовил благодарственную речь. Пришел торжествен-

ный день. Растроганный Сэм горячо благодарили друзей, угощал шампанским. Веселье продолжалось всю ночь.

Назавтра выяснилось, что прибор не настоящий, а жалкая имитация из гипса и взят с витрины магазина, где он стоял для рекламы.

Редактору Гудману порой казалось, что молодой Клеменс несколько ленив. По мнению Гудмана, ему было далеко до Дана, талантливого и трудолюбивого журналиста. Но известность Клеменса росла. Его статьи перепечатывались другими газетами Невады и Калифорнии. Любая газета в Сан-Франциско — полагал Сэм — предложила бы ему работу.

Одно только смущало Клеменса — его статьи шли без подписи. Ему, конечно, не пришло бы в голову подписываться под статьями подлинной фамилией. Ведь основное, что дается Клеменсу, — это шутка, рассказ, фельетон, а юмористы пользуются псевдонимами, притом обязательно несколько комичными.

В 1863 году Сэм узнал о смерти старого лоцмана Селлерса — «Марка Твэна». Mark Twain — отметь два, — Сэму вспомнилась любимая Миссисипи. С разрешения редактора под статьями Клеменса появилась подпись «Марк Твэн».

Невада стала штатом. Это должно было дать дополнительные голоса в сенате президенту Линкольну. Губернатор Най, наконец-то, смог осуществить одну из целей своего приезда в Неваду — он кандидат в сенаторы от штата Невада. Обе палаты территориального законодательного собрания закрылись. Сэм организовал шуточное выступление, посвященное «третьей палате». В специально снятом для этого зале «губернатор» Твэн произносил острумные и злые речи о виднейших политических деятелях Невады. Слушатели хохотали. Твэн становился одним из наиболее популярных людей штата.

Когда в Неваду приехал писатель Артемус Уорд,

АРТЕМУС УОРД (ЧАРЛЬЗ БРАУН).

присвоивший себе имя своего главного героя, Сэм познакомился с ним одним из первых. В Вирджиния Сити Уорд с огромным успехом прочел комическую лекцию. Собственно говоря, лекции в обычном смысле этого слова не было. Писатель выступил с комическим монологом, играя роль хитрого простака Уорда. Публика начинала смеяться, едва завидев «лектора» на эстраде.

Уорд-Браун был лишь немногим старше Клеменса, но он уже стал популярным писателем, автором книги, выдержавшей два издания. Выдуманный Брауном владелец путешествующего зверинца и музея восковых фигур Уорд стал известен всей стране. Локк создал тип скверного старикишки Петролеум Б. Нэсби. Сам Линкольн хотел над похождениями Уорда и Нэсби, над выведенными Брауном и Локком типами рвачей, поддерживавших президента только для того, чтобы получить выгодную должность, над типами трусов и неразоблаченных изменников. Во время войны Браун, Локк и другие нашли нужные для защиты демократии слова; они тоже по-своему дрались за победу северян.

Артемус Уорд был первым признанным писателем, с которым познакомился Твэн. Уорд, Феникс (Дерби), Локк и многие другие юмористы, получившие известность примерно с начала гражданской войны, не претендовали на роль моралистов или ученых собирателей фольклора. Это были профессиональные юмористы, жившие на доходы, которые приносили им газетные фельетоны, книги и «лекции». За исключением отдельных сатирических рассказов, в которых защищалось дело Севера, они посвящали свое творчество одной цели — смешить, смешить во что бы то ни стало, не стесняясь в выборе средств.

Марк Твэн знал уже все тонкости ремесла американского юмориста, владел всем его инструментарием. Он

Линкольна осаждают искатели легкой работы. *Современная карикатура.*

умел нанизывать остроты, придумывать фантастические, лживые истории, представляясь простаком, делающим все невпопад. Он даже превзошел Уорда и Нэсби. Чтобы вызывать смех, ему не приходилось пользоваться любимым трюком юмористов — неправильной орфографией, искажением слов. У Смита и Лоуэлла неточности в выражениях, неправильное правописание в какой-то мере отражали подлинный характер ошибок малограмотных людей из американского захолустья. Но позднее искажения в орфографии, испорченные обороты речи приобрели виртуозный характер, стали фокусом. Сам Уорд признавал, что люди «смеются больше над моей эксцентричной фразеологией, нежели по поводу содержания».

В лучших произведениях юмористов все же сохранилась некоторая связь с фольклором Запада, в них чувствовалось что-то от передаваемых из уст в уста «охотничих» рассказов, небылиц, от легенд о полубогах «границы».

Твэн больше, чем кто-либо из американских юмористов, воспринял подлинный народный юмор Запада, воспринял его от лоцманов, матросов и грузчиков на великой реке Миссисипи, от золотоискателей, фермеров-переселенцев и рудокопов, познавших каторжный труд, от негров, воспевающих победы слабых зверьков над страшными медведями, волками и львами.

Твэн знал жизнь, умел подмечать смешное, но, чтобы доказать это, нужно вырваться из дикой глупши Невады. Подлинное признание и слава приходят в старых штатах, на Востоке.

Уорд прочитал некоторые работы Твэна и выразил свое одобрение. Он даже предсказал ему большое будущее.

По совету Уорда Марк Твэн послал несколько юмористических сценок в одно нью-йоркское издание; их напечатали. На этом пришлось остановиться — Твэн был слишком занят повседневной работой в Неваде.

Война между Севером и Югом уже подходила к переломному моменту. В начале 1864 года Линкольн назначил командующим войсками еще недавно совсем неизвестного Гранта. Президент решился также — наконецто! — предпринять некоторые шаги для освобождения негров. В Неваде вспоминали о войне лишь в связи со сборами денег на медицинскую помощь раненым. Жизнь здесь шла своим чередом.

В газете «Энтерпрайз» Твэн занимал уже такое положение, что, отправившись в поездку, Гудман оставил его своим заместителем. Новый редактор сразу же выступил с довольно оскорбительными замечаниями по адресу редактора газеты «Кроникл» Лэйрда, осмелившегося взять под защиту лиц, раскритикованных газетой «Энтерпрайз».

Лэйрд не остался в долгу. Марку Твэну было нанесено ответное оскорблечение.

В дело вмешался Стив Гиллис — Твэн до сих пор не дрался на дуэли, теперь ему представилась возможность показать себя; он должен послать своему оскорбителю вызов. Сэм отнесся к предложению Стива без особого энтузиазма, но отказаться от защиты своей чести, когда даже посторонним видно, что она оскорблена, невозможно. Вызов послали. Лэйрд не торопился отвечать. Возмущенный Твэн послал вторичный вызов. Наконец, дуэль назначена.

Целую ночь Твэн усердно учился стрелять из пистолета. Утро. Пора ехать. На поле чести Лэйрд со своими секундантами тоже тренировался в стрельбе. Секундант Гиллис решил преподать Сэму последний урок. Он выстрелил в птичку. Подошли Лэйрд и его секунданты. У птички была начисто отстрелена голова.

- Кто это сделал? — спросил один из секундантов.
- Сэм, — ответил Гиллис.
- На каком расстоянии?

— О, около тридцати ярдов.

— Может ли он повторить это?

— Сколько угодно раз. Он умеет так стрелять даже на вдвое большем расстоянии.

— С этим человеком драться нельзя. Это будет самоубийством, — заявил Лэйрду его секундант.

Редакторы конкурирующих газет города Вирджиния-Сити решили отказаться от всех нанесенных друг другу оскорблений.

Все сошло отлично. Сэм вошел во вкус дуэлей. Когда он получил оскорбительное письмо от некоего Кэтлера, он немедленно вызвал его на дуэль. Кэтлера не оказалось в городе, но о предстоящей дуэли стало известно городским властям. Невада к этому времени уже была штатом; закон против дуэлей предусматривал тюремное заключение для дуэлянтов, и власти искали случая доказать всем гражданам, что законы будут строго соблюдаться. Сэм и Стив узнали, что через несколько часов они будут арестованы.

Сидеть в тюрьме из-за дуэли, к тому же несостоявшейся, отнюдь не казалось романтичным. Первым же дилижансом Сэм и Стив отправились в Сан-Франциско. Так, благодаря случайности, установившаяся жизнь журналиста Твэна в стране серебра и золота пришла к концу.

В Сан-Франциско Твэн получил работу в калифорнийской газете «Колл». Он поселился со Стивом, попрежнему неутомимым инициатором всевозможных приключений. Жили весело, много пили, не упускали случая сыграть шутку над соседями, ссорились и не могли расстаться.

Но жизнь в Сан-Франциско не давала удовлетворения. Теперь Марк Твэн был только простым репортером в большой газете, одним из многих. Из полицейского участка на пожар, из одного конца города в другой в пого-

Золотоискатели на Дальнем западе. Рисунок худ. М. Галагера

не за материалом — так складывался день репортера. Ночью нужно было забежать во все театры, побывать в каждом несколько минут и дать заметки о спектаклях. Тяжелый, неприятный, бездушный труд.

И все вокруг Твэна в этом большом городе жили такой же тусклой жизнью, занятые только одним — борьбой за кусок хлеба. Богачи строили роскошные дома, выезжали в красивых колясках. Полиция, мэр, власти города и штата считались с каждым их желанием. А какого-нибудь несчастного китайца можно было затравить собаками — за него никто не заступится. Марк Твэн написал статью об этом — ее не напечатали. Попробовал писать другие статьи против полиции, против

городских властей — они тоже не были помещены. Работать в газете стало неприятно. Тем временем и хозяева газеты «Колл» решили расстаться с репортером Твэном. Он подал в отставку. Твэн, лучший журналист в Вирджиния-Сити, оказался в Сан-Франциско без работы.

На помощь пришел Гудман из «Энтерпрайз». Марк Твэн стал корреспондентом этой газеты в Сан-Франциско. Теперь он мог писать всю правду о коррупции, царящей в этом городе, — Гудман издавал газету в штате, жестоко конкурировавшем с Калифорнией.

В конце концов начальник полиции Сан-Франциско подал в суд на редактора «Энтерпрайз», обвиняя его в клевете. Но Марк Твэн выступил с новой, еще более резкой статьей, бичующей полицейские нравы города Сан-Франциско.

В это время Твэна пригласили участвовать в журнале «Калифорнинг», редактором которого стал новый приятель Твэна — Брет Гарт. Сан-францискские журналисты, не довольствовавшиеся одной репортерской работой или сочинением анекдотов, печатали в «Калифорнинге» сценки, статьи, стихотворения, рассказы, рассчитанные на более взыскательного читателя. Марк Твэн поместил в журнале несколько юморесок. Его и Гарта считали «подавшими надежду». Но Брет Гарт был опытнее, он лучше знал требования культурной Новой Англии, умел «подавать» материалы о Дальнем западе. Его рассказы о грубых, жестоких, не очень опрятных золотоискателях без опасения читали в лучших гостиных. Редакторский карандаш Гарта прошелся не по одной рукописи плебейского юмориста Твэна.

Жизнь в Сан-Франциско уже приобрела было какой-то порядок, но вмешалась новая случайность. Однажды ночью неугомонный Стив Гиллис ввязался в драку и изувечил кабатчика, оказавшегося другом начальника полиции. Стива арестовали по обвинению в покушении на

МАРК ТВЭН в хижине Джеймса Гиллиса.
Рисунок худ. Уорда, 1910 г.

убийство. Чтобы вызволить друга, Твэн дал за него поручительство. Гиллис немедленно же исчез из города и не явился к судебному разбирательству. Тогда начальник полиции взялся за поручителя. Пришлось бежать и Твэну.

К счастью, Сэмму встретился брат Стива — Джеймс Гиллис, старый золотоискатель, живший в одиночестве в горах. Он предложил Сэмму устроиться у него.

В избушке Гиллиса было спокойно и хорошо. Старый Джим разрабатывал заброшенные золотые россыпи. На них оставались только чудаки-неудачники, не терявшие надежды найти несколько самородков и обеспечить свою старость.

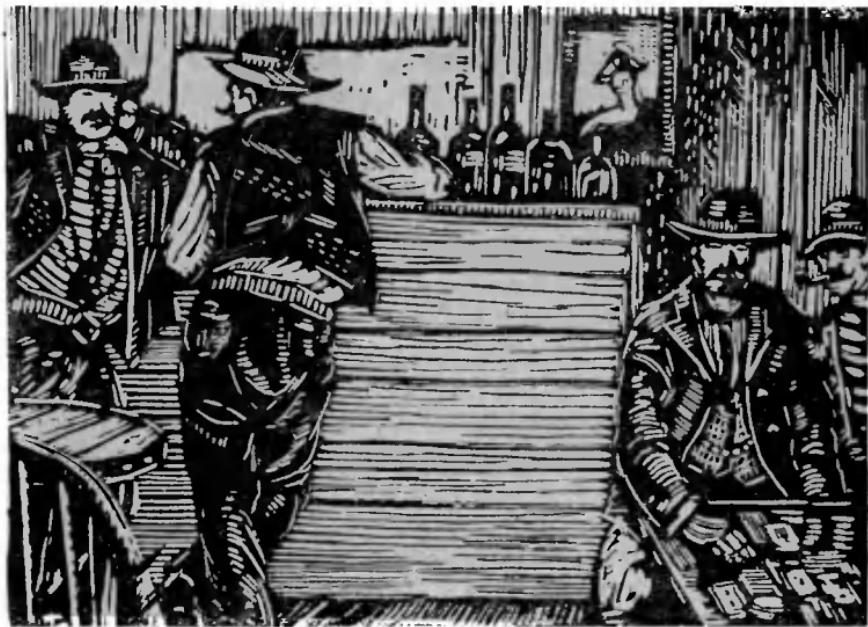
У Джима Гиллиса нашлись хорошие книги, он оказался замечательным рассказчиком.

Джим был кладезем народных «западных» сказок, передаваемых из уст в уста такими же обойденными судьбой старыми американскими охотниками, фермерами или золотоискателями.

В дождливые вечера Сэм слушал рассказы Джима и его приятелей. От ветерана боев с индейцами Джима Бриджера пошел рассказ про замечательное эхо. В тех местах, куда забрался Бриджер, была видна вдалеке гора. До горы так далеко, что звук голоса долетает до нее и возвращается эхом лишь через шесть часов. И вот, чтобы не проспать, нужно только крикнуть перед сном: «Вставать пора!», и эхо разбудит тебя утром, как раз во-время. Бриджер знает также место, где растут окаменелые деревья, которые приносят каменные плоды.

Клеменс снова стал искомателем драгоценных металлов. Стояла зима 1865 года. Сэм таскал воду для промывки породы; казалось, вот-вот блеснет самородок, но время шло, а золото не попадалось.

Наконец, устав от бесполезной тряской сил, Сэм категорически отказался продолжать работу. Джим и его ком-

В кабачке на Дальнем западе. Рисунок худ. М. Галагера

паньоны оставили участок на произвол судьбы. Позднее они узнали, что под тонким покровом пустой породы было золото. Его обнаружили и захватили другие люди.

Согреться в ту холодную зиму можно было только в кабачке, куда часто заходил старый лоцман с реки Иллинойс, по имени Бен Кун. Монотонным голосом он рассказывал длиннейшие истории. Однажды Кун рассказал собравшимся о лягушке, — он очень ценил внимательных слушателей, а день был серый, тягучий, делать все равно было нечего. Это не новый рассказ, неизвестно кто его сочинил. У человека по имени Кольман была дрессированная лягушка. Кольман пошел с каким-то

незнакомцем на пари, что его лягушка прыгнет выше любой другой. Когда Кольман вышел из комнаты, незнакомец накормил его лягушку дробью. Понятно, она не смогла сдвинуться с места, и пари выиграл незнакомец.

Стив уладил свои дела в Сан-Франциско, и Сэм мог туда вернуться. Снова началась шумная жизнь корреспондента «Энтерпрайз» и сотрудника «Калифорнийца», снова разоблачения, литературные драки, веселые вечера и ночи с неизменным Стивом.

В Нью-Йорке должен был выйти новый сборник Артемуса Уорда. Слава его продолжала расти. Уорд полюбил Твэна, веселого шутника и талантливого юмориста. По его предложению издатель книги попросил Твэна прислать что-нибудь для нового сборника. Марк Твэн написал рассказ о «прыгающей лягушке». Но «лягушка» дошла в Нью-Йорк с опозданием — книга уже была готова к печати. Издатель предложил рукопись «Вечерней почте». Юмореска «Джим Смайли и его знаменитая прыгающая лягушка» была там напечатана в ноябре 1865 года. Сэмюэлю Клеменсу было уже тридцать лет.

Рассказ о лягушке в разных вариантах не раз появлялся в печати и до этого. Он был опубликован еще десяток лет тому назад. Истории о хитреце, обманувшем хвастуна, часто рассказывали негры. О лягушках с животами, наполненными дробью, известно было на Миссисипи. Это — любимая тема народных сказок людей «границы», горняков, лесорубов. Но в больших городах восточного побережья о «лягушке» не знали.

Твэн сделал одним из действующих лиц самого рассказчика Саймона Уиллера. Саймон Уиллер уютно пристроился у печки убогого кабака в полуразрушенном шахтерском лагере. Он толст, лыс, на его спокойном лице написаны простота и добродушие.

Уиллер начинает свой неторопливый рассказ. Он не сразу приходит к теме, он рассказывает, как старый,

простодушный шахтер, забытый жизнью в глухом уголке страны. И сразу возникает мир беспокойного Запада с характерными для него типами грубых и бесшабашных искателей драгоценных металлов, хвастунов и азартных спорщиков. Джим Смайли, о котором рассказывает Уиллер, одержим страстью держать пари. Стоило заспорить при нем о чем угодно, как Джим предлагал биться об заклад. Он прибегал ко всяkim уловкам, наивным и хитрым, лишь бы втянуть людей в пари.

Читатель, как живых, видит Уиллера и глупого хитреца Смайли, который «стоял и почесывал голову» после того, как его надули таким остроумным способом.

Юмор Твэна в рассказе о лягушке мягкий, человечный; Твэн реалистичен и наблюдателен. Из широко известного анекдота писатель сделал яркую картинку народной жизни.

Рассказ о лягушке сразу приобрел популярность. Он был перепечатан в ряде газет. Лоуэлл отметил связь этого рассказа с фольклором. Нью-йоркский корреспондент «Сан-Франциско Альта» сообщил, что у него «раз пятьдесятправлялись об авторе смешной сказки. Все сходятся во мнении, что это лучшая вещь дня».

Но Твэн не был рад. Вот оно — признание. Он написал столько хороших статей и рассказов, он даже собирался выпустить книгу совместно с Гартом, а газетам Восточных штатов больше всего понравился простоватый, захолустный скетч. В этом рассказе мало выдумки, в нем нет блеска. В письме к родным Сэм жаловался: «Я не знаю, что писать; в моей жизни так мало событий. Я хотел бы снова быть лоцманом на реке. Воистину все — суeta и ничего не стоит, кроме лоцманского дела».

Твэну надоело писать ежедневные письма для «Энтерпрайза». Он метался, был недоволен собой, своей работой, городом Сан-Франциско, всей Америкой.

«ПРОСТАКИ ЗА ГРАНИЦЕЙ»

Продолжать прежнюю жизнь стало невозможno. Люди, которых видел Твэн вокруг себя, измучены вечной погоней за деньгами, вечным опасением остаться без средств к существованию. Орион снова был без работы, — когда Невада стала штатом, секретарь Клеменс оказался не у дел. Жизненный опыт друзей, знакомых, казалось, учил одному: прежде всего нужно обеспечить себя постоянным доходом, надо отложить в сторону все, что мешает достижению основной цели — иметь хороший заработок.

Но Твэн чувствовал, что он не может быть рабом газетной полосы или рассказчиком анекдотов. Снова стать лоцманом? Нет, это ушло в прошлое. Твэн не плавал почти пять лет. На реке выросли новые люди. К Миссисипи протягиваются нити железных дорог, на ней устанавливают путеводные огни, берега реки укрепляют, и лоцманское дело перестает быть свободным искусством.

После того, как сломлена сила рабовладельческого Юга, тормозившего экономическое развитие страны, повсюду с бешеною энергией строят железные дороги, добывают золото и серебро, железную руду и уголь. Предприимчивые люди, не считаясь ни с чем, рвут, где только можно, задабривают непокорных или уничтожают их; они заставляют правительство отдавать им государственные земли, десятками тысяч сгоняют бессловесных рабочих-китайцев и обманутых белых иммигрантов, принуждают их работать с утра до ночи, надувают недругов и друзей, прибирают к своим рукам сенаторов, мэров и начальников полиции. Новые законы о централизованной системе банков, о защите имущественных прав, о широкой иммиграции, о высоком протекционистском тарифе — все это на руку предпринимателям, капиталистам. Многие из них еще не умеют грамотно писать, но корявая их

подпись решает судьбы десятков и сотен тысяч долларов, целых армий рабочих.

Лучше умереть, думал Твэн, нежели жить в этой тюрьме, в этом мрачном мире безрадостного труда и забот.

Примерно в это время Твэн написал свои рассказы о скверном и о хорошем мальчиках. Это злые пародии на проповеди, которыми пичкают детей в воскресных школах. Вопреки слажавой морализации школьных хрестоматий, в которых порок всегда наказан, у Твэна порок чувствует себя превосходно. Когда «скверный мальчик» забрался на чужую яблоню красть яблоки, «сук не подломился, и мальчик не упал и не сломал себе руки, и его не терзала огромная собака фермера, и он не чах потом на одре болезни целые недели, не раскаялся и не стал паинькой. О нет! Он нарвал столько яблок, сколько ему хотелось, и благополучно спустился вниз. Когда собака подбежала к нему, он хватил ее кирпичом. Это было очень странно — ничего подобного никогда не случается в этих милых книжках с корешками под мрамор... Ничего подобного не бывает ни в каких книжках для воскресных школ!».

Жизнь полна несправедливости — никакие вездесущие добродетельные «развалины-судьи» не появляются в последнюю минуту, чтобы добиться наказания виновного и торжества добродетели. Нет, обычно торжествует порок. «Примерный мальчик Джордж получил порку, а Джим радовался этому, ибо Джим, надобно вам знать, ненавидел добродетельных мальчиков. Джим говорил, что «ему наплевать на этих молокососов». Так грубо выражался этот скверный, безнадзорный мальчик!».

Твэн кончает повесть о «скверном мальчике» в духе «западной», «дикой» пародии, но с явной сатирической ноткой:

«Так он вырос, и женился, и вырастил большую

семью, и в одну прекрасную ночь размозжил им всем головы топором, и разбогател всевозможными плутнями и жульничеством; и теперь он является самым отъявленным негодяем в своей родной деревне, но пользуется всеобщим уважением и состоит членом законодательной палаты».

«Хороший мальчик», напротив, нарушает все веления здравого смысла: он честен до смешного и всегда слушается родителей, какие бы нелепые требования они ни предъявляли. По существу он — маленький, расчетливый честолюбец, хващающий своей противной добродетельностью, мечтающий нажить на ней капитал.

В жизни этому мальчику не везет так, как везет добродетельным детям в книжках для воскресной школы. «Однажды, когда несколько злых мальчиков столкнули слепого в грязь и Джекоб подбежал помочь ему и получить его благословение, слепой не благословил, но треснул его своей палкой по голове и сказал — пусть он еще раз попробует толкнуть его, а потом прикидывается спешащим ему на помощь! Этого не было ни в одной из книжек! Джекоб нарочно перелистал их все, чтобы проверить».

Твэн смеется над ханжеством, лицемерием. Он — трезвый, прямой, здравомыслящий человек и хочет видеть действительность в ее подлинном свете. А действительность Твэну не всегда по душе.

Его тянет в горы, в лес, хочется побродить вдали от людей, вдыхать прозрачный, незагрязненный воздух.

Пароходная линия соединяла Сан-Франциско с Сандвичевыми островами. Там дикая, прекрасная природа, чудесный климат, совсем иная жизнь, далекая от Америки шестидесятых годов. Может быть, уехать туда? На Сандвичевых островах растет тростниковый сахар, которым чрезвычайно интересовались калифорнийские

дельцы. Марк Твэн уже пользовался известностью как журналист. Почему бы не послать его газетным корреспондентом на Сандвичевы острова? Он опишет положение туземной сахарной промышленности.

Предложение Твэна было принято одной из калифорнийских газет. В марте 1866 года он прибыл в Гонолулу. Все здесь нравилось Твэну: и вечно голубое небо, и зелень, и таинственные вулканы, и «поющие девушки». Здесь листья никогда не вянут и небеса не плачут.

Сэм решил честно облазить все вулканы, проехал сотни миль по островам, пережил много опасностей. И он был счастлив, радовался жизни, солнечному свету, своему душевному спокойствию.

В Гонолулу Клеменс познакомился с группой единомышленников. Это были люди высокого положения — он добрался до них, благодаря своим статьям, благодаря «Лягушке», которую прочитало бесчисленное множество американцев. Это были послы США в страны дальневосточной Азии; в Гонолулу они находились проездом. Веселый журналист особенно понравился Бэрлингейму, послу в Китае. Клеменс далеко пойдет, он создаст себе славу. Конечно, в нем еще чувствуются бывший лоцман и рудокоп. Бэрлингейм посоветовал Клеменсу поскорее отойти от того мира, откуда он поднялся. «Никогда не имейте дела с людьми более низкого уровня... Всегда карабкайтесь вверх».

Вскоре представилась возможность добиться большой репортерской победы. На гавайский остров прибыла лодка с людьми, спасшимися после гибели большого судна. Твэн был болен. Но с помощью Бэрлингейма ему удалось получить хорошее интервью. Статья была написана за одну ночь и поспела на судно, отходившее в Сан-Франциско на другое же утро. Корреспондент Твэн первый сообщил о гибели судна от пожара, описал переживания потерпевших кораблекрушение. Из Сан-Фран-

циско сообщение было по телеграфу передано во все концы страны.

Только в середине августа Твэн вернулся в Сан-Франциско. В его чемодане лежала обстоятельная статья о том же кораблекрушении — он предложит ее солидному журналу. Это будет началом большой карьеры журналиста.

Письма Твэна, написанные с Сандвичевых островов, — это статьи знающего свое дело корреспондента, который непрочь время от времени шуткой облегчить чтение серьезного материала.

Итак, сын Джона Маршала Клеменса, виргинского джентльмена, отправившегося покорять Запад, не только дошел до западного побережья страны, но пересек полокеана, до Сандвичевых островов. Как верный корреспондент газеты, представляющей интересы грубоватых сан-францисских джентльменов с миллионами, Твэн, конечно, выступил за присоединение этих райских Сандвичевых островов к Соединенным Штатам.

Большая статья о кораблекрушении была принята. Но это не разрешило вопроса о дальнейшей судьбе специального корреспондента Твэна. Что же делать теперь — приниматься за поденщину репортерской работы? Хорошо бы снова очутиться на океане! Юмористу Твэну не нравилась жизнь в условиях жестокой борьбы за место под солнцем. Ему хотелось бы отправиться в кругосветное путешествие на много месяцев. Но пока это была только мечта. А для того, чтобы прокормить себя, приходилось спешно подыскивать занятие.

У Твэна появилась мысль составить на основе своих статей книгу о Сандвичевых островах, но не было уверенности, что ее напечатают. Родилась и другая идея — по примеру Уорда, Твэн прочтет лекцию об островах. Он хорошо владеет искусством рассказчика, он поведает слушателям много забавных историй, опишет красоты островных вулканов.

Это предприятие сначала пугало своей смелостью, казалось рискованным. Кто же согласится заплатить по доллару или по пятьдесят центов за билет только для того, чтобы послушать какого-то журналиста?

Все же Твэн решил пойти на риск.

Афиша была составлена в комически-занавесочном стиле. После указания, где, когда и какая будет лекция, крупным шрифтом было напечатано:

**ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ОРКЕСТР
НАХОДИТСЯ В ГОРОДЕ,**

и мелко —

но не приглашен.

УСТРАШАЮЩИЕ ДИКИЕ ЗВЕРИ

и мелко —

будут показаны в другом квартале.

РОСКОШНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК

ПРЕДПОЛАГАЛИ УСТРОИТЬ В СВЯЗИ С ЛЕКЦИЕЙ,
НО ОТКАЗАЛИСЬ ОТ ЭТОЙ МЫСЛИ

и т. д.

В конце афиши было сказано, что двери открываются в семь часов, а неприятности начнутся в восемь.

В этот вечер лектору действительно приходилось конкурировать с такими признанными аттракционами, как дикие звери и фейерверк. Он должен так увлечь публику, чтобы не заметили отсутствия оркестра. Умеет ли он развлекать?

Оказалось, что умеет. Зал был полон — на Тихоокеанском побережье уже знали юмориста Твэна. Твэн перенял многое из эстрадной манеры Уорда. Он сыпал остротами и сохранял при этом наивное выражение лица,

Так у Твэна появилась новая профессия. Был привлечен импресарио, и вдвоем с ним Твэн пустился в турне по Калифорнии и Неваде. Лектор растягивал слова, как только мог, — одно это вызывало смех. Вид у него был нарочито непрезентабельный — людям «границы» это нравилось. Подмышкой Твэн держал рукопись с текстом *своей лекции*. От долгого употребления рукопись вконец растрепалась, у нее был словно взъерошенный вид.

Успех лекций все возрастал. Твэну завидовали. Постепенно добавлялись комические эффекты. В Вирджиния-Сити Твэн начал свое выступление так: занавес поднимается, Твэн — точно у себя дома — сидит за фортепиано и напевает песенку о лошади по имени Мафусайл. Вдруг Твэн замечает, что занавес поднят, и выражает крайнее удивление. Зрители в восторге.

Вместе с другими веселился и Стив Гиллис. Однажды, когда после лекции Сэм возвращался домой, неся солидную выручку, на него напали бандиты.

— Осторожнее с пистолетами, — попросил Твэн.

Он поднял руки вверх и продержал их в таком положении столько, сколько ему было приказано. Потом вернулся в редакцию «Энтерпрайз» без денег, без часов и без записных книжек. Сейчас же составили статью о наглом грабеже и послали телеграммы в другие газеты.

Главным бандитом оказался Стив. Твэн был взбешен, как никогда. Он уже начал отвыкать от «практических» шуток славного штата Невада.

Марк Твэн стал известным лектором-юмористом, гордостью Дальнего запада. Перед ним лежала широкая дорога — нужно добиться славы в старых штатах, нужно ехать на Восток. На пароходе по пути из Сан-Франциско в Нью-Йорк Сэм познакомился в капитаном Уэйкманом, знатоком библии, автором изысканных ругательств, вершителем судеб на своем судне, богохульником и, если угодно, поэтом. С капитаном Уэйкманом

время проходило быстро. От Никарагуанского перешейка Твэн следовал на север на другом судне. На следующий же день после отплытия на пароходе были обнаружены два случая азиатской холеры. Заболевшие умерли; по странному совпадению внезапно испортились машины, и пароход никак не мог добраться до ближайшего порта. Число заболеваний росло. Нехватало лекарств. Наконец, судно прибыло во Флориду. Многие пассажиры бежали. Твэн остался на судне, хотя на борту еще были больные. В январе 1867 года он прибыл в Нью-Йорк.

Первым делом Марк Твэн решил выпустить книжку. В нее должны были войти его юмористические рассказы во главе, конечно, с «Лягушкой». Он предложил книгу солидному издательству. Издательство от книги отказалось — в этих краях имя автора не было достаточно известно, чтобы идти на риск. Это — Нью-Йорк, а не «дикий Запад». Но Твэн приехал побеждать Америку, и ему во что бы то ни стало была нужна книга. Один из приятелей в конце концов согласился взять на себя издание книги «дикого юмориста с Тихоокеанского побережья». Артемуса Уорда называли «диким юмористом прерий». Твэн как бы становился теперь на один уровень с этим удачливым «человеком, который смешит».

Из Нью-Йорка Твэн отправился в родные места. Лекция в Ганибale прошла с огромным успехом. Орион был все еще не у дел. Мать попрежнему жила у сестры.

В Сэнт-Луи Твэн увидел объявление о необычайном путешествии. В Средиземное море отправляется специальный корабль «Квэйкер-Сити», который повезет людей, едущих ради удовольствия, экскурсантов. Разумеется, такое путешествие могут предпринять только очень состоятельные люди. В поездке примут участие известные журналисты и видные священники. Экскурсанты повидают «священные места», а также Италию, Грецию, Черное море и т. д.

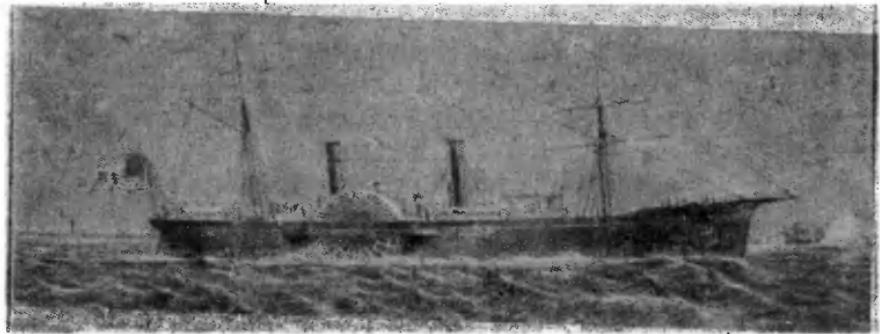
Твэн предложил калифорнийской газете «Альта» свои услуги в качестве специального корреспондента на пароходе «Квэйкер-Сити». Предложение показалось хозяевам газеты необычайно смелым — ведь билет стоил 1 250 долларов. Все же несколько дней спустя заведующий нью-йоркским отделением газеты получил телеграмму: «Отправьте Марка Твэна в экскурсию в святую землю и заплатите за билет».

Теперь все остальное потеряло значение. Время тянулось медленно. До отхода «Квэйкер-Сити» приходилось писать письма из Нью-Йорка для той же газеты «Альта». Это была неприятная работа, и самому Твэну письма казались глупыми, неинтересными. Ему надоело писать для газет. Он стремился к такой работе, которая доставляла бы подлинную радость. В письме к родным он написал, что презирает себя; он найдет успокоение, только когда судно выйдет в море. Душа его устала.

Знаменитости, о которых твердили рекламы «Квэйкер-Сити», в последнюю минуту отказались ехать. Вероятно, их имена были объявлены пароходной компанией лишь для привлечения публики.

Марк Твэн неожиданно оказался одним из наиболее видных персонажей на борту «Квэйкер-Сити». Но компания собралась не плохая. Тут были журналисты, священники, с замиранием в голосе говорившие о «святой земле», и просто приятные обыкновенные американцы, без особых познаний, без претензий, грубоватые, здоровые, насмешники и балагуры.

Веселая мужская компания состояла, кроме шумного Марка, из Дана — судового врача и циника, Джэка и Джулиуса. На пароходе большую часть времени, как и полагается мужчинам, они проводили в курилке, на берегу первыми пускались в длительные путешествия, не боясь трудностей и опасностей. От этой компании, в особенности от Твэна, веселье шло по всему пароходу.

Пароход «Квэйкер-Сити», на котором совершили путешествия «простаки».

С беспечностью человека, который живет в свое удовольствие, Твэн отпускал остроты, дурачился. Даже старых священников Твэн смешил до слез.

Путешествие оказалось не столь размеренным и спокойным, как предполагали. В Грецию туристов не пустили ввиду карантина. Но группа смельчаков пробралась в Афины незаконным путем. В летнюю жару они же проделали трудный путь из Бейрута в Иерусалим. По дороге Твэн заболел холерой, но в легкой форме.

Путешествие рекламировали, главным образом, как «экскурсию в святую землю». Но на пути в Палестину лежали Италия, Греция, Турция; экскурсанты посетили также Крым. Всюду было много красивых видов, архитектурных редкостей.

В своих письмах Твэн описал путешествие на «Квэйкер-Сити» шаг за шагом. Это как бы отчет о «путешествии ради удовольствия». Твэн рассказывает о всем мало-мальски интересном из того, что экскурсанты видели на пути от Азорских островов до Палестины. Чудеса Гибралтара, Везувия, Афин, Севастополя, Милана — «поэмы в мраморе», Булонского леса в Париже и Смир-

ны с ее прекрасными девушками описаны живо, занимательно и в основном в соответствии с фактами. Все же Твэн не просто репортер, у него дар юмориста. И он намеренно сгущает краски, утрирует, вставляет в ткань повествования анекдоты, пародии. Таков, например, рассказ о том, как компания весело пообедала в одном португальском городе. За обед был предъявлен умопомрачительно большой счет; друзья уже решили, что они разорены, но оказалось, что португальцы ведут счет на очень мелкую монету — рейсы. Твэн лукаво рассказывает о посещении могилы Адама. Он снисходительно выслушивает хвастливость и скупость американцев. Это вызывало смех громкий, без стеснения.

Обычно путешествовавшие в Европу американцы воспевали европейские музеи, приходили в трепет перед памятниками древности, изливали моря сентиментальностей. Твэн решил разрушить эту традицию. Он написал как бы пародию на трафаретные описания путешествий в Европу.

Мужская компания на пароходе усвоила скептический тон по отношению ко всем европейским чудесам. Веселые ребята поднимали насмех гидов, пытались увильнуть от посещения картинных галлерей.

В Европе есть Микельанджело, Сикстинская капелла. Чорт побери, там достаточно фресок, чтоб прикрыть ими все небо. Но довольно Европе хвастать своим Микельанджело!

Гид показывает экскурсантам какую-то очередную бронзовую статую. Доктор, лучше всех умевший сохранить вид «вдохновенного идиота», спрашивает:

— Работа Микельанджело? — и удивляется отрицательному ответу.

Римский форум. Доктор снова в своей роли:

— Это Микельанджело?

Египетский обелиск.

— Работа Микельанджело?..

Гид близок к обмороку, он лепечет что-то, пытаясь втолковать этим людям, что Микельанджело «ответственен за создание только части вселенной».

Конечно, американцы должны заинтересоваться Колумбом.

— Идите со мной, джентльмены, — кричит гид, — я вам покажу письмо, написанное самим Колумбом.

Молодые люди созерцают письмо. Доктор спрашивает, кто, собственно говоря, его написал? Колумб? Но ведь почерк-то отвратительный. Ему неважно, кто писал, — в Америке четырнадцатилетние дети пишут лучше. Европа безнадежно отстает от Америки!

А вот бюст Колумба.

— Как вы назвали этого джентльмена? — спрашивает доктор.

Он открыл Америку? Не может быть. Эти джентльмены только что приехали из Америки и никогда ничего подобного не слыхали. Он еще жив, этот джентльмен? А от чего он умер? Не от оспы ли? А родители его живы?

А, мумия?! Как зовут этого джентльмена? Он француз? Египтянин? Умер три тысячи лет тому назад? Как вам нравится наглость этого гида — предлагать нам такие подержанные трупы! Если у вас есть свежий труп — другое дело.

Твэн, однако, не только веселил своих читателей. Он помогал им расти в их собственных глазах, чувствовать себя умнее, лучше, богаче людей «Старого света». Его письма — это вызов Европе. Герои экскурсии на «Квэйкер-Сити», доктор и его приятели, вернули визит Колумбу. Они поехали в Старый свет, с его культурой тысячелетий, не как робкие и благодарные ученики, а как равные, как победители, удачливые захватчики огромно-

го континента, с его неисчерпаемыми ресурсами, богатые, сильные, даже наглые.

Старый свет для них чужой. Они — простаки, вандалы, они не имеют прошлого и не дадут сорока долларов за миллион таких фресок, как «Тайная вечеря». Мощь Америки растет так быстро, так много изобретают там новых машин и добывают из недр земли минеральных богатств, что этой простоты, этого вандализма не стыдятся, ими хваствают. Не жалея красок, разоблачал Твэн старую Европу, одновременно превознося разумный утилитаризм демократической Америки. «Дальний запад» высмеивал «старушку Европу». Твэн нигилистически обрушивался на старых мастеров за то, что их картины «носили на себе признаки... подхалимства этих великих людей... Их тошнотворное низкопоклонство перед титулованными покровителями показалось мне действительно заслуживающим внимания и больше приковало мой взор, чем художественные достоинства картин».

Твэн отразил уверенность Америки, быстро поднимающейся на путях буржуазного развития, в ее праве смотреть на отягощенную наследием феодализма монархическую Европу без преклонения. В то же время упоенный успехами американец кичливо оспаривает ценность вековых накоплений культуры.

Единственное, что в Старом свете не подвергается насмешке, «разоблачению», — это «священные места» на восточном побережье Средиземного моря, знакомые с детства по протестантской библии.

Тон писем из «святых мест» совсем другой. Они написаны серьезным, порою даже торжественным языком.

В Египте Твэн также на мгновение ощущил величие старины. «Мы рады, что видели Египет. Рады, что видели старую страну, научившую Грецию азбуке, а через Грецию — Рим, а через Рим — весь мир...»

За пять месяцев путешествия Твэн написал для га-

зеты «Альтай» пятьдесят три письма, для нью-йоркской «Трибуны» — шесть. Письма эти перепечатывались и другими газетами. Их читали с интересом не только рядовые читатели, но и политические деятели в Вашингтоне.

О Марке Твэне заговорили. Этот человек умеет писать. Сенатор Стюарт был непрочно сделать Твэна своим секретарем. Работы, конечно, будет немного, Твэну останется довольно времени для своих собственных сочинений.

Экскурсия окончилась. Не теряя времени, Твэн поехал в Вашингтон и начал в соответствии с характером своей новой работы у Стюарта знакомиться с местными журналистами. Но на секретарской работе Твэн не задержался долго. В Вашингтоне царила коррупция, дела решались за стаканом виски; политика — говорил Твэн — гнусное, нечестное дело, среди вашингтонских политических деятелей вовсе не было людей большого государственного ума.

В это время Твэн неожиданно получил письмо от некоего Блиса, руководителя крупного издательства. Мистер Блис выражал желание получить от Клеменса какую-либо из его работ для издания. Фирма готова предложить весьма выгодные условия. Из дальнейших переговоров выяснилось, что для больших тиражей необходима юмористическая работа, то-есть книга с юмористическим уклоном».

Предложение Блиса требовало немедленных действий. Книгу можно составить на основе писем, посланных с «Квэйкер-Сити». Их нужно обработать — это должны быть записки вандала, попавшего в цивилизованный мир.

Клеменс откровенно ответил Блису. У него есть хорошая газетная работа. Писать новую книгу или даже переделывать старые письма он станет только в том случае, если ему докажут, что это выгодно.

В январе 1868 года вопрос о книге был окончательно решен. Твэн принялся за работу. Многое из писем пришлось выбросить, переделать, написать заново. Внезапно дела осложнились. Твэн узнал, что хозяева газеты «Альта», эти «грабители с большой дороги», решили сами выпустить сборник писем их корреспондента — формально они на это имеют право. На письмо Твэна они ответили довольно уклончиво. Необходимо было поехать в Сан-Франциско, чтобы на месте уладить дело. Осложнения появились и у Блиса. Некоторые акционеры решили, что книга о «святых местах» носит несколько легкомысленный характер. Как бы почтенных жителей благопристойного Гартфорда, из старого почтенного штата Коннектикут, издавших на своем веку не одну книгу религиозного содержания, не обвинили в богохульстве. Но Блис хорошо понимал, что самая свежесть книги, ее «вандализм» привлечет читателей. Он заявил акционерам, что в случае их отказа издаст книгу сам и все прибыли положит в собственный карман. Это оказалось убедительным. Книга была спасена.

На пути в Сан-Франциско Клеменс снова очутился на судне, капитаном которого был богохульный старый Уэйкман, обожавший библию и всех пророков. Уэйкман рассказал Сэмю замечательную историю. Ему снилось, что он попал на небо. На основе «сна» капитана Твэн написал рассказ, напоенный юмором.

Обильные источники питали юмор Твэна. Это не был салонный юмор, ограниченный в своих образах, юмор интонаций. Твэн черпал образы из житейского опыта Дальнего запада и долины Миссисипи — Долины демократии, из жизни дровосеков и негров, водников и фермеров, золотоискателей и полубогов фольклора, наводящих порядок в космосе. Это — грубоватый юмор, попахивающий потом людей физического труда, и вместе с тем безудержный, не ограниченный в полете фантазии.

В первых страницах рассказа о путешествии капитана в рай особенно ярко отразились все эти особенности твэновского юмора, вся его свежесть, вытекающая из близости к реальной жизни.

Капитан, попав на небеса, развлекался тем, что обгонял кометы, точно пароходы. Сначала победы давались ему легко — «выходило так, словно комета — балластный поезд, а я — телеграфная депеша». Но затем, когда капитан выбрался за пределы нашей астрономической системы, рассказывает он, ему «начали попадаться кометы — мое почтение! У нас таких комет и в помине не бывало!

В одну ночь я мчался таким ровным ходом, подобравшись в струнку, с попутным ветром. Полагаю, я делал около миллиона миль в минуту, а то и больше, но уже никак не меньше, как заметил необычайно крупную комету румба на три в сторону от моего штирборта. По кормовым огням я рассчитал, что курс ее лежит на северо-северо-восток с половиною. Ну, она летела так близко к моему курсу, что я не хотел упустить случая; вот я отклонился на румб, поправил штурвал и кинулся вслед». Капитан чувствует себя вполне как дома в космических сферах. Продолжая свое повествование (характерно, что Твэн применяет здесь монолог, выступает как подлинный юморист «границы» в роли рассказчика от первого лица), капитан говорит: «Ну-с, пропер я еще полтораста миллионов миль и поравнялся с плечом, как ты бы выразился. Чувствовал я себя довольно хорошо, должен тебе сказать; но тут я увидел палубного офицера, который подошел к борту и направил в мою сторону свою трубку. И сейчас же заорал:

— Эй, вы там, внизу! Встряхнитесь, ребята, встряхнитесь! Подбросьте в топки сто миллионов биллионов тонн серы!

— Есть, сэр!

— Свисти вахту со штирборта! Все на палубу!

— Есть, сэр!

— Послать двести тысяч миллионов человек поднять бомбрамсели и трюмсели!

— Есть, сэр!

— Ставь лисели! Подымай паруса до последней тряпки! Оснащай корабль от штевня до штурвала!

— Есть, есть, сэр!

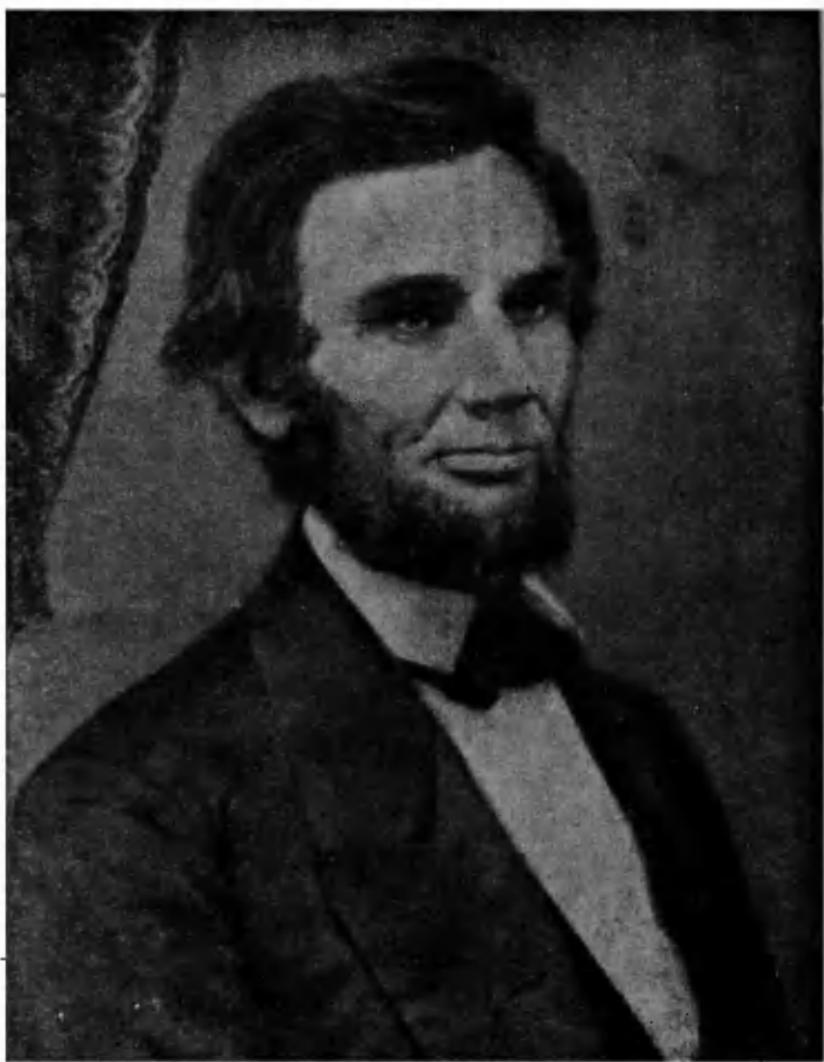
Через секунду я понял, Питерс, что нажил себе опасного противника. Меньше, чем через десять секунд комета представляла собою сверкающее облако раскаленной докрасна парусины. Она заняла все небо, так что ёй конца-краю не видно было — точно она распухла и заняла собой все пространство: серный дым из топок — ну, никто не сумел бы описать ни того, как он клубился и расплывался в небесах, ни того, как он смердел. И никто не в силах был бы описать, как эта чудовищная посудина поддала ходу. И какой поднялся гвалт — тысячи боцманов свистели враз, экипаж, численностью в население сотни тысяч миров, вроде нашего, ругался хором. Короче говоря, ничего подобного я раньше не слыхал!»

Капитан вначале чувствует себя на небе превосходно. Он не теряет своего «загробного» оптимизма и тогда, когда, заблудившись, попадает в канцелярию одного из самых отдаленных уголков неба. Оказывается, впрочем, что там и не подозревают о существовании планеты Земли с ее самодовольными жителями. Наконец, капитан на своем «собственном» небе. Его, точно в заправском магазине, встречают возгласом: «Арфу, псалтырь, пару крыльев и одно сияние № 13 для капитана такого-то из Сан-Франциско». Однако на этом небе порядки во многом схожи с земными. На арфе никто не играет, крылья никому не нужны, а сияние — просто помеха.

Капитан рассказывает: «Нам стали попадаться полчи-

МАРК ТВЭН в 1860 г.

Президент США — АВРААМ ЛИНКОЛЬН.

ща возвращающихся. У одних были только арфы и ничего больше; у других только псалтыри и ничего кроме; у третьих совсем ничего; у всех вид был недовольный и пришибленный. У одного молодого парня не оставалось ничего, кроме сияния, и он нес его в руке; вдруг он протянул его мне со словами:

— Не подержите ли его минутку?

Затем он исчез в толпе. Я шел дальше. Какая-то женщина попросила меня подержать ее пальмовую ветвь и тоже исчезла. Какая-то девочка попросила меня подержать ее арфу, и, клянусь богом, она тоже скрылась; и так далее, и так далее, пока я не оказался навьюченным по самую шею.

Тут подходит старый джентльмен и просит меня подержать его вещи. Я отер пот и говорю довольно-таки резко:

— Вам придется извинить меня, друг мой, — я не вешалка».

Дальше капитан узнает, что на небе имеются привилегированные особы, своя аристократия, притом порою довольно низкого пошиба.

На небесах, как и на грешной земле, наибольшей популярностью пользуются убийцы, пираты и кабатчики.

Капитану объясняют:

«Тут надо пробыть пятьдесят тысяч лет, а то и больше, пока хоть мельком увидишь всех патриархов и пророков. За время моего пребывания здесь показался однажды Иов, а однажды Хам одновременно с Иеремией. Но самое интересное событие случилось в мою бытность здесь около года тому назад: это был прием Чарльза Писа, англичанина, — того, что прозвали «Баннеркросским убийцей». На большой эстраде стояли тогда четыре патриарха и два пророка — ничего подобного не случалось с той поры, как сюда явился капитан Кидд; был Авель, впервые за 1 200 лет».

Все преподанные церковью представления о небе оказываются чепухой, рай вовсе не таков, каким его рисуют в церкви и воскресной школе. В то же время на небесах можно было бы установить по-настоящему правильные порядки. На небе есть много — на взгляд капитана — разумного, справедливого. Там ценят людей не по тому, что они действительно сделали, а по тем возможностям, которые в них заложены и которые порою не реализованы по вине обстоятельств. И на небе люди должны трудиться, чтоб заработать право на приятный отдых, ибо без труда нет и счастья. Рай это такое место, где человек может заниматься тем трудом, который он любит, к которому склонен. Что может быть лучше любимой работы — приходит к выводу капитан. Райское бездельное блаженство чепуха.

Написав рассказ о сне капитана, Твэн пришел к убеждению, что печатать эту вещь нельзя. Кто же согласится ее опубликовать? И если даже опубликуют, то у Твэна установится репутация безбожника. Уважаемые издатели из Гартфорда откажутся иметь дело с таким автором. Твэн решил, что рассказ о путешествии Уэйкмана на небо, очевидно, можно будет напечатать тогда, когда Твэн заложит прочный материальный фундамент и начнет жить по-настоящему, независимо.

Твэн договорился с хозяевами «Альта», что они не будут чинить ему препятствий в издании книги. Он, конечно, воспользовался случаем и организовал ряд лекций. Были приняты некоторые меры, чтобы зал не пустовал. Перед последней лекцией на улицах Сан-Франциско появилась интригующая листовка. Она начиналась с требования, подписанного виднейшими гражданами города, о том, чтобы лектор Твэн убрался поскорее из Сан-Франциско. Дальше напечатан был ответ Твэна его гонителям. За этим следовало грозное предостережение — за подписями ряда лиц и организаций — не устраивать

лекций и, наконец, заявление начальника полиции: «Лучше убирайтесь вон». Автором всей листовки, конечно, был сам Твэн.

Вечером зал оказался битком набитым.

Рукопись о поездке в Европу была закончена, и в Гартфорде Твэн передал ее издателям. Теперь было вдоволь времени для прибыльных лекций и выступлений на званых обедах.

Марк Твэн пользовался уже довольно широкой известностью как юморист, как человек, умеющий развеселить. Он сыпал остротами и смешил любого, кто не был глух, слеп и нем. Когда в washingtonском клубе корреспондентов Твэн произнес так называемую послеобеденную речь, каждую его фразу встречали смехом, и речь была признана присутствующими шедевром остроумия. Твэн распространял вокруг себя смех радостный, беспечный. Слушатели и читатели видели в Твэне весельчака, оптимиста до мозга костей, человека, который вполне доволен жизнью, и это довольство передавалось им.

К веселой мужской компании, путешествовавшей на «Квэйкер-Сити», часто присоединялся юноша лет восемнадцати — Чарльз Лэнгдон. Мужественные, видавшие виды люди, вроде Твэна, вызывали восхищение Чарли. Отец послал Чарли в длительное путешествие, чтобы он повидал свет, узнал людей — ведь Джервис Лэнгдон, один из богатейших жителей города Элмайры в штате Нью-Йорк, оставил сыну шахты и крупную оптовую торговлю углем.

Как и во всяком хорошо воспитанном мужчине из лучших семейств Элмайры, в Чарли совмещалось преклонение перед «настоящей», грубой мужской компанией с культом своей семьи, которой ничто из этого мужского мира коснуться не может.

С Твэном, конечно, весело. Его профессия — забавлять, смешить людей. Поэтому неплохо бы показать Твэна родным. Сестре Оливии, болезненной, печальной девушке, доставило бы удовольствие послушать, как Твэн, смешно растягивая слова, рассказывает какой-нибудь вполне приличный анекдот. Это даже поднимет авторитет Чарли в глазах родных. Вот какой у юного Лэнгдона приятель — известный юморист Твэн.

Но когда однажды (это было в Смирне) Чарли показал Твэну превосходно исполненную миниатюру своей сестры Оливии и тот попросил разрешения оставить у себя эту миниатюру на несколько дней, Чарли, конечно, отказал.

Несколько друзей по «Квэйкер-Сити» устроили в Нью-Йорке выпивку. Присоединился и Чарли, который приехал в Нью-Йорк с отцом и Оливией. Чарли пригласил Твэна пойти вместе с Лэнгдонами на лекцию Диккенса. Твэн охотно согласился — на миниатюре лицо Оливииказалось таким милым. В семье Оливию считали мученицей, далекой от всего земного, — несколько лет тому назад она сильно ушиблась, поскользнувшись на льду, и долго не вставала с постели.

Диккенс читал отрывок из «Давида Копперфильда». Этот знаменитый английский писатель, поднявшийся из низов, прошедший сквозь мучительную школу журнализа, сохранил подлинную силу таланта, гнев против тех, кто ради корысти уродует в человеке все живое.

Твэн был целиком увлечен сидящей рядом с ним хрупкой, нежной девушкой. Но она и ее миллионер-отец — люди другого мира, нежели Твэн, которого на афишах, рекламирующих лекции, рисуют, точно клоуна, верхом на лягушке.

Расставаясь, Чарли Лэнгдон пригласил своего занятного и, возможно, не совсем воспитанного друга навестить их в Элмайре. Однако этот странный человек,

BROOKLYN ACADEMY OF MUSIC, FEB. 7th

*Tickets at 244 Fulton St. and
172 Montague St.*

Объявление о лекции Твэнса,

на которого даже трудно сердиться, настолько он эксцентричен, не стал ждать приезда в Элмайру. В день нового года, в одиннадцать часов утра, он отправился с визитом к знакомым, у которых в это время находилась мисс Лэнгдон, и, не соблюдая установленных приличий, остался там до полуночи.

Дочь богатого углеродовца Оливия Лэнгдон действительно была далека от той жизни, которая протекала за стенами элмайрского дворца Лэнгдонов. Элмайра, по ее убеждению, — лучшее, что создала цивилизация. Религия, заботливый бог элмайрской церкви, размеренное веселье вечеринок у приятельниц, чистые улицы богатых кварталов, белизна одежды, безупречная корректность манер — без этого жить невозможно. То, что существовало вне этого мира, не имело права на внимание мисс Лэнгдон.

Твэн понял, что Оливия не заметит его до тех пор, пока он не станет приемлемым для Элмайры. Оливии все досталось готовым, законченным и не вызывало сомнений. Разве можно ставить вопрос о существовании бога, если все хорошие люди верят в него, если доктор Ньютон простой молитвой поднял Оливию с постели после тяжелой болезни. Разве можно ставить вопрос, иметь или не иметь богатство, если среди знакомых Оливии никогда не было неимущих людей. Не обязательно иметь столько денег, сколько у ее отца, но особняк, минимальное количество слуг, экипаж — это, конечно, было у всех ее друзей.

Твэн удивил Оливию своей необычностью. Для нее, как и для Чарли, он был, возможно, и приятный, но безнадежно чужой человек.

Из всей семьи только богатому торговцу углем приходилось в какой-то мере сталкиваться с той стороной жизни, которая так хорошо знакома была Клеменсу, — с бедностью, тяжелым трудом, неудачами. И Джервису

Лэнгдону понравился журналист Твэн — он знал невзгоды, но он делает карьеру, он ловок, умеет привлекать симпатии людей, он способный человек и может далеко пойти.

Прошло почти три четверти года с тех пор, как Твэн видел Оливию. Чарли повторил приглашение приехать в Элмайру.

Только сдав книгу в печать, Твэн нашел время поехать к Лэнгдонам. Конечно, в доме Лэнгдонов нужно соблюдать соответствующие приличия. Чарли почти в два раза моложе Сэма, но при первой же встрече он тщательно проверил туалет своего приятеля.

Твэн провел у Лэнгдонов неделю. В день отъезда он признался юному Лэнгдону, что влюблен в Оливию, Ливи. Чарли был потрясен. До сих пор ему и в голову не приходило, что Клеменс может иметь какие-нибудь виды на его сестру.

— Слушайте, Клеменс, — заявил Чарли без всяких церемоний, — поезд уходит через полчаса. Вы еще можете поспеть на него. Зачем ждать до вечера? Уезжайте сейчас же.

Клеменс воспользовался своим правом эксцентрика и не оскорбился. Конечно, ему здесь делать нечего. Единственный человек, который давал ему право находиться в этом доме, Чарли, теперь предлагал ему удалиться. Клеменс решил все же остаться до вечера. А вечером, по дороге на станцию, он и Чарли, по счастливой для Клеменса случайности, выпали из коляски. Клеменс притворился сильно пострадавшим. Его внесли в дом, и он провел у Лэнгдонов еще две недели.

Сэмюэль Клеменс полюбил Оливию Лэнгдон. Полюбил искренно — он вообще был искренним человеком. Оливия для него — высшее, недосягаемое существо. Стать редактором и совладельцем приносящей хороший доход газеты, поселиться в комфортабельном доме, помочь

матери, устроить, наконец, Ориона — это почтенный идеал. А если рядом с тобой жена, Ливи, с ее тонким, прелестным лицом, — это счастье.

Но все это были такие же пустые мечтания, как надежды найти серебряную жилу в Неваде. Чарли стал откровенно враждебен к Твэну — этот человек протягивал лапы к его сестре. Оливия оставалась попрежнему ровной, корректной. Неизвестно было, о чем она думает. Впрочем, во время болезни Сэма она была к нему очень внимательна. Решить вопрос о женитьбе мог, конечно, только отец.

Никакого плана действий у Твэна не было. Но само собой выходило, что растущая известность, повышающиеся доходы удачливого юмориста усиливали уважение Джервиса Лэнгдона к Сэмюэлю Клеменсу.

Крупнейшее лекционное агентство предложило Твэну турне. Оплата — сто и больше долларов за каждую лекцию. Он может выступать хоть каждый вечер, но лекции должны быть посмешнее. Твэн чувствовал себя на эстраде не очень хорошо — приходилось кривляться перед публикой за деньги, точно шуту. Но предложение он принял.

Началось грандиозное турне. Твэн зарабатывал теперь очень много денег. Книгу его набирали. Однажды, будучи неподалеку от Элмайры, Твэн заехал к Лэнгдонам и попросил руки Оливии. Джервис Лэнгдон был удивлен. Нет, Клеменс не годится в зятья. Спросили мисс Оливию Лэнгдон. Она подтвердила, что вовсе не собирается замуж за мистера Клеменса.

Успех лекций рос. Газеты без конца писали о Твэне, цитировали его остроты. Через некоторое время Клеменс снова появился в доме Лэнгдонов. Теперь лекции приносили ему в день почти столько же, сколько зарабатывал Лэнгдон, а карьера Твэна только начиналась.

Джервис Лэнгдон расспросил Сэмюэля Клеменса о его

прошлом, о родне. У кого можно справиться об иска-
теле руки его дочери? Сэм сослался на знакомых священ-
ников в Сан-Франциско. Лэнгдон написал всем им
письма.

Снова лекции. Получена была корректура книги. Аген-
ты Блиса во всех концах страны готовились к приему
подписки; цена книги три с половиной доллара и выше:
это не какой-нибудь роман, а книга о путешествии.

В начале 1869 года Лэнгдон получил ответы из Сан-
Франциско. Конечно, эти священники знают веселого,
способного парня Клеменса. Он много обещает, но в нем
нет никакой респектабельности. Нет, это не муж для до-
чери мистера Лэнгдона из Элмайры.

Джервис Лэнгдон не согласился с мнением священни-
ков и Чарли. Лэнгдон дальновиднее их. Клеменс только
у начала пути, и с каждым днем его звезда поднимается
все выше. Надо лишь немного помочь ему, направить по
верной дороге. Этот человек еще «сделает» себя. Джер-
вис Лэнгдон согласен отдать свою дочь, выросшую в
одном из богатейших домов Элмайры, журналисту, пи-
шущему под псевдонимом Марк Твэн.

Клеменс попал в надежные руки. Элмайра не собира-
лась принять в свою среду таким, как он есть, этого че-
ловека, прожившего всю жизнь с фермерами, неграми,
наборщиками, горняками. Его следовало освоить, обло-
мать, выутюжить.

Деликатная, хрупкая Ливи это поняла. Получены были
гранки книги, и жених с невестой совместно принялись
за чтение корректуры. Рядом с невестой Сэм чувствовал
себя неловким, неуклюжим, простонародным. И замечা-
ния двадцатиреухлетней Ливи принимались с готовно-
стью. Места, которые могли бы не понравиться строго
религиозному высшему свету Элмайры, подвергались исп-
равлениям. Название книги, ранее звучавшее как паро-
дия на известное религиозное произведение Беньяна.

было изменено. Основным заголовком стало «Простаки за границей».

В ожидании свадьбы прошло около года. Нужно было дать Сэмю возможность подготовить все необходимое для совместной жизни с Ливи, приобрести навыки и манеры, приемлемые для общества.

В западной части штата Нью-Йорка, в городке Буффало, продавался за двадцать пять тысяч долларов один из трех паев газеты «Экспресс». Владелец пая должен был также редактировать некоторые разделы газеты. Предприятие как будто обещало постоянный приличный доход.

Мирный гражданин города Буффало, провинциальный литератор, добрый семьянин — разве не к этому стремился Клеменс в своих скитаниях по Америке? Твэн ухватился за представившуюся возможность приобрести пай. Средства для этого были ассигнованы Лэнгдоном.

В августе 1869 года Твэн уже принялся за работу в Буффало. Он написал шутливое обращение к читателям, в котором обещал не вводить каких-либо реформ, новшеств и вообще не причинять беспокойства. Он будет вести себя мирно, будет избегать бранных слов, за исключением разве тех случаев, когда приходится поневоле выходить из себя. Он не может не браниться, говоря, например, о квартирной плате и налогах.

В августе же вышла, наконец, в свет книга «Простаки за границей». Первый тираж составлял двадцать тысяч, но уже к концу года было продано свыше тридцати тысяч экземпляров.

Популярность книги росла. Газеты поместили ряд хвалебных отзывов. Даже серьезные журналы со вниманием отнеслись к «Простакам». Писатель Хоуэллс, редактор «Атлантика», крупнейшего литературного журнала консервативной Новой Англии, в своей рецензии отметил, что автор книги принадлежит к лучшим юмористам

Дальнего запада. Другие солидные рецензенты, признавая, что в книге есть смешные места, особого значения «Простакам» не придали.

Но круг читателей «Простаков за границей» изо дня в день увеличивался. Книгу читали с восторгом. Рассказывали, что даже президент увлекся ею. Казалось, что Соединенные штаты Америки только и ждали такой книги к приближавшемуся столетию своего существования.

За несколько дней до свадьбы Твэн написал старым друзьям, — он не мог не поделиться с ними своей радостью. По представлению элмайровцев, свадьба была скромная — не больше ста гостей. Непримиримо враждебный Чарли отправился в кругосветное путешествие, дабы не присутствовать при этом «позоре». Зато из Гартфорда приехал новый друг Твэна, священник Твичель, с которым он познакомился у Блиса. Твичель — настоятель фешенебельной церкви, но он молод, он атлет, у него есть чувство юмора, он знает толк в соленом анекдоте, согласен даже порою подшутить над своей профессией.

Во время лекционного турне, задолго до свадьбы, Твэн попросил одного знакомого в Буффало подыскать для него и жены приличное жилище. Когда молодые с родственниками прибыли в Буффало, их ожидал большой, удобный дом с роскошно меблированными комнатами. Каковы были удивление и восторг Сэмюэля Клеменса и непосвященных родных, когда Джервис Лэнгдон вынул из шкатулки купчую и вручил ее Сэму! Оказалось, что этот дом, мебель, посуда, ковры, канделябры, экипаж — свадебный подарок Лэнгдона зятю. Даже слуги были им подысканы заблаговременно.

Итак, Сэмюэль Клеменс должен теперь зарабатывать столько, чтобы иметь возможность содержать и дом, и слуг, и экипаж; чтобы Оливия могла продолжать жить, точно в родной Элмайре.

ТВЭН В НОВОЙ АНГЛИИ

Наконец-то, казалось, началась настоящая жизнь. Еще совсем недавно Твэн не чувствовал под ногами твердой почвы. В любую минуту судьба могла уничтожить его — мелкого провинциального журналиста, неудачливого охотника за миллионами. Он испытывал стыд перед родными, перед их знакомыми: в тридцать с лишним лет человек не имеет настоящей работы, приличного дохода, своего угла.

«Граница» уже передвинулась далеко на запад. Война позади. Твэна окружали люди, мечтавшие только о деньгах, о таких деньгах, которые откроют путь к хорошим вещам, к уюту, довольству, о деньгах, которые позволяют и похвастать перед соседями. Теперь и Твэн добился как будто всего. У него солидное положение в газетном мире — он не наемный журналист, которого завтра могут прогнать, а совладелец газеты; он приобрел известность, с ним считаются, его акции, так сказать, идут на повышение; у него приличный доход — от книги и от газеты, ему принадлежит великолепный дом. Наконец, у него замечательная жена.

Твэн энергично принялся за работу. Лучше всего ему удавались фельетоны, например, на тему об отвратительном состоянии кладбища в городе Буффало. Но Твэн решил также использовать свою известность автора книги о путешествии. Правда, ехать Твэн никуда не собирался, но договорился с одним путешественником, что тот будет присыпать свои путевые записки, а Твэн обработает их литературно и опубликует от своего имени. Так были созданы очерки о Японии, Гаити и других экзотических странах.

Все это нужно было для успеха газеты «Экспресс». Обещание не тревожить читателя в основном выполнялось. Но Твэн — справедливый человек, он много видел,

много пережил, он знает, что действительность не такова, какой она зачастую представляется самодовольным мещанам, обывателям каких-нибудь маленьких поселений. Твэн ненавидит лицемерие, лживые претензии, которых так много в Европе, но которые — Твэн готов был это признать — порой встречаются и в Америке. В одном городке жители подвергли жестокому преследованию парочку, которая, по их мнению, вела себя непристойно. Твэн — горячий спорщик, изобретательный мастер эпитета — не пожалел слов для этих «трусливых злодеев», «ублюдков дьявола». Он опубликовал в газете фамилии всех организаторов травли.

Твэну приходилось писать и передовые — о человеческих отношениях, о человеческой несправедливости. Только политики он избегал. «Я ничего не понимаю в политике и не собираюсь сидеть ночи напролет, чтоб овладеть ею».

Работа поглощала почти все время, но Твэн, к своему удивлению, не чувствовал удовлетворения. Ежедневные газетные статьи не давали радости. Семейная жизнь тоже пока складывалась нелегко. Ливи болела, порою приходилось целые ночи проводить у ее постели.

Оливия принесла с собой вполне определенные требования. Муж должен отбросить привычки, приобретенные в его туманном, страшном прошлом, обязан приобрести манеры джентльмена, одеваться, как джентльмен, поджентльменски обращаться с религией, даже книги читать такие, чтоб достоинство джентльмена не пострадало.

Твэн не стал спорить с женой. Он согласен поступать так, как ей кажется нужным. Она воспитана лучше него. За обеденным столом Твэн произносил молитвы, по вечерам слушал чтение Библии.

Все же накопленный житейский опыт, душевная прямота, наконец, здравый смысл мешали полностью подчиняться требованиям жены. Библия... но ведь Библия просто

глупа. Он — американец XIX века и знает, как велико расстояние между звездами. Это слишком большой мир для библейского бога. Библейский бог — это бог кучки кочевников, мстительный, изменчивый, даже легкомысленный.

Твэн не хотел пугать Ливи такими богохульными мыслями. Кроме того, задевать религию было опасно. Все уважаемые люди верили в бога — или делали вид, что верят, — и ходили в церковь. «Капитаны индустрии», эти Куки, Рокфеллеры, Морганы, Арморы, Хиллы, хорошо понимали роль религии. Недаром протестант Хилл поддерживал католические семинарии. Задача церкви — контролировать «общественные взгляды, политические действия, моральное состояние рабочих», откровенно признавал Хилл.

Но Твэн не мог переделать себя. Его Америка — страна сильных, себялюбивых, жадных, но живущих велениями разума людей, в противовес запутавшейся в сетях старых верований и традиций Европе. Его Америка — страна, где перед людьми открыты все пути к будущему, где они не зависят от капризов, от прихоти какого-либо высшего существа. Твэн написал статью о несправедливом библейском боге. Оливия выразила категорический протест против ее опубликования. Твэн не стал спорить. Ну, что ж, он дал выход своим чувствам, статья написана. Теперь можно послушаться жены и запрятать рукопись куда-нибудь подальше.

Помимо работы в «Экспрессе», Твэн принял на себя редактирование отдела юмора в «Галакси». На страницах этого журнала он иногда отводил душу. В первом же номере «Галакси» Твэн напечатал статейку в защиту китайских иммигрантов на Тихоокеанском побережье — с ними в Сан-Франциско обращаются хуже, чем с собаками. Он поместил также полную негодования статью по поводу требования фешенебельного проповедника Талмаджа запретить «дурно пахнущим» рабочим

Издевательства над китайцами в Сан-Франциско. *Современный рисунок.*

посещать церкви для богатых. Твэн настаивал на справедливости. В других номерах этого же журнала появились сатирические письма «китайского иммигранта», бичующие ненавистные нравы проклятого города Сан-Франциско, в котором усталые путники из Старого света на-

ходили далеко не тихую гавань. Твэн опубликовал также памфлет на священника, отказавшегося отпевать старого актера. Поповское чванство выводило его из себя.

Но основным оставались работа в газете, семья. «Простаки» попрежнему пользовались большим успехом. Книгу читали за границей, даже в Китае. Она как бы говорила всему миру, что грубый американский Дальнего запада перестал стыдиться себя, становится воинствующим.

Издатель Блис был доволен результатами сделки с Твэном — почему бы Твэну не написать еще одну книгу, также рассчитанную на тираж во много десятков тысяч. Нужно выбрать такую тему, которая не обманула бы ожиданий читателя, видевшего в Твэне рассказчика любопытных и забавных происшествий. Твэн обещал подумать. Почему бы ему не написать пародию на путешествие Ноя в ковчеге? Он пишет жизнь Ноя и его домочадцев совсем на современный лад. В Америке бастуют рабочие. Почему бы строителям ковчега не забастовать в связи с неудовлетворительной заработной платой? Если это не годится, то у Твэна есть еще одно предложение. Публике понравилась его книга о путешествии в Европу; что, если описать путешествие в Южную Африку и приключения на алмазных россыпях? Конечно, Твэн не имеет теперь возможности поехать в Африку. Но поедет его знакомый — способный журналист, а Твэн оформит книгу на основе записок этого журналиста. Тема казалась замечательной, сенсационной.

Блис согласился, и Твэн написал ему: «Я протянул свои жадные руки к самому подходящему для моих целей человеку в Америке. Через две недели отправлю его за свой счет в алмазные районы Южной Африки. Книга будет иметь просто превосходный сбыт».

Но эти планы не осуществились. На обратном пути из Африки нанятый Твэном журналист случайно ранил себя вилкой и умер от заражения крови. Его записки остались

МАРК ТВЭН в 1865 г.

ОЛИВИЯ КЛЕМЕНС. (1878 г.)

ненеиспользованными. Из рассказов про Ноя никак не набиралась целая книга.

Между тем работа в газете начала тяготить. Откладываться изо дня в день на мелкие местные темы было тягостно, и участие Твэна в газете не принесло ожидаемых результатов. Тираж ее не рос. Пожалуй, Твэна обманули, продав ему пай в газете за двадцать пять тысяч долларов.

В середине 1870 года умер Джервис Лэнгдон. Для больной и мрачной Ливи это был сильнейший удар. Вскоре после этого приятельница Оливии, которую Клеменсы пригласили к себе, заболела тифом и умерла у них в доме. В ноябре Оливия родила хилого, недоношенного ребенка. Жизнь матери и сына была в опасности. Твэн выбивался из сил, ухаживая за больными. Ребенок прожил недолго.

С журналом «Галакси» пришлось расстаться — на душе было слишком скверно, чтобы писать о веселом.

Издавать пока было нечего. В конце концов, Твэн выпустил маленькую и заведомо слабую книжку, состоявшую из двух пародий. Книгу решили оживить включением целой серии карикатур на вожаков грабительской банды, обиравшей железную дорогу Ири, — Джая Гуда, Джеймса Фиска и других известных всей стране «героев» послевоенного ажиотажа.

После окончания гражданской войны буржуазия Севера вступила на путь небывалого расцвета. Никогда до того так быстро не росла промышленность, никогда и нигде не создавались в короткий срок такие огромные материальные ценности.

В течение шестидесятых годов стоимость продукции обрабатывающей промышленности в США возросла вдвое, число занятых рабочих — более чем в полтора

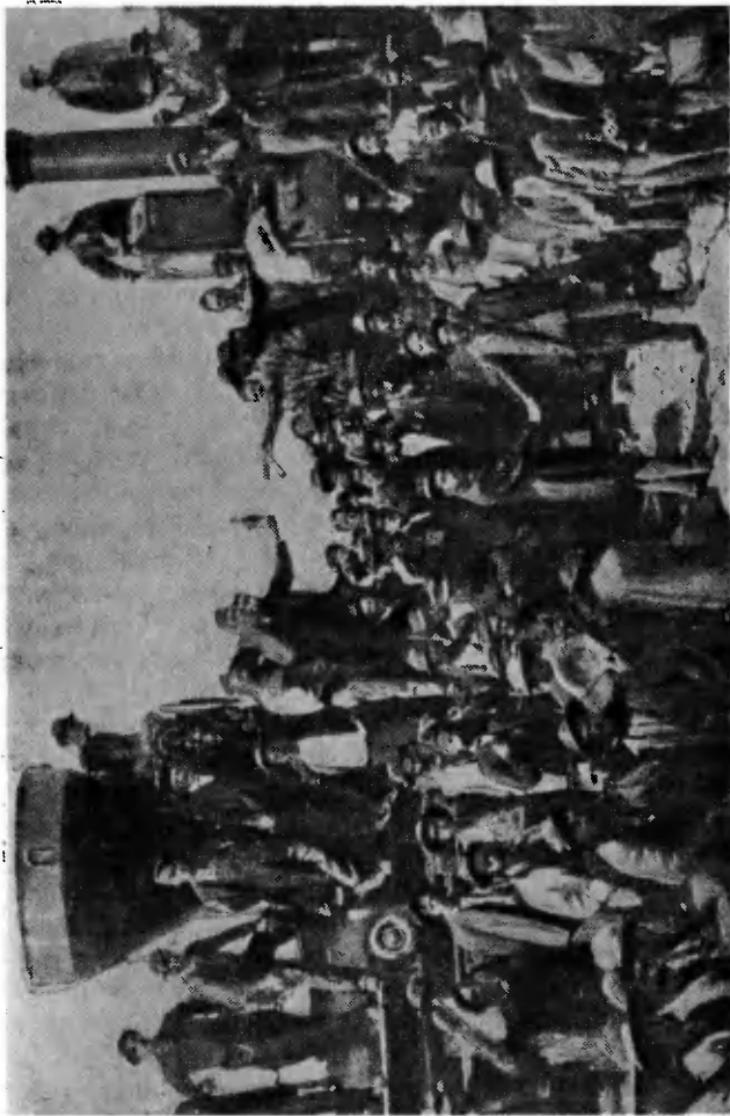
раза. Первая железнная дорога от Атлантического до Тихого океана была закончена в 1869 году, а за пять лет — с 1868 по 1873 год — железнодорожное строительство поглотило более миллиарда долларов. Десятки миллионов акров земли переходили в руки частных людей, страна богатела, работы было вдоволь. Победа буржуазного уклада, его торжество демонстрировалось повсюду.

Именно в эти годы невиданная волна мошенничества, продажности залила всю страну. Еще во время гражданской войны «ловкие люди» продавали своему же правительству забракованное военное снаряжение (в деле продажи государству карабинов, купленных у него же в пять раз дешевле, отличился Джон Пирпонт Морган), поставляли испорченные продукты, гнилую обувь, негодные суда, за взятки освобождались от уплаты пошлин. Теперь, когда призывы к патриотизму отошли в область прошлого, стесняться уж и подавно не приходилось. Миллионные правительственные ассигнования при помощи подкупа государственных чиновников перекочевывали в карманы дельцов. Крупные капиталисты грабили тех, кто послабей, и бешено конкурировали между собой.

История железной дороги Ири, построенной при помощи государственных субсидий, но превратившейся в источник колоссальных доходов для группы обнаглевших мародеров-капиталистов, является одной из наиболее ярких иллюстраций послевоенных нравов. В связи с этой железной дорогой разыгрался следующий эпизод. Чтобы захватить Ири, Джеймс Фиск нанял шайку бандитов, посадил их в поезд и направил на спорную территорию. Его противники сделали то же самое. Поезда столкнулись. Оставшиеся невредимыми после крушения наемники еще долго продолжали сражаться. Тот же Джеймс Фиск после банкротства дороги сказал крылатую фразу: «Ничего не потеряно, кроме чести».

Наряду с именами Гуда и Фиска уже приобрели изве-

Окончание строительства в США первой трансконтинентальной железной дороги.

стность миллионеры Вандербильт, Дрю и другие, тоже нажившиеся на темных махинациях. А на горизонте поднималось имя Моргана, «объединителя» железных дорог и промышленных предприятий. Рокфеллер прибирал к рукам нефтяную промышленность. Игра начинала приобретать все более крупный характер.

Новые миллионеры швыряли деньгами, поражали роскошью своих особняков и карет. Они учились умению жить, умению требовать самого лучшего хрустяля, самых красивых ковров, привозных вин, шикарных женщин.

Обитатели рабочих кварталов стремительно растущих и богатеющих городов Америки знали жизнь грязную, безрадостную, нездоровую, жизнь без позолоты. Мужчины, женщины и дети работали по одиннадцать, двенадцать и даже по четырнадцать часов в сутки.

В эти дни американский поэт Уолт Уитмэн, певец подлинной демократии, с тоской глядел вокруг себя. Он видел повсюду лицемерие, продажность, низость так называемых деловых людей. Как будто нас одарили огромным и хорошо устроенным телом, но затем оставили без души, — говорил Уитмэн.

Он признавал и приветствовал материальные успехи Америки с ее огромными фабриками и бесчисленными фермами, железными дорогами, потоками добываемых из недр земли угля, нефти, руды, серебра. Но общество в Америке «грубое, полное предрассудков, гнилое», и «никогда, пожалуй, не было такой душевной пустоты, как теперь, здесь в Соединенных Штатах. Подлинная вера как будто оставила нас... Мы живем в атмосфере лицемерия». В моральном и художественном отношении Америка не создала ничего, — приходил к горькому выводу Уитмэн.

Но, несмотря на такую суровую оценку действительности, даже Уитмэн разделял иллюзии тех, кто не поте-

рял еще веры в демократию, «требующую мужчин и женщин, имеющих работу, материально обеспеченных, владельцев домов и земли и с наличными в банке — и с тягой к литературе тоже...» Демократия «торопится создать» таких людей, говорил Уитмэн, и он призывал наполнить богатую материальную оболочку своей страны значительным духовным содержанием, создать подлинную американскую литературу.

Клеменсы решили уехать из Буффало: работа в газете не оправдала ожиданий, с этим городом были связаны тяжелые воспоминания, в конце концов, Буффало — только провинция. Издатель Блис уговаривал Твэна переехать в Гартфорд, один из культурных центров Восточных штатов.

Двигаясь от Тихоокеанского побережья на восток, через Миссури и Буффало, Твэн все ближе сталкивался с действительностью послевоенной Америки. Еще в столице — Вашингтоне — он глотнул отравленного воздуха коррупции; честным там считался тот, кто продался однажды и верен своему хозяину. На востоке Америки было больше грязных, черных фабрик, окруженных убогими жилищами рабочих, там отсутствовали бескрайние просторы, свободная земля.

Твэн принял предложение Блиса написать книгу в шестьсот страниц — стандарт для подписного издания — на тему об искателях серебра и золота на вольном Дальнем западе. Твэну было что рассказать из своего прошлого жителям Атлантического побережья.

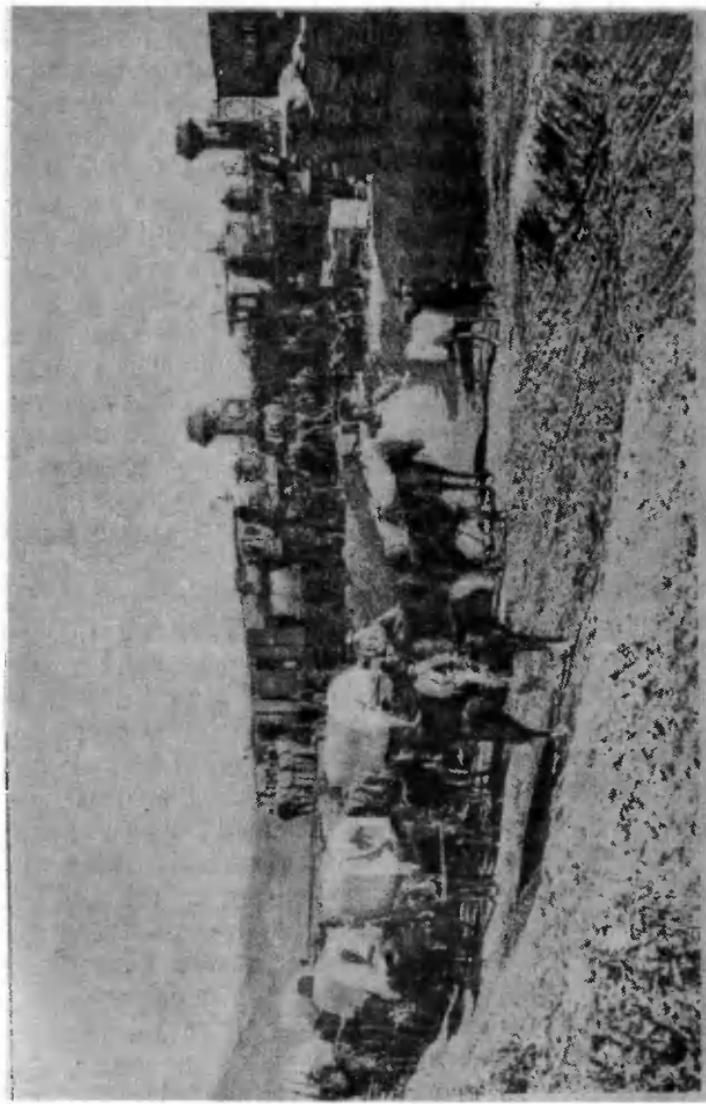
На лето семья переехала на ферму к сестре Оливии, и Твэн принялся за книгу — теперь это стало его основным занятием. Он хотел рассказать правду о своей жизни на Дальнем западе. Конечно, чтобы сделать книгу интересной, нужно пронизать материал юмором. ♦

многих забавных эпизодах изnevадского прошлого напомнил приехавший в гости Джо Гудман. Прислал свои воспоминания и Орион. Твэн прославил автобиографические страницы рассказами о любопытных случаях, забавными эпизодами.

Свою новую книгу «Закаленные»¹ Твэн начал с повествования о путешествии в Неваду вместе с братом — о дилижансах, о пустыне, о быте мормонов, которых Твэн посетил по пути. Братья прибывают в Карсон-Сити — город жадных, предприимчивых охотников за драгоценными металлами. Далее следует рассказ о счастливой жизни у озера, окруженного девственными лесами, о «серебряной лихорадке», охватившей Твэна. Поездка с Тиллу, переименованным в Баллу, печальное возвращение без всяких результатов. Твэн смеется над своими неудачами в погоне за серебром и золотом. Попутно он повествует о том, как путешественники заблудились и заночевали в пургу в поле, у самой гостиницы, как за ними гнались волки, передает легенду о кладе, который привлекает к себе золотоискателей. Наконец, Твэн — сотрудник «Энтерпрайз», Сан-Франциско, живописные Сандвичевы острова. Первая лекция. Комическое описание «ограбления» Твэна после лекции в Вирджиния-Сити завершает книгу.

В «Закаленных» Твэн рассказал о многих занимательных приключениях, случившихся с ним в течение нескольких лет, проведенных на Дальнем западе. Но Твэн говорит не только о себе. «Закаленные» — это повесть о героике колонизационного периода, о жизни грубой и мужественной, о «двухстах тысячах молодых людей», мускулистых, бесстрашных, полных энергии, которые вместе с Твэном бросились на Дальний запад, чтобы вскрыть его богатства, освоить огромную территорию. Это «проста-

¹ «Roughing It».

Встреча поезда и фургонов с переселенцами на Западе в семидесятых годах.

ки», но на этот раз у себя дома, в Америке, в такой части страны, где «американское», как его понимал Твэн, проявляется ярче всего. Твэн не издевается над жизнью «простаков», как он издевался над европейской жизнью. Он гордится своими выносливыми, закаленными товарищами по «границе», даже идеализирует их. Юмор его — веселый, глубоко оптимистичный. Безусловно, действительность была грубее и страшнее, жизнь требовательней, а отчаяние сильней, чем это описано у Твэна. Далеко не все, конечно, Твэн рассказал и о своих переживаниях. Но все же он создал живую картину таких сторон американской жизни, которые почти не нашли отражения в литературе. Творчество Твэна подошло здесь ближе к жизненной правде, оказалось более реалистичным, нежели творчество его современников, например Брет Гарта.

Работая над книгой о Западе, Твэн впервые почувствовал себя профессиональным писателем. Он задумал еще одну книгу, написал несколько статей, начал пьесу.. Но в Америке семидесятых годов Твэн не мог жить только литературой, искусством; он дышал воздухом своей страны, жил ее жизнью. Мимоходом Твэн занялся изобретательством. Он придумал автоматическую застежку для жилетов, запатентовал альбом для наклейки вырезок. Заниматься только литературой невозможно было и из материальных соображений. Чтобы покрыть долги и жить «богатым домом», доходов от книг нехватало. Твэн думал было, что покончил с чтением ненастных лекций, но пришлось заключить новый договор с лекционным бюро: лекции давали самый верный заработок. Планы устройства жизни после женитьбы, о которых Твэн когда-то писал Ориону (вот он обеспечит себя материально, перестанет писать из-за денег, будет работать над тем, что его действительно больше всего привлекает), пока оказались несостоятельными, Твэн убе-

дился, что он все еще зависел от издателей, от литературных коммерсантов.

Снова начались поездки из города в город. Обычного типа юмористические лекции — об Артемусе Уорде, скончавшемся два года назад, о людях, «которых приходилось встречать», — оказались неудачными. Твэн перешел к чтению отрывков из своей готовящейся книги о Дальнем западе. Это понравилось. Залы были переполнены. Порою Твэну приходилось встречаться с собратьями по ремеслу, лекторами-юмористами. Тут были и Нэсби и Джаш Биллингс, который играл малограмотного фермера-философа. Твэн тоже не отказывался от игры. Иногда до читки он выступал в роли председателя комитета, представлявшего публике известного юмориста Твэна. Публика разражалась смехом, когда оказывалось, что он-то и есть Твэн.

Во время лекционных поездок в Бостон Твэн познакомился с местными литературными знаменитостями — Хоуэллом, Олдричем и другими. Здесь теперь находился и Брет Гарт.

Бостон считался культурным центром страны. Старейший Гарвардский университет хранил возвышенные, но оторванные от жизни традиции. Около Бостона жили писатели Лонгфелло, Эмерсон, Лоуэлл и другие. Тут все было рафинировано, подчинено европейским влияниям. В литературном отношении Бостон был ближе к викторианской Англии, нежели к Дальнему западу Америки. Жизнь обитателей университетского городка была по существу глубоко провинциальной. Грубая действительность колонизируемых окраин и индустриальной Америки проходила стороной от литературного Бостона. По выражению одного современного американского исследователя, в Бостоне мысль была «худосочна и абстрактна». Одаренный Хоуэлл, выходец из Среднего запада, приобрел уважение бостонцев, только восприняв

от них традиции благовоспитанности, мещанского реализма «сквозь розовые очки», традиции отбора для искусства такого материала, который не оскорбит чувств почтенных дам и их пайнек-детей. Брет Гарт был признан «литературным львом», когда он, точно добычу, положил к ногам Бостона укroщенный Дальний запад. Заслуга Гарта заключалась в том, что он одним из первых ввел в литературу образы людей Запада, показал жизнь колонизируемой страны. Однако в рассказах Гарта бандиты, проститутки и грубые старые шахтеры с «золотыми сердцами» ведут себя трогательно и сентиментально. Психология их была хорошо понятна бостонцам, а обстановка Дальнего запада казалась похожей на очередную декорацию в театре. В Бостоне знали, что Гарт происходил из учительской семьи, сам был учителем и обладал неплохими манерами.

По сравнению с Гартом и Хоуэллом Твэн был подлинным человеком Запада. Это сказывалось в нем, несмотря на влияние жены, несмотря на известность, на общение с культурными людьми. Твэн даже одет был необычно. Его брюки, пиджак и галстук были разных цветов. Впервые увидев Твэна, жены местных литературных знаменитостей решили, что он, вероятно, всегда пьян. За обедом у Олдрича, консервативного, респектабельного поэта, Твэн слишком много жестикулировал. Госпожа Олдрич потом рассказывала, что с трудом заставила себя сидеть за одним столом с этим невоспитанным человеком. Шутки Твэна казались грубыми.

В Бостоне решили, что юмор Твэна, представителя западной демократии, — лишь более рафинированная форма дешевых анекдотов, распространяемых в десятицентовых книжках для полуграмотных читателей. В лучшем случае, Твэн — талантливый клоун.

Лишь немногие из бостонцев, еще не совсем застывшие в сознании собственного достоинства, осмелились

Встреча ХОУЭЛСА и УОЛТА УИТМЭНА. Рисунок 1894 г.

сблизиться с новым писателем. Первым был Хоуэлс — он по собственному опыту знал, что испытывал Твэн. Хоуэлс решил помочь этому несомненно способному человеку. Твэн оказался далеко не самоуверенным. Он сам попросил Хоуэлса — робко, почти со страхом, — чтобы тот просмотрел его книги, выбросил из них ненужное.

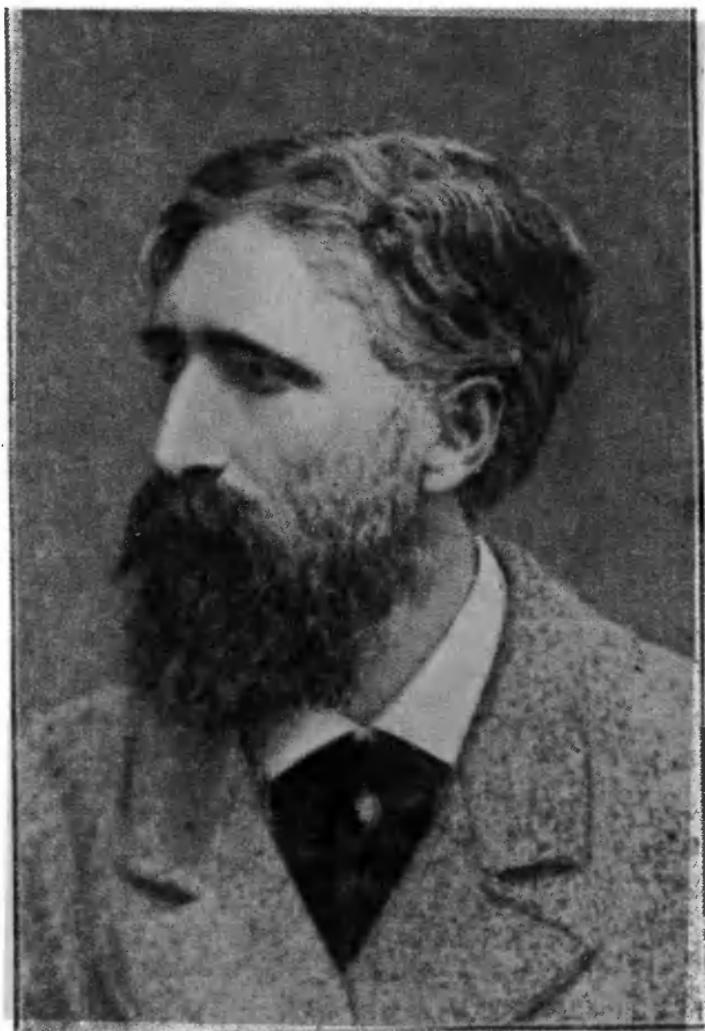
Новая книга не имела такого успеха, как «Простаки»; нужно было, не откладывая, браться за следующую. Получалось так, что специальность Твэна — описание путешествий. Он уже писал о Сандвичевых островах, он автор «Простаков» и очерков о Японии и других странах. Книга о Дальнем западе — тоже в значительной степени рассказ о путешествии. Твэн задумал совершить путешествие в Англию и написать об этом книгу.

В Англии Твэна встретили с распростертыми объятиями, как и Артемуса Уорда несколько лет тому назад. Мэры, судьи, богачи, завсегдатаи аристократических клубов и званых обедов охотно смеялись над остротами Твэна. Они не обижались, когда Твэн заявлял, что носит дешевый зонтик вместо шелкового, так как такой зонтик англичанин не украдет. Они на перебой приглашали его к себе.

Твэн получал много предложений читать лекции, но лекционное ярмо опротивело. «Когда я снова соглашусь орать меньше, чем за пятьсот долларов, я наверно буду здорово голоден, и я не намерен больше орать ни за какие деньги», ответил Твэн одному лекционному агентству.

Твэн вернулся в Америку. Книгу об Англии писать не хотелось. Может быть, потому, что трудно было писать смешное об Англии клубов и великосветских дворцов, где его встречали так приветливо.

Литературные дела Твэна не двигались с места. Но

ЧАРЛЬЗ УОРНЕР.

однажды, когда в гостях у Твэна находился сосед-литератор Уорнер, зашел разговор о том, какие романы наводняют американский книжный рынок в последнее время. Твэн и Уорнер заявили, что без труда напишут роман лучше тех, которыми зачитываются американцы. Твэн никогда не писал романов, один он не взялся бы за такое дело, но Чарли Уорнер был опытным литератором.

Марк Твэн с радостью принялся за работу. Снова его потянуло к прошлому. Он начал с того, что описал жизнь своих родителей в далеком, глухом Тенесси. Получено приглашение переехать в Миссури. У отцу-ему присвоена фамилия Хокинса — купчая на много тысяч акров земли. Семья пускается в путь. Переселенцы у Миссисипи. Далее следует описание взрыва на пароходе. Все это хорошо знакомо Твэну, даже гибель парохода — страница из истории семьи Клеменсов. Но Твэн пишет увлекательный роман, и вот вместо подлинной трагедии, смерти Генри, он рассказывает о том, как погибают родители маленькой девочки и как этот ребенок попадает к Хокинсам. Переселенцы удочеряют девочку, ей дают имя Лора. Маленькую школьницу, которой в Ганнибале оказывал предпочтение шалун Сэм, тоже звали Лорой Хокинс.

Лоре, конечно, предстоит необычайная судьба героинь захватывающих романов. Ее обманывает любимый ею человек, и она, скромная провинциальная девочка, превращается в демоническую женщину...

В первых главах, написанных Твэном, дана картина жизни в маленьких городках Юго-запада во время гражданской войны. Основная тема книги — мечты людей послевоенной Америки о богатстве. Уорнер подхватил эту тему и перенес место действия в Вашингтон.

Твэну и Уорнеру была хорошо знакома бесчестность, продажность жизни в столице Соединенных Штатов. Лишь

У здания Конгресса в Вашингтоне. Рисунок худ. Уокера.

недавно в газётах писали о скандале, вызванном разоблачением деятельности сенатора Помрой из Канзаса, скупавшего голоса своих соседей по Конгрессу для осуществления предпринимательских махинаций. В Конгрессе США, говорил Твэн, «самые маленькие умы, самые эгоистичные души и самые трусливые сердца, какие только бог производил на свет». Твэн и Уорнер решили вскрыть темные стороны жизни в столице, их книга приняла сознательно разоблачительный характер.

Но лихорадочное стремление к богатству, богатству во что бы то ни стало, было не только в Вашингтоне. Заветной мечтой людей все в большей степени делались деньги. Самый воздух как будто пахнул деньгами. Один из представителей старого рода Адамсов, среди которых были политические деятели, литераторы, видные юристы, с тоской отмечал, что теперь основным жизненным поприщем способных молодых людей из хорошей семьи стала предпринимательская деятельность, коммерция. Никогда такие толпы не сновали по сверкающим позолотой коридорам вashingtonских гостиниц, никогда не было стольких соблазнов, как в этот «позолоченный век».

Новые миллионеры не прятали своих богатств от взоров бедняков. Они строили дворцы, поражавшие вульгарной роскошью. В газетах появлялись сообщения об обедах, на которых гостям предлагали закуривать папиросы от стодолларовых бумажек, об обедах верхом (лошадей поили шампанским и скармливали им цветы), обедах, где за столом рядом с гостями сидели обезьяны, а из огромных пирогов появлялись голые хористки. Новые миллионеры нанимали труппы актеров и оркестры для забавы нескольких гостей, покупали ожерелья за много сотен тысяч долларов, перевозили в Америку камни и целые комнаты из старых европейских дворцов.

Земле в Тенесси, с которой у Клеменсов было связано

столько несбыточных надежд, отведено в романе «Позолоченный век» видное место. Вокруг этой земли строится фабула. Путем различных спекуляций и подкупа дельцы пытаются получить за эту землю миллионы долларов в Конгрессе США. Затевается сложная афера. Наконец, от Конгресса поступают первые ассигнования, но их хватает только на то, чтобы оплатить «услуги» членов Конгресса, помогавших получить эти деньги.

В книге приводится подробный перечень выданных взяток. Каждому члену комитета по ассигнованиям палаты представителей уплачено по десять тысяч долларов. Членам сенатского комитета — столько же. Председателю комитета нужно, конечно, дать несколько больше. Дороже обычного обходятся также отдельные «высоко моральные законодатели». Затем следует оплата услуг тех лиц, которые агитировали среди законодателей за законопроект о покупке земли в Тенесси. Далее — дорогие обеды, подарки и взятки мелким провинциальным законодателям, «которые решительно ни за что бесплатно голосовать не будут». Потом оплата за рекламу, в том числе за статью, написанную для религиозной газеты правительственным чиновником, стоящим по своему служебному положению «на высоте Гималаев», затем «пожертвования» в пользу церкви и т. д. и т. д.

Конечно, печать тоже требует своего. Недаром одному из действующих лиц в романе, пытающемуся проявить щепетильность, говорят: «Вы убедитесь, что, собираясь заниматься литературой и газетной работой, нельзя себе позволить иметь такую совесть». В Вашингтоне авторы видят подкуп, прямой и косвенный, чары прекрасных женщин, помогающих переубедить самых несговорчивых, атмосферу лжи, предательства и мошенничества.

Вот разоткровенничавшийся делец рассказывает за семейным обедом, как он поведет «строительство» железной дороги. Он приобретет землю в долг, затем выпустит об-

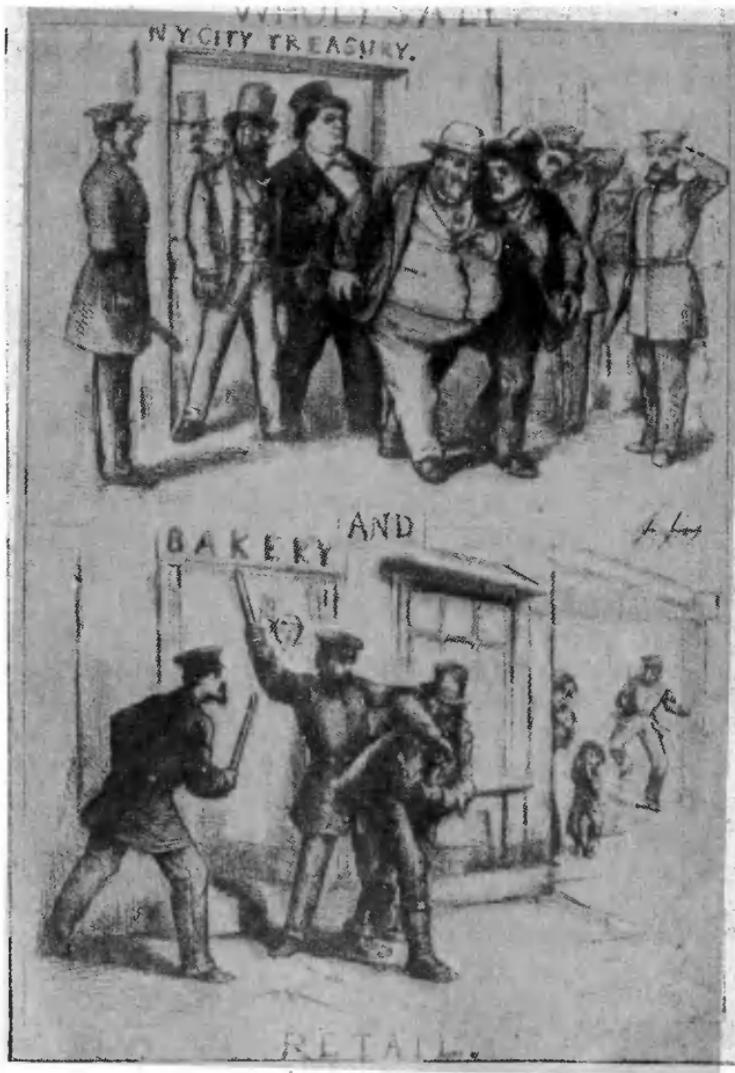
Лиггэй, распродаст их, выпустит акции, распродаст и их и, наконец, начнет продавать вемлю. Часть денег пойдет на строительство дороги, часть — в покрытие долгов, а остальное — в руки организаторов всего этого дела и тех, кто «может причинить неприятности», то-есть законодателей.

Что будет с бедными людьми, которые вложат свои скромные сбережения в это дутое, мошенническое дело? Но разве в законодательных органах мало бедняков? О них надо позаботиться прежде всего.

Книга кончается трагически — Лора убивает своего бывшего возлюбленного. Мошенническая сделка с землей не удается. Откровенно пиратские нападения капиталистов на богатства Америки, убожество «нуворишей», их жульнические махинации осуждены в романе. Под довольно прозрачными псевдонимами выведены пройдохи типа сенатора Помроя, имена которых не сходят со страниц газет. Роскошь «позолоченного века» фальшива, мишурна, призрачна.

Но в романе выведены также люди, которые наделены многими добродетелями и являются носителями положительных идей. Вот — Филипп. Он отказывается следовать примеру своего друга, занявшегося железнодорожными спекуляциями. Он упорно ищет уголь, зная, что это не несет быстрого обогащения, он терпит нужду. Его невеста, дочь богатого человека, не удовлетворяясь своим положением, изучает медицину: В конце концов к Филиппу приходит удача — залежи угля обнаружены, и жизнь этих героев складывается счастливо. Однако Филипп и его невеста нарисованы бледно, бесцветно, невыразительно.

Твэн и Уорнер, который был не только журналистом, но и активным политическим деятелем, сознательно стремились противопоставить нарисованным ими отрицательным персонажам положительных героев, представляющих

Воровство—оптовое и розничное. Карикатура худ. Нэста.

собою лучшее в Америке, ее будущее. Не видя вокруг себя прототипов необычайно добродетельных Филиппа и его невесты, Твэн и Уорнер не смогли создать жизненно-правдивых образов. Видно, что авторам и самим было скучно с их безупречными героями. Демократические мечты, вопреки желанию авторов, не нашли в «Позолоченном веке» адекватного, глубокого выражения.

Наиболее яркий образ в «Позолоченном веке» — «полковник» Селлерс — по существу играет в романе подсобную роль. Селлерс, этот никогда не унывающий фантазер-спекулянт, вечно носится с проектами наживы миллионов и всегда бедствует. Селлерс за обедом. Обед нищенский, жалкий, но гостю объясняют, что такая пища очень полезна для здоровья, что этот обед, конечно, стоит больших денег. Чтобы создать иллюзию горящего камина в нетопленной комнате, Селлерс ставит за экраном в камине зажженную свечу. Он говорит все время о новых проектах обогащения, хвастает несуществующими имениями и капиталами, лжет без конца, лжет вдохновенно, преображая действительность для своих собеседников и даже для самого себя.

Дядя Твэна, Джеймс Лэмpton, был таким же неутомимым фантазером, способным на словах выкачать миллионы из пустыни. Но прототипа «полковника» Селлерса не приходится искать только в семейном кругу Твэна. Разве «позолоченный век» мало видел людей, горевших неукротимым огнем предпринимательства? Только в жизни они обычно не были так добродушны, так бескорыстно внимательны к друзьям, как Селлерс. Твэн сумел создать положительный образ дельца, обрисовав его с мягким, теплым юмором, только придя Селлерсу несколько фантастические, сказочные черты. Когда о железнодорожных спекуляциях говорит «полковник», это звучит почти трогательно.

Твэн сам разочаровался далеко не во всех проектах

«полковника». Сатира «позолоченного века» получилась несколько сниженной, хотя в предисловии к книге авторы и говорят с едкой свифтовской иронией: «Читателю должно стать очевидно, что в этой книге изображено вымышленное государство. Главное затруднение авторов было в том, что им неоткуда было заимствовать необходимые примеры. В государстве, в котором нет спекулятивной лихорадки и воспаленной жажды быстрого обогащения, где бедняки простодушны и довольны своей долей, а богачи честны и щедры, где общество пребывает в состоянии изначальной чистоты, а политикой занимаются только способные и преданные своей стране люди, — там, конечно, не найдешь материала для предпринятого нами изображения вымышленного государства».

Твэн задумал построить в Гартфорде дом, который не уступал бы элмайровскому дворцу Лэнгдонов, — Клеменсы были богаты. Пока дом строится, решено было жить в Англии.

Определенных литературных планов у Твэна не было. Снова прекрасный прием в Англии, выступления с юмористическими речами на званых обедах. Твэн познакомился со всеми знаменитостями — с поэтом Броунингом, с Кэроллом, автором «Алисы в стране чудес», Спенсером, с виднейшими лордами и известными спиритами. Было шумно, весело. Твэн забавлял своих знакомых. Для серьезной работы не оставалось времени, не было соответствующей обстановки.

Перед отъездом из Лондона Твэн прочитал несколько лекций. Лондонцы знали, чего можно ожидать от американских юмористов. Артемус Уорд позабавил не одну тысячу лондонцев своими «лекциями». По существу это были представления комедианта, выступавшего даже с

аккомпаниатором. Лучший «номер» Уорда заключался в следующем. Он начинал рассказывать захватывающую романтическую историю, аккомпанемент становился все громче и, наконец, совершенно заглушал слова Уорда — видно было только, как шевелятся его губы. Потом музыка неожиданно обрывалась, и слышны были заключительные слова рассказчика: «...и она упала в обморок на руки Реджинальда».

Твэн выступал, правда, без аккомпанемента, но он тоже стремился придать своей «лекции» характер комического представления. Вначале Твэн выходил на сцену в роли администратора, объявлявшего, что... лектор не явился. Потом оказывалось, что лектор уже здесь...

Лекции имели настолько большой успех, что Твэн отвез семью в Америку и снова вернулся в Лондон. В течение двух месяцев он ежедневно выступал в столице. В провинцию Твэн не поехал, ибо, как он объяснил в письме своему другу Твичелю, там нельзя было «найти достаточно больших помещений».

Слава росла, книга «Позолоченный век» произвела сенсацию. Твэн с удовольствием отметил, что за месяц было продано двадцать шесть тысяч экземпляров. Таких тиражей бостонские литературные аристократы не знали.

Все шло как нельзя лучше. Теперь Твэн мог осуществить свою мечту — отказаться от прибыльных, но ненавистных лекций. Он протелеграфировал своему антре-пренеру: «Почему вы меня не поздравляете? После выступления в четверг я собираюсь навсегда расстаться с лекционной эстрадой».

Из Гартфорда Твэн писал друзьям, что он счастлив, счастье его «полное, одинаковое и бесконечное». Четыре года тому назад Твэн был ничем. С тех пор он прошел немалый путь. «Я был весьма грубым, малообещающим

объектом, когда Ливи взялась за меня... И она достигла весьма неплохих результатов».

В 1873 году в Америке начался экономический кризис.

Сотни тысяч людей голодали. В газетах сообщалось о забастовках, избиениях, расстрелях. Но подобные события вызывали еще слабый отклик в литературных кругах Новой Англии.

Этот мирок литературы, искусства и гуманитарных наук самодовольно замкнулся в пределах маленьких красивых поселений Массачусетса и Коннектикута. Вера в американскую демократию, которая несет счастье большинству людей, вера в то, что «более радостные стороны жизни и есть более американские», как говорил Хоуэлс, испытала толчки, но еще не была поколеблена.

Тем, казалось, законнее было отгородиться от постороннего мира, который как-нибудь сам разрешит свои трагические проблемы.

Твэн уже вполне обосновался в Гартфорде. У Клеменсов часто бывали приемы. Время от времени приезжали в гости даже бостонские писатели Хоуэлс и Олдрич. Для них Твэн в некоторых отношениях оставался еще чуждым и не совсем понятным, как и многое в Америке семидесятых годов. Хоуэлс и Олдрич пользовались несравненно более высокой репутацией в писательских кругах, нежели Твэн, и были не менее плодовиты, чем он, но вот разбогател гартфордский юморист гораздо быстрее Хоуэлса и Олдрича. И Твэн откровенно убеждал своих друзей, что нужно писать такие книги, распространением которых мог бы заняться делец типа Блиса. При помощи рекламы и целой армии агентов он задолго до выхода книги из печати собирает большую подписку, обеспечи-

вающую богатство вместо обычных жалких литературных гонораров.

Хоуэлс и Олдрич обсудили предложение их счастливого коллеги. Богатство — да, ради денег стоило написать специальную книгу для Блиса!

«ТОМ СОЙЕР» И «ГЕК ФИНН»

Лето 1874 года Клеменсы сдова провели на ферме сестры Оливии. Твэну построили для работы специальную, остекленную со всех сторон, беседку. Там было тихо, открывался превосходный вид на долину, и Твэн чувствовал себя хорошо вдалеке от людей. С утра, примерно до пяти часов дня, он работал в своей беседке, а вечером читал родным написанное.

Работая над очередной книгой, Твэн попутно сочинял рассказы, юмористические сценки. Такие вещи писались обычно в один присест — ведь никто не вздумает, рассказывая анекдот, отложить его продолжение на завтра. Так были созданы пародийные описания путешествий, например поездки на Ниагару, шутки с дикими преувеличениями в «западном» стиле. В рассказе «Журнализм в Тенесси» говорится о владельце и редакторе маленькой провинциальной газетки, который был занят не столько литературным трудом, сколько перестрелкой со своими оклеветанными читателями и конкурентами. Одному сотруднику отстреливают ухо, посетителя смертельно ранят. Рассказ этот — такая явная пародия, столь непринужденная выдумка, что заставляет читателя весело и заразительно смеяться. Твэн написал также много бытовых юмористических рассказов — о часах, испорченных часовщиком, о продавце громоотводов, о сборщике податей.

Большинство рассказов Твэна этого периода отличаются беззаботным оптимизмом, грубоватой веселостью.

Свойственный им искрящийся юмор, оттеняющий человеческие слабости, глупость и неловкость, проникнут любовью к людям, верой в человека.

Истоки жизнеутверждающего начала твэновского юмора становятся понятными, если учесть особенности развития американского капитализма в относительно ранний период.

В своей работе «Заработка плата, цена и прибыль» Маркс писал: «В колониальных странах закон предложения и спроса благоприятствует рабочему. Отсюда сравнительно высокий уровень заработной платы в Соединенных Штатах. Капитал может здесь напрягать все свои усилия, но он не может воспрепятствовать тому, что рынок труда постоянно пустеет вследствие постоянного превращения наемых рабочих в независимых, ведущих самостоятельное хозяйство крестьян»¹.

Колонизация окраин, подчеркивал Ленин, задерживает «развитие капитализма вглубь в старой, издавна заселенной, территории... Разрешение свойственных капитализму и порождаемых им противоречий временно отсрочивается вследствие того, что капитализм легко может развиваться вширь»².

Движение на Запад, мощная колонизация послужили созданию на огромных пространствах фермерской демократии, а также были источником самых широких иллюзий. Твэн впитал в себя демократические представления фермеров, смелых и безденежных искателей минералов, мелких предпринимателей. Он разделял с ними их иллюзии — о неизбежно грядущей сытой, богатой жизни, о безоблачном демократическом будущем Америки — страны равных возможностей для всех, страны, у

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XIII, часть I, стр. 145.

² Ленин, Собр. соч., т. III, стр. 465, изд. 3-е.

которой свой путь, отличный от пути старой Европы.

Уже в 1862 году, в разгар гражданской войны, был принят закон о наделах, за который вели долгую борьбу американские мелкобуржуазные реформисты. Этот закон позволил предоставить безвозмездно часть государственных земель местным жителям и пришлым людям.

Длительный период относительной свободы, чувство безграничных просторов никем не занятых земель в сказочно богатой стране, борьба человека с природой создали своеобразные прямолинейные характеры. Примитивная честность и грубоватость нравов были характерны для жителей Запада.

Все, что есть обаятельного в «Простаках», «Закаленных» и ранних рассказах Твэна, а типы простаков у него проходят через все творчество, до конца своей деятельности Твэн не расставался с этими образами, — все это связано с «западным» мироощущением. Недаром в европеизированных штатах Востока Твэна воспринимали как явление экзотическое. И Твэн часто сознательно эпатировал этот ханжески добродетельный Восток. Мерзостей и на Западе было достаточно, но там по крайней мере вещи называли своими именами.

Нельзя переоценить связь мировоззрения Твэна с особенностями развития Америки. Относительная свобода пространств в Америке, где, по выражению Ленина, осуществлялась замечательно широкая колонизация, поставленная на демократически-капиталистические рельсы, долгое время служила источником иллюзорных надежд на счастье людей в условиях капитализма. Впоследствии эти иллюзии начали эксплуатировать сознательно, создавая лживую «американскую романтику», литературу «красной крови».

Однажды старая веселая негритянка с трагической простотой рассказала Твэну историю своей жизни. Вся ее семья — муж и семеро детей — была распро-

Act. I.

=

Scene. I.

=

A village cottage, with back door looking into garden.

A closet & the ordinary furniture. Old lady of 50, cheaply & neatly dressed.

Wears spectacles—knitting.

Aunt Winny^(the old lady) — Tom!

[to answer.] Tom! [to answer.] What's gone with that boy, I wonder? You

дана разным хозяевам. Из всей семьи она нашла только одного сына. Твэн записал рассказ негритянки, и он был напечатан в журнале «Атлантик». Рассказ был заслуженно оценен очень высоко.

Узнав о том, что книга «Позолоченный век» инсценирована одним актером, Твэн решил сам принять участие в составлении пьесы по мотивам книги. Героем стал Селлерс. Получилась пьеса о милом, неисправимом мечтателе. Сатирические стороны «Позолоченного века» в инсценировке выпали.

Твэн не впервые пробовал свои силы в драматургии. Еще раньше он задумал написать пьесу о детстве на Миссисипи, о деревенских непоседливых мальчуганах, о девственной природе, о простых, бесхитростных людях Миссури. В последнее время Твэна все сильнее тянуло к воспоминаниям детства. В мыслях, в своем творчестве, он как бы снова проходил свой жизненный путь, но в обратном направлении — от путешествия на «Квэйкер-Сити» к Неваде, от Невады к Миссисипи. Издатель, друзья, критики не раз говорили, что успех книг Твэна зиждется на использовании богатейшего малоизвестного материала о жизни Запада, накопленного им за годы молодости. Тем больше было оснований возвращаться мыслью к прошлому.

В летние месяцы 1874 года Твэн окончательно решил написать книгу о приключениях миссурийского сорванца Тома Сойера. Тема о шалуне и его сердитой тетке была не новой. Еще до гражданской войны Шилабер на страницах газет рассказывал о баловнике Айке. Твэна, однако, привлекала не столько возможность увлекательно описать приключения детей, сколько перспектива отдаваться воспоминаниям о солнечных днях на Миссисипи, о жизни в мирном маленьком городишке, о всем, что было так далеко от Америки «позолоченного века», от современной индустриальной Америки с ее миллионерами и безработ-

ными, грюндёрством и тайной шахтерской организацией для борьбы с голодом — «Молли Мэгуайрс».

Гнет необходимости, вечная неуверенность вместо безграничной свободы, заботы, равнодушные, духовная расщепленность создавали людей несчастных, лишенных подлинной самостоятельности. Твэн же хотел видеть жизнь такой, какой он любил ее,—свободной и радостной.

Мягкий по природе, увлекательно веселый, не умеющий долго сердиться, долго помнить горе, Твэн мог бы излучать океаны солнечного юмора. Но окружающий мир не давал примеров благородного героизма, о котором мечтал Уитмэн, и счастливой удовлетворенности, к которой тянуло Твэна.

Твэн обратился к годам до гражданской войны, к самому, пожалуй, счастливому времени своей жизни — детству и юности. Это была своеобразная романтизация прошлого, — только в прошлом писатель находил вдохновляющие положительные образы, современность их уже не давала. И не случайно героями своей повести Твэн сделал детей. В этом проявилось чувство реалиста, понимающего, что и в прошлом немного было достойно поэтизации. Только дети, непосредственные, прямые, которых не коснулась еще жестокая проза жизни, тяжелые заботы и нужда, могли стать героями книги, утверждающей радость жизни, в которой автор заразительно и добродушно смеется. Правда, детский мир до какой-то степени ограничивал писателя, лишал его возможности показать человека во всей его духовной глубине. Этот вопрос и встал перед Твэном в его следующей повести.

Желание жить прошлым, просто мечтать о былом даже пересилило стремление работать. Стало трудно придумывать романтические эпизоды из жизни Тома и его друзей. Твэн временно оставил работу над новой книгой. Он бродил по лесам со своим приятелем Твичелем и рассказывал о Миссисипи, о том, каким уважением

пользовались лоцманы на реке, как он — Твэн — водил пароходы из Каира в Новый Орлеан. От Хоуэлса пришло приглашение написать что-либо для очередного номера «Атлантика». Твэн решил отказаться — ему теперь все не до литературы, ему не пишется. Однажды во время прогулки Твичель заметил — почему бы Твэну не написать для журнала о том, что теперь больше всего его занимает, — о Миссисипи, о работе лоцманов. Твэн загорелся мгновенно, его бросило в дрожь от нетерпения. Тотчас же он написал Хоуэлсу, что принимает предложение журнала.

Твэн решил ничего не выдумывать. Он напишет не роман, а очерки. Для них, по совету Хоуэлса, он собирает даже мельчайшие обрывки анекдотов и воспоминаний о работе на Миссисипи. Он правдиво опишет былое для интересующихся прошлым страны читателей «Атлантика». В журналисте проснулся поэт, поэт «границы», тоскующий об ушедшей радостной жизни.

Твэн написал о родном Ганнибale, солнном и безлюдном в жаркий летний день, но мгновенно меняющемся с появлением парохода; о том, что нет на свете ничего привлекательнее пароходов, об ученичестве лоцмана Клеменса на судах великой Миссисипи. Рассказал о встрече с Биксби, о постепенном овладении трудным и прекрасным искусством вождения пароходов днем и ночью, в любую погоду, в кромешной тьме и при обманчивом лунном свете. Твэн поведал и о своей стычке с Брауном и пароходной катастрофе, во время которой погиб Генри.

Желание рассказывать о «старых временах на Миссисипи» было непреодолимо. Это «вполне естественно, ибо я такой человек, который бросил бы писательство в одну минуту ради работы лоцманом, если бы мадам согласилась на это», писал Твэн Хоуэлсу.

Твэн много поработал над тем, чтобы передать «атмосферу жизни на Миссисипи», но этот труд был ему

по душё, он писал с упёниём, радовался, что нет нужды начинять очерки обязательными остротами, что он не должен для забавы читателей «раскрашивать себя точно клоун и становиться на голову каждые пятнадцать минут».

Серия очерков «Старые времена на Миссисипи» была принята журналом «Атлантик». Твэн снова принялся за «Тома Сойера». Он продолжал рассказ о старых временах. Когда повесть была закончена, Твэну трудно было сказать, для кого она предназначается — для детей или для взрослых. Он начал писать детскую книгу — о забавных и занимательных похождениях Тома и его друзей, о детских шалостях и захватывающих дух приключениях в таинственной пещере, о разбойниках и кладах. Но получилась книга, которую — решил было Твэн — станут читать только взрослые. Твэн чувствовал себя неспокойно — уж очень «Том Сойер» был непохож на все написанное им до сих пор.

«Тома Сойера» Твэн послал Хоуэлсу. Тот должен был определить, что, собственно говоря, вышло из-под пера Твэна — картинки жизни на Миссисипи в более ранний период, нежели описанный в недавно опубликованных очерках, поэма о юности человека и юной природе, сатира на быт американских деревушек с их воскресными школами и мещанской моралью или романтическая повесть для детей, заканчивающаяся, конечно, приобретением богатства?

Хоуэлс заявил, что книга предназначена специально для детей. Некоторые особенно резкие сатирические места в повести были смягчены. Так, Твэн уничтожил, по его выражению, все намеки на сатиру в речи, произнесенной в воскресной школе.

К концу книги Тому только двенадцать лет. Он еще ребенок, он живет не только в мире Миссури сороковых годов, но и в мире романтики, навеянной рассказами о разбойниках и пиратах. Самые фантастические планы

Тома оканчиваются успешно — это мир беспечного детства, мир книг со «счастливым концом».

«Том Сойер», как и первые книги Твэна, в большей части повесть о Сэмме Клеменсе, на этот раз о его детстве. Это книга о привольной жизни на ферме дяди Кворлза с добрыми, заботливыми неграми, о безмятежной Миссисипи, о замечательном острове, сплошь поросшем лесом. Это книга о бегстве от мещанской прописной морали, от чопорности старших, книга, в которой «цивилизации» — четырем стенам классной комнаты, суровым обычаям и религиозным требованиям, скучнейшей воскресной школе с мальчиком, заучившим наизусть три тысячи стихов и ставшим идиотом, — противопоставлена безмятежная жизнь в «бегах», без законов, на лоне природы, в укромном месте у ручья и костра.

Тетка Полли — это Джейн Лэмптон-Клеменс, какой помнил ее Сэм после смерти отца: требовательная, глубоко религиозная, гроза шалунов и вместе с тем — любящий, сердечный, живой человек. Добродетельный Сид, противопоставленный шалуну Тому, — это брат Генри. Приключения Тома в значительной мере повторяют факты из детского прошлого Твэна. Тут и побелка забора, и бегство из школы, и недозволенные купанья, и десятки других шалостей. Бекки Тачер — это, конечно, Лора Хокинс. И, наконец, Гек Финн — это Том Бланкеншип, верный друг, встречаться с которым Сэму и Тому Сойеру запрещено, как запрещены купанье и прекрасные ночные прогулки за городом.

В «Томе Сойере» Геку предназначена подсобная роль, он восторгается романтической изобретательностью Тома и пассивно представляет собой тот идеал вольной жизни, о котором мечтают мальчики из воскресной школы. Но Тома — и Твэна вместе с ним — неудержимо влечет к Геку. Вероятно, недаром герой книги назван Томом, как звали младшего из Бланкеншипов.

Большую часть 1875 года Твэн прожил — в воображении — на Миссисипи прошлых лет, в стране, которая, как гора в городе его детства, находилась «как раз на таком расстоянии, чтобы казаться обетованной, заманчивой, безмятежной, мечтательной».

Твэну исполнилось сорок лет. Успех в жизни пришел к нему не сразу, но за последние шесть-семь лет он быстро обогнал своих когда-то более удачливых сверстников. Когда Твэн пригласил к себе в гости старого друга Дана де-Квилла, чтобы помочь ему написать книгу о Неваде, Дан, которому когда-то Гудман предвещал больше славы, чем лентяю Твэну, был потрясен роскошью дворца Клеменсов. Твэн теперь виднейший гражданин города Гартфорда, он живет на широкую ногу, пользуется большой известностью, его анекдоты, подлинные и приписываемые ему, у всех на устах. За Твэном охотятся репортеры и просят его суждения по любому поводу. И он обычно не отказывает.

Твэн активно участвует в политической жизни. Он восхищается Грантом, лучшим из северных генералов и президентом США. Во время очередных выборов он энергично поддерживает кандидата республиканской партии против «демократов», связанных с разгромленным Югом. В то же время он видит, что неслыханная коррупция все, глубже проникает в политическую жизнь Америки, ею заражены представители обеих партий. Исполняется сотая годовщина провозглашения Декларации независимости. Твэн готовит речь о «великой и славной стране», породившей, наряду с Вашингтоном и Франклином, политиков, вымогателей и мошенников. Он говорит о всемогуществе железнодорожных компаний, на которые не найти управы, о «несчастливом состоянии политической морали» в Америке, о том, что «есть некоторые законодательные органы, которые продаются по самым высоким ценам в мире». Речь Твэна не была

опубликована. Получило известность выступление бостонского писателя Лоуэлла, который в честь столетия Декларации выступил не с торжественной одой, а со словами возмущения по поводу коррупции в правительственные кругах.

Недовольство Твэна «состоянием политической морали» нашло отражение в рассказе «Как я баллотировался в губернаторы», где высмеиваются обычай кандидатов на политические посты обливать перед выборами друг друга грязью, распространять самую фантастическую клевету.

Положение дел в Америке начинало с каждым годом вызывать тревогу среди все большего числа американцев. Газеты и видные политические деятели в один голос твердили, что Америка — страна равенства, страна одинаковых возможностей для всех, страна, в которой нет классов. Однако многое говорило о существовании и даже обострении классовой вражды. Американская демократия дала трещину. Твэн чувствовал, что нужна программа для разрешения кризиса демократии.

В «Атлантике» появилась статья под заголовком «Удивительная республика Гондур». В ней рассказывалось, каким образом страна Гондур добилась благополучия.

В республике Гондур установлен новый избирательный закон. Демократия стремится к тому, чтобы каждый гражданин, как бы беден и невежествен он ни был, пользовался правом голоса. Но ведь даже в самых демократических конституциях нет прямого запрещения предоставлять некоторым людям больше одного голоса. И вот по новому закону Гондура низшее образование давало право на два голоса, среднее — на четыре, высшее — на целых девять. Но наиболее широкие возможности открывались перед богатыми людьми. Владелец имущества, оцениваемого в три тысячи сакос, получал право на дополнительный голос; каждые пятьдесят тысяч сакос давали богачам еще один голос.

Статья не была подписана. В ней не было и тени иронии, ни нотки юмора. Кому могло притти в голову, что автор статьи Твэн?!

Твэн считал, что права состоятельных людей должны быть защищены. Он не ставил под сомнение существующих имущественных отношений. Вместе с тем он выступил с речью в пользу предоставления выборных прав женщинам. Его тревожило будущее американской демократии. Он написал жене шутливое письмо будто бы из Бостона 1935 года. Из письма явствовало, что в Америке установлена монархия, появились герцоги и герцогини, лорды и император. В этом же письме к своей глубоко религиозной жене Твэн выразил презрение «болтливым» миссионерам. «Слава богу, тринадцать миссионеров было искалечено и убито, так что я согласен был терять время».

Миссурийский демократ Твэн мечтал установить в стране очень богатых людей «справедливые» миссурийские порядки.

Повесть «Том Сойер» сейчас же по выходе в свет была признана лучшей книгой для мальчиков. Лишь некоторые засущенные старые педагоги и библиотекари высказали опасение, как бы приключения Тома и Гека не подали дурного примера добрым американским детям.

Твэну захотелось продолжить повесть о жизни мальчиков с Миссисипи, рассказать о подростках, лучше узнавших действительность. Героем новой книги он сделал не Тома, а Гека. Твэн сразу же написал ряд эпизодов для новой книги, но неожиданно работа застопорилась — помешал целый ряд дел. Вскоре «Гек» был окончательно отложен в сторону вместе с другими неоконченными произведениями, как «Автобиография богом проклятого дурака» и «Таинственная комната».

Мимоходом Твэн написал несколько небольших юмористических рассказов и одно произведение, не предназначавшееся для печати. Это была «запись» беседы королевы Елизаветы с лучшими людьми ее времени, написанная в духе литературы начала XVII века. С озорным весельем Твэн говорил о вещах, одно упоминание о которых в викторианской Англии и респектабельных бостонских кругах вызвало бы панику. «Вы мечтаете о новом Рабле, вот вам Рабле, которого вы побоитесь признать», записал для себя Твэн, обращаясь к представителям «нежной» школы американской литературы.

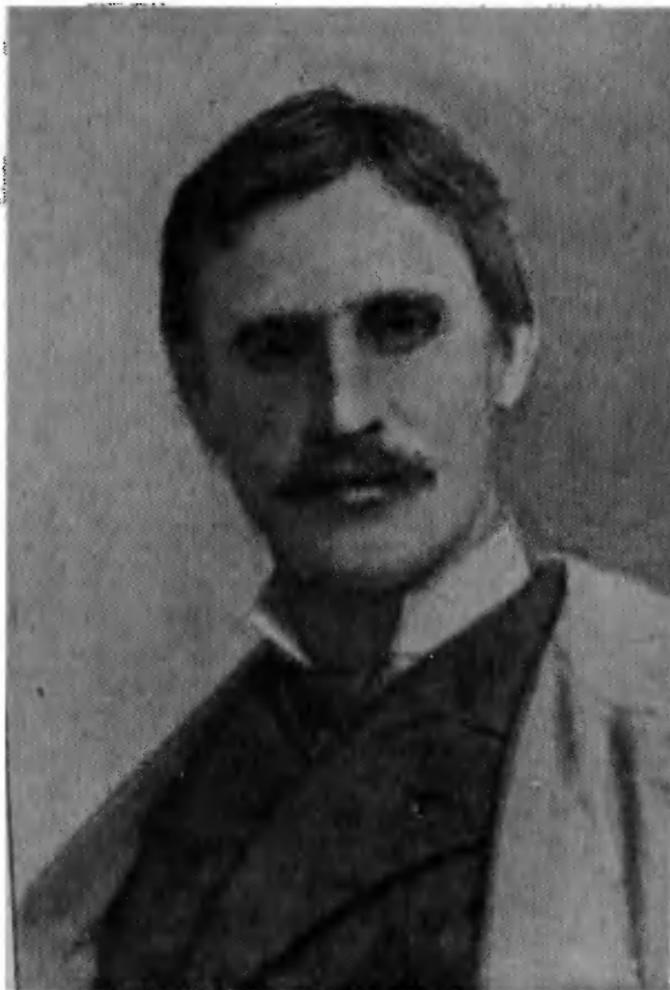
Друзьям Твэна, в том числе священнику-атлету Твичелю, «Беседа» понравилась. Издать «Беседу», конечно, никто не осмелился.

Одним из дел, отвлекших Твэна от книги о Геке, была пьеса, которую он решил писать вместе с Гартом. Герой пьесы Твэна и Гарта, А. Синг, помогает распутать тайну убийства; в конце концов оказывается, что убийства вообще и не было. Пьеса была откровенно развлекательная, написанная ради денег, но денег она не принесла.

Поездка в Бермуду дала материал для новых записок путешественника — самый привычный для Твэна вид литературы. Снова работа над пьесой-комедией о старом сыщике-любителе. Пьеса опять не удалась, ее не поставили.

Зимой случилось происшествие, надолго испортившее Твэну настроение.

Редакция журнала «Атлантик» давала званный обед в честь старого писателя Джона Виттиера, горячего сторонника освобождения негров, поэта фермерской Новой Англии. На обеде должны были присутствовать крупнейшие писатели Бостона — Лонгфелло, Эмерсон, Холмс. Пригласили, конечно, и Твэна; от него ожидали остроумной речи. Твэн хорошо подготовился — он всегда тщательно работал над речами. Он ре-

Д. ТВИЧЕЛЬ.

шил сопоставить мир культуры — Бостон, с его рафинированными писателями, и мир жесточайшей действительности — Дальний запад, с золотоискателями, шахтерами, бродягами, грубыми и остроумными людьми. Твэн повел беседу от имени бродяг... Лонгфелло, Эмерсона и Холмса. Эти бродяги говорили своим языком, языком «границы», и вместе с тем цитировали отрывки из произведений писателей, чьи имена они носили. Мистер Эмерсон оказался рыжим «жидковатым парнем», мистер Холмс был «толстый, как шар, и его второй подбородок свисал до живота», мистер Лонгфелло был похож «на профессионального боксера... они были пьяны...»

Присутствующие пришли в ужас от такого поругания имен почтенных писателей. Твэн сразу же, в самом начале речи, почувствовал возмущение аудитории, но остановиться было невозможно. Когда он кончил, в зале воцарилась тишина. Затем раздался истерический смех одного из гостей.

Твэн был разбит. Ему дали понять, что он только грубый, неотесанный провинциал, человек, слишком долго соприкасавшийся с бродягами, бандитами и проститутками. Вернувшись домой, Твэн послал в Бостон письма с извинениями. Получились любезные снисходительные ответы, от которых не стало легче.

Теперь Твэн чувствовал себя менее уверенным в своих литературных способностях, чем когда-либо. Все его произведения нуждаются в правке — говорил он в письме к Хоуэлсу. Хоуэлс обучает Твэна литературным манерам, подобно тому, как городской метранпаж учит убогого провинциального печатника. Роль редактора выполняла также и Ливи. Она, как и Хоуэлс, пристально следила за тем, чтобы в печать не проходили такие выражения, как «к чорту», «дьявольщина» и т. п. Но Оливия в качестве редактора не ограничивалась только устранением отдельных крепких выражений. По ее требованию,

УИЛЬЯМ ДИН ХОУЭЛС.

рукопись о путешествии капитана на небо все еще лежала без движения вместе с другими статьями и рассказами, не получившими ее одобрения, главным образом, из-за не совсем уважительного отношения к религии. Недаром старшая дочь Твэна Сузи заметила однажды: «Разница между мамой и папой заключается в том, что мама любит мораль, а папа — кошек».

Семья Твэна собралась совершить поездку в Европу, а Твэн решил путешествовать пешком по Германии и написать об этом книгу.

Твэн рад был уехать подальше от людей. «Теперь они не будут говорить про меня дурное, — записал он в своей книжке, — так как знают, что я их не услышу и не почувствую боли... Вот почему мы не говорим дурно об умерших». Веселый юморист, шутник начинал плохо отзываться о человеке.

Уже с Гейдельберга Твэн начал собирать материал для новой книги, записывал интересные случаи, отмечал красоты природы. В конце лета Твэн и священник Твичель отправились пешком в горы.

Вопросы духовной жизни сильно занимали Твэна. Одно время он увлекался спиритизмом. Случаи совпадения мыслей, «телеграфии мыслей», как он это называл, обычно служили предметом самого внимательного обсуждения в его семейном кругу. Путешествуя, Твэн порою присоединялся к Твичелю во время молитвы. Но однажды он сказал своему другу:

— Джо, я сделаю признание. Я вовсе не верю в вашу религию. Я просто лгал, когда притворялся, что это не так. На минуту, иногда, я почти становился верующим, но вера снова уходила от меня.

Когда материал был накоплен и нужно было приступить к непосредственной работе над книгой, Твэн почувствовал, что устал от странствований, что писать ему не хочется. Он просто возненавидел свое подневольное пу-

Дом Твэна в Гартфорде.

тешество. Твэн старался избежать работы над книгой. Вот утеряна записная книжка с заметками, можно «написать издателю и предложить какую-нибудь другую книгу». Но проклятая записная книжка отыскалась.

Мюнхен, Париж. Холод, скука, нескончаемая мало привлекательная работа над новой книгой. Утешением были только отдельные интересные посетители, например, Тургенев, с которым Твэн познакомился еще раньше в Лондоне.

Бельгия, Голландия, Англия. Встречи с знаменитостями. Званые обеды. Дожди, холод. Несколько слов в записной книжке: «Говорил с великим Дарвином...»

Клеменсы вернулись в Америку. Их дом в Гартфорде всегда полон гостей. Принимали весело, радушно. Иностранцев поражало, что этот американский юморист живет так богато. Между тем американский писатель-богач продолжал мучиться над безразличной ему книгой. Ему начинало казаться, что он приговорен к пожизненной каторжной работе над «Бродягой за границей», он чувствовал, что этой книге не хватает молодости, свежести, которые были в «Простаках».

Как и в «Простаках», Твэн осмеивает в новой книге европейскую культуру, главным образом юмористически разоблачая феодальные пережитки и традиции, еще существующие в Европе. Но янки уже не так кичится преимуществами своей здравомыслящей, рассудительной родины. «Бродяга за границей» — книга довольно скучная, написанная неровно, без подъема и задора.

Закончив «Бродягу», Твэн облегченно вздохнул. В письменном столе лежала рукопись о Геке. Там же были первые наброски и для новой повести о принце и нищем. Простенький сюжет одной детской книжки подал Твэну мысль написать книгу, в которой принц и нищий меняются ролями, — принц живет жизнью народа, нищий получает возможность управлять государством.

Твэн еще раз отложил «Гека» в сторону и с увлечением принялся за работу над книгой «Принц и нищий».

Родным понравилась эта тема; каждый вечер дочери с нетерпением ждали продолжения повести — Твэн все еще придерживался привычки читать вечером семье то, что написал за день.

Средние века давно интересовали Твэна. Феодализм для Твэна был символом отсталости, деспотизма, произвола, угнетения и бесправия.

«Принц и нищий» — прекрасная, захватывающая сказка. Это сказка о том, как маленький эгоистичный и самолюбивый принц, ничего не знавший о страданиях народа, окунулся в гущу народной жизни. В мире бездомных бродяг и нищих, среди крестьян и ремесленников Лондона он встретил сердечное участие и внимание: Он почувствовал суровость и несправедливость государственных законов. Перед избалованным ребенком прошли страшные картины народных бедствий, безысходной нужды. На себе самом он испытал всю тяжесть жизни народа, и это не прошло для него бесследно. «То, что я видел здесь, никогда не изгладится из моей памяти, я буду помнить это все дни моей жизни, а по ночам я буду видеть это во сне до самой смерти, лучше бы я ослеп!», — думал принц, сталкиваясь с вопиющими несправедливостями, которые переносили бедняки.

Глубоко демократическая идея заложена в этой сказке. Мягко и справедливо решал все государственные вопросы нищий Том, сделавшись королем. Человек из народа, знающий жизнь и нужду народа, понимающий его страдания, смело идет наперекор традициям, против лицемерных обычаяев и побеждает своей прямотой, правдивостью и трезвым умом.

В «Принце и нищем» Твэн раскрыл большую тему о

величии народа, о силе, заключенной в его страданиях и бедствиях.

«Гек Финн» покрывался пылью. Только летом 1880 года Твэн снова начал просматривать рукопись. В это время Твэн написал рассказ «Эдвард Миллз и Джордж Бентон» — о торжестве злодеяния и поражении добродетели. Эдвард в детстве посещал воскресную школу, помогал миссионерам и был честным и исполнительным работником. Но, когда он был убит бандитом Джорджем и того приговорили к смертной казни, все жалели Джорджа, хвалили его и приносили ему цветы. Это был рассказ о несправедливости.

Жизнь на широкую ногу, открытым домом требовала все больших средств. Сумма годовых расходов семьи Клеменсов уже превысила ту цифру, которой непрочь был похвастать шахтовладелец Лэнгдон. Литературных доходов нехватало. Твэн пришел к убеждению, что издатели платят ему слишком мало. Когда умер Блис, Твэн стал искать более щедрого издателя. А почему бы ему самому не издавать свои книги? Твэн решил стать акционером одного издательства.

В Америке появлялись все новые миллионеры, люди, одним удачным делом обеспечивавшие себя и своих детей на многие годы. Это были владельцы земель, на которых находили нефть, уголь или серебро, строители железных дорог, банкиры, скотопромышленники, изобретатели или их компании.

Твэн любил чудесные творения «механического века». Он одним из первых приобрел пишущую машинку, вечное перо. Твэн неоднократно говорил, что любит не искусство, а науку. Американская деловитость была ему вполне по душе. Твэну не чужд был и спекулятивный азарт. Он начал все чаще вкладывать средства во всяко-

го рода ёдёвые предприятия. Он финансировал постройку парогенератора нового типа, изобретение в области морского телеграфа, купил акции часовой фабрики, стал совладельцем страховой компании, ассигновал средства на новый метод воспроизведения иллюстраций. Пока, однако, дела шли плохо. Однажды Твэн не принял предложения купить за бесценок большой пай в изобретении некоего Грэхэма Белла, а Белл оказался изобретателем телефона. В деловом мире Твэну явно не везло.

В это время Твэн писал матери: «Жизнь стала для меня весьма серьезным делом. Добрую часть времени у меня чувство тревоги, затравленности. Это вызвано, главным образом, деловыми обязанностями и раздражениями».

Против ожиданий, книга «Принц и нищий» не разошлась достаточно большим тиражом. Нужно было немедленно же писать новую книгу. Твэн вспомнил об очерках жизни лоцманов на Миссисипи, напечатанных в «Атлантике» несколько лет тому назад. Он решил продолжать работу, чтобы получилась целая книга. Для этого надо было посетить старые, знакомые места. Твэн отправился в путешествие по Миссисипи.

В первый же день, когда Твэн поднялся в лоцманскую рубку, его узнали. Так как Твэн не хотел назвать себя, то лоцман, по старому обычаю, наговорил ему всяких небылиц о Миссисипи, а в завершение оставил Твэна за рулем. Бывший лоцман Клеменс пережил несколько довольно тревожных минут. Потом были тихие дни в рубке, восходы солнца, которые Твэн встречал вместе с лоцманами, величественная река. Лоцманы рассказывали старые чудесные истории о хвастунах, вралях, неукротимых выдумщиках с Миссисипи. Одну такую историю Твэн записал для «Гека», но решил перенести ее в специальную книгу о Миссисипи.

Твэн, конечно, повидался с Биксби. Он даже перешел на пароход, капитаном которого был его старый учитель

тель. Где-то в устье реки повстречался маленький пароходик, который назывался «Марк Твэн».

Путешествие навеяло тяжелую грусть. Былое ушло безвозвратно. Даже река уже не та, что прежде. В Ганнибale Твэн встретился с пожилыми друзьями детства. Каждое утро он просыпался мальчиком («во сне я видел все лица опять молодыми»), а «отправлялся спать ётольтним стариком, ибо за день... успевал насмотреться на их лица, какими они стали теперь».

К своему удивлению, Твэн убедился, что те места, которые он знал с детства, захирели. Правда, пещеры, где он бродил мальчиком, теперь были превращены в прибыльные известковые разработки, но жизнь в Ганнибale не стала от этого счастливей. И люди в нем оказались скучные, они как-то опустились, поглупели. Эти люди были глубоко разочарованы. То, чего они ждали от реки, от жизни, не пришло. Казалось, что жители крохотной столицы сельскохозяйственной округи потеряли веру в грядущее счастье, сжалась, осели, стали менее весомы в этой огромной шумной стране. Процветание прошло мимо маленьких городков и ферм. Удовлетворенности, обеспеченности, уверенности в завтрашнем дне, которые должны были, казалось, притти со зрелым возрастом, не было. Сила не у людей, близких к земле, а у железнодорожных компаний, владельцев зернохранилищ, спекулянтов. На смену патриархальным обычаям пришли иные, не очень радостные порядки.

И у Твэна, баловня судьбы, с его огромной славой, неслыханно высокими гонорарами, чувство неудовлетворенности окружающей жизнью стало расти, сделалось, как никогда раньше, осознанным.

Дома Твэна ждали новые литературные муки. Первую часть «Жизни на Миссисипи» он писал с восторгом, но теперь надо было нагонять строки, чтобы сделать кни-

ту максимально пухлой, в соответствии с требованиями издательского дела. «Подстегивание и обуза договора стали невыносимы», написал Твэн Хоуэлсу. Все же он продолжал выжимать из себя скучные страницы, цитировал, сколько мог, чтобы увеличить объем книги.

Во второй части «Жизни на Миссисипи» Твэн переходит к описанию своего только что завершившегося путешествия. Здесь он применяет ту же привычную манеру, в которой написаны «Простаки» и «Закаленные». Очерки о новых лоцманах на Миссисипи, о посещении Ганнибала чередуются с анекдотами, фактическими справками, рассказами, например о кровавой мести, существующей еще на юге среди аристократов-помещиков. В некоторых главах, например в тех, где он вспоминает прошлое Ганнибала, Твэн поднимается до уровня высокого художественного мастерства. Порою он явно пишет о вещах, мало его интересующих.

Твэну исполнилось сорок восемь лет. Он записал в своей тетради: «Человек, который делается пессимистом до сорока восьми лет, знает слишком много; тот, кто оптимист после сорока восьми лет, знает слишком мало».

«Жизнь на Миссисипи» вышла в свет. Твэн съездил в Канаду, чтобы обеспечить там свои авторские права. Изобрел и решил запатентовать игру для запоминания хронологических таблиц, придумал несколько тем для рассказов, все о крупных деньгах — о банкноте в миллион фунтов, попавшем в руки нищего, о том, как бедняк собирался продать бисквит за сто миллионов долларов голодающему богачу, вместе с которым носился по морю на плоте.

В это же время была основана издательская фирма Чарльз Л. Вебстер и компания. Фирма целиком принадлежала Твэну. Первой книгой, которую фирма собиралась выпустить, должна была быть повесть о приключениях Гекльберри Финна.

ДОЛИНА ДЕМОКРАТИИ

Повесть «Приключения Гекльберри Финна» тесно связана со всем, что написал Твэн за десятилетие с 1874 по 1884 год. Она представляет собой высшую точку творчества писателя за эти годы и является кульмиационным пунктом всей деятельности Твэна как художника.

Прошло много лет с тех пор, как Твэн начал писать о путешествии на плоту вниз по великой реке Миссисипи Гека и его друга, беглого негра Джима. Твэн уже был не молод, его детство и юность остались далеко позади. От них отделяла его, точно непроходимым рубежом, гражданская война. Твэн много работал в это десятилетие. Кроме «Тома Сойера», «Жизни на Миссисипи» и «Гека Финна», он написал несколько пьес, «Принца и нищего», книгу о путешествии в Европу и целый ряд рассказов; он читал лекции на самые различные темы. Но в основном весь этот период был связан с Долиной демократии, с жизнью царственной Миссисипи, Миссисипи его детства и юности, оставившей неизгладимое воспоминание.

Этот период начался работой над «Томом» и пришел к концу вместе с окончанием «Гека». Попутно Твэн написал «Жизнь на Миссисипи». Эта книга явно распадается на две части. Первая — идиллическое описание работы лоцмана на Миссисипи до гражданской войны и вторая — записки о путешествии Твэна по реке через двадцать лет после гражданской войны. Вторая часть полна горечи разочарования. Сияющий, светлый поэтический мир первой части независимо от желания писателя разрушался во второй, которая, несмотря на отдельные поэтические места, показывала скучную и лицемерную современную действительность. Но обе части книги о Миссисипи были необходимым этапом в творчестве Твэна, без которого не могли быть созданы

«Том» и «Гек». Твэн начал работать над «Томом» до того, как у него появилась мысль описать привольную жизнь лоцманов на Миссисипи, но завершена была повесть «Приключения Тома Сойера» лишь после окончания «Старых времен на Миссисипи». К «Геку» Твэн приступил задолго перед тем, как решил продолжать книгу о Миссисипи, но потребовалось новое путешествие по родной реке и работа над второй частью очерков о Миссисипи для того, чтобы появилась книга «Приключения Гекльберри Финна».

«Том Сойер», как говорил сам Твэн, — «просто гимн, написанный прозой, чтобы придать ему светский вид», Это идиллия, рисующая девственную природу, прекрасных, радостных, простодушных людей. В «Томе Сойере» отражено как бы утро Америки, такое же чудесное, как то, которое описано в начале второй главы этой книги. «...Утро пришло, и весенняя природа засияла, свежая, кипящая жизнью. В каждом сердце была молодость, из уст изливалась музыка. Радость была на каждом лице, в каждом шаге была эластичность». Страна Тома Сойера, страна прошлого, детства, долины Миссисипи до гражданской войны — это обетованная страна.

Радость жизни выражается ярче всего в сцене пребывания Тома и его сверстников на «необитаемом» острове, вдали от людей, от людского жилья. Юные «пираты» целиком сливаются с природой.

«После обеда вся разбойничья шайка двинулась на песчаную отмель за черепашьими яйцами. Мальчики тыкали палки в песок и, где находили мягкое местечко, там опускались на колени и рыли руками.

Из иной ямки добывали сразу по пяти-шести десятков яиц. Яйца были совершенно круглые, белые, чуть поменьше грецкого ореха. В этот вечер у них был роскошный ужин из печеных яиц, и так же великолепно пировали они на следующее утро, в пятницу. После завт-

рака они играли в чехарду и прыгали по отмели, гонялись друг за другом голые, шалили в воде, борясь с сильным течением, которое порою сбивало их с ног, что еще больше увеличивало их веселье. Иногда они собирались все вместе, ладонями плескали друг другу в лицо, причем каждый подкрадывался к врагу, осторожно отвернув лицо, чтобы самому не быть забрызганным. Затем они вступали в рукопашную, победитель хватал побежденного за голову и заставлял его глубоко нырять, а потом ныряли все трое, превратившись в сплошную гирлянду белеющих рук и ног, и когда снова появлялись над речной поверхностью, то и пыхтели, и фыркали, и смеялись, и отлевывались, и жадно хватали воздух».

«Том Сойер» — это апофеоз мальчишеской вольницы, рассказ о прекрасном в жизни каждого человека, о полной нестареющего очарования наивности детства.

В этой идеализированной картине жизни маленьких аграрных поселений на «широком вольном Западе», говорится и о страшном — об убийствах, о злодеях. Вот сцена на кладбище. Мальчики видят, как появляются люди с лопатами и выкапывают гроб из свежей могилы. Они являются свидетелями предательского убийства врача. В пещере, куда забрались дети, появляется рука страшного индейца Джо. В конце книги Джо погибает в пещере от голода.

Многое во всех этих ужасах — от реальной жизни, от действительного прошлого колонизируемых окраин Америки с их беззаконием, кровавой борьбой за существование. Но в гораздо большей степени эти случаи, нагроможденные во второй части «Тома», навеяны «захватывающей» детской литературой, обычной для того периода. Благополучный конец книги — дети находят клад — воспринимается как прямое развитие условностей надуманного увлекательного сюжета, рассчитанного на очень юного читателя.

«Том Сойер» — детская книга. Дурные люди, изображенные в этой повести, нарисованы так черно, что их сразу отличишь от всех прочих.

Повесть о Геке начинается точно простое продолжение «Тома Сойера». Геку не нравится добродетельная строгость, царящая в доме сердобольной вдовы Дуглас, куда он передан на воспитание, ему не сидится на месте. Неутомимый Том берет на себя инициативу в организации новых приключений. Но Том и Гек сразу же выступают здесь совсем в новом свете. Озорство Тома все еще носит характер забав, милых и наивных, ограниченных детским миром. Не случайно Твэн все время подчеркивает источник фантазии Тома — книги. Все эти бесстрашные кровожадные разбойники ничего общего с жизнью не имеют. Том живет в мире фантазии, ему ничего не стоит вообразить, например, что школьники воскресной школы на прогулке в лесу — это караван богатых арабов. Он заимствует свои волшебства из «Дон-Кихота» и «Волшебной лампы Алладина» и упрекает Гека в невежестве за незнание книжных правил поведения разбойников. Но в этой книге Том бледен, он не играет почти никакой роли. Центральная фигура здесь Гек.

С первых же страниц Гек выглядит живым, полнокровным, убедительным. Его чувства сложны и глубоки, его фантазия реалистична. Да и можно ли назвать фантазией стремление человека жить свободно, так, чтобы его не стесняли, не мучили?

В повести рассказывается, как Гек скрывается от вдовы Дуглас и от своего пьяницы отца и вместе с беглым негром Джимом отправляется в путешествие по великой американской реке. Со своего плота Гек и Джим как бы обозревают Долину демократии. Они знакомятся с жизнью маленьких деревушек и помещичьих усадеб на Юге. Им встречаются на пути бандиты и просто ловкие обманщики, их ожидают всевозможные приключения. Кий-

га явно распадается на ряд самостоятельных эпизодов: история с грабителями, которых в конце концов спас Гек, представление, устроенное жуликами, выдающими себя за актеров, кровавая месть на Юге, попытка проходимцев обманным образом получить наследство. Заключительный эпизод касается « побега » Джима в штате Арканзас, где его посадили в заточение как беглого.

С безжалостным реализмом нарисована уже первая сцена встречи Гека с отцом. В « Томе Сойере » отец Гека, о котором автор сообщал мимоходом, казался просто занятным бродягой. Теперь роль этого бродяги и пьяницы в судьбе ребенка показана со всей серьезностью.

Отец Гека куда-то пропал. Попав в строгий дом вдовы Дуглас, Гек с трудом приспособился к новой жизни. Его обучили грамоте, он спал на чистой постели, ежедневно мылся, обедал, но Гек не переставал с грустью думать о свободе, которой он пользовался, живя в своей лачуге. Об отце, однако, Гек вспоминал, как о кашмаре. Побои, зуботычины, пьяный бред полубезумного старика не вселяли в Гека нежности к отцу. С ужасом думал мальчик о возможности его возвращения. Он не верил, что навсегда избавлен от встречи с отцом. И Гек не ошибся.

Вот как рассказывает он сам о появлении отца:

« Я притворил за собой дверь. Потом обернулся и вдруг увидел его. Раньше я всегда боялся его — он так часто бил меня. Мне сперва показалось, что я и теперь испугался, но через минуту я увидел, что ошибся. То есть после первой встряски, если можно так выразиться, когда у меня даже дыхание занялось, — он появился так неожиданно, — но тут же я почувствовал, что вовсе не боюсь его ».

Читатель вместе с Геком по-настоящему встревожен. У отца « длинные, нечесаные и грязные волосы, глаза, сверкающие, точно из-за густых зарослей », лицо « белое,

как травяная жаба, как рыбье брюхо». Самые кровавые сцены в «Томе Сойере» едва ли создают такое жуткое настроение, как картина встречи Гека с отцом.

Последние часы пребывания с отцом для Гека просто мучительны. «Отец с диким видом озирался во все стороны и вопил что-то про змей... Он вскочил и стал метаться по хижине... Мало-помалу он выбился из сил и некоторое время лежал тихо, только стонал, потом со всем затих и не издавал ни звука». Затем отец стал гоняться «за мной по всей хижине со складным ножом, называя меня ангелом смерти, и говорил, что убьет меня... Он скоро заснул... И как медленно и тихо тянулось время!»

Ни одним словом не выражает Гек' любви или даже жалости к своему отцу. С решительностью и сосредоточенностью взрослого он задумывает и осуществляет побег.

Наконец, Гек на воле. Он встречает негра Джима. Вдвоем они «вывели плот и поплыли в тени, вдоль острова, в мертвой тишине». На смену романтической выдумке, столь же не страшной, как не страшны кровавые клятвы разбойничьей шайки Тома, приходит жизненная правда.

Нельзя, конечно, поверить, что Гек в книге, названной его именем, лишь немного старше Гека, оруженосца блестящего Тома Сойера. Гек живет жизнью взрослого человека, чувствует, как взрослый, знающий цену страданиям, у него острый, не детский взгляд.

Негр Джим, убежавший от своей хозяйки, узнав, что она собирается продать его на плантации далекого Юга, а вместе с ним и Гек мечтают доплыть на своем плоту до места впадения в Миссисипи притока Огайо, ведущего в свободные штаты, штаты старого американского Востока, где Джим станет свободным. Но ночью плот минует место впадения Огайо. Вверх по течению плыть

нельзя, а на берегу беглый негр будет сейчас же пойман, и невольные путешественники вынуждены плыть все дальше, в районы хлопковых плантаций, помещичьих усадеб, в районы самого жестокого рабовладения.

Долина реки Миссисипи в годы до гражданской войны сохраняла еще особенности «границы», впервые осваиваемой территории, но чем дальше к югу, тем сильнее отражались американские феодальные нравы, нравы, создаваемые взаимоотношениями помещиков-рабовладельцев, негров-рабов и обездоленных «бедных белых».

В долине реки Миссисипи, где жил в свое время Гек из книги «Том Сойер», все дышало довольством и прелестью. В «Гекльберри Финне» мир поворачивается к Геку — и Твэну — своей теневой стороной. Фермерский быт оказывается далеко не столь поэтичным. Вот как описывает Твэн ферму в штате Арканзас, которую посетил Гек.

«У Фелпса была одна из этих маленьких, захудальных хлопковых плантаций, а они все одинаковы. Брускатая ограда вокруг двора, примерно, в два акра; перелаз из колод, отпиленных от бревен и поставленных стоймя, ступеньками, словно бочонки разной высоты, чтобы перелезать через ограду и чтобы женщинам становиться, когда они садятся на лошадь; несколько чахлых полосок травы на широком дворе, но большей частью все голо и гладко, как старая шляпа со стертым ворсом; большой бревенчатый дом с тремя флигельками, для белых, — тесаные бревна с трещинами, замазанными глиной или известкой; эти полосы глины когда-то давно были побелены; кухня, сложенная из круглых бревен, с большим широким крытым переходом, соединяющим ее с домом; бревенчатая коптильня позади кухни; три маленькие бревенчатые хижины для негров в ряд, по ту сторону коптильни, и одна хижина отдельно, у задней сторо-

ны ограды, и несколько построек за ней; возле маленькой хижины ящик для золы и большой котел для варки мыла; у двери кухни скамейка с ведром воды и фляжкой; тут же собака, сидящая на солнце, еще несколько спящих собак там и сям, в углу три развесистых дерева; у ограды в одном месте несколько кустов смородины и крыжовника; по ту сторону ограды — сад и арбузная грядка; дальше начинаются хлопковые поля, а за полями — лес».

Хотя Твэн говорил в своей автобиографии, что ферма Фелпса — это ферма дяди Кворлза, перенесенная на тысячу километров к югу, однако, картина арканзасской фермы не создает впечатления богатства, изобилия, которыми напоена повесть о раннем детстве Сэма — «Том Сойер». Ферма Фелпса не похожа и на ферму Кворлза, этот рай земной, как она описана в автобиографии Твэна. На захудалую ферму Фелпса и на жителей маленьких земледельческих поселений Долины демократии Твэн смотрит теперь глазами человека, который не может отрешиться от своих последних впечатлений, полученных при поездке по Миссисипи. Разочарование людей, близких к земле, в том, что принесла им жизнь, рост капитализма в сельском хозяйстве, приближающееся исчерпание свободных земельных фондов, новые сомнения в значимости американской демократии — все это придало картинам фермерской жизни, нарисованным Твэном через десяток лет после «Тома Сойера», иные, мрачные тона.

Когда Твэн писал «Тома Сойера», ему было почти сорок лет, он успел много повидать в своей жизни и уже начинал ощущать, что не все ладно в его родной стране. Но в «Томе Сойере» он сумел уйти от действительности, в страну детства. Хотя в «Геке Финне» тоже рассказывается о годах до гражданской войны, но в этой книге Твэн смотрит на жизнь глазами человека послевоенного периода.

По сравнению с «Томом Сойером» в «Геке» резко снижается весь тон повествования. Это уже не восторженный гимн.

Вот сцена религиозного митинга, в котором принимает участие население деревушки, куда попали Гек и Джим. Вначале пение гимнов хором, говорит Твэн, «звучало как-то величественно; их было так много, и они пели с таким увлечением». Но то, что произошло дальше, вызывало только отвращение. «Некоторые стали завывать, а другие выкликать... Нельзя было понять, что говорил проповедник... Люди... стали петь и кричать и бросались на солому совершенно как безумные». В образах «короля» и «герцога» — негодяев, завладевших плотом Гека и Джима и заставивших их быть свидетелями и жертвами своих мошеннических проделок, романтика бродяжничества, опоэтизированная в «Томе Сойере», отрицается. «Король» и «герцог» — просто корыстные, гнусные люди, не вызывающие ни малейшей симпатии.

Плот продвигался все дальше на юг, и все разительнее становился контраст между великолепием природы и убогой жизнью людей.

Путешественники пристали у городка в глубине штата Арканзас. Они находятся в «устье маленькой речки, скрытой, словно туннель, под кипарисами». И городок этот, расположенный в таком прекрасном месте, получает у Твэна, пожалуй, самую четкую и убийственную характеристику во всей американской литературе прошлого века. Вот каков этот преемник родного поселения Тома Сойера:

«Почти все лавки и дома были там старые, ветхие лачуги, которые никогда не были крашены; стояли на сваях на три или четыре фута над землей, чтобы их не затопляло во время разлива реки. Около домов были маленькие садики, но в них, казалось, были только сорные травы, белена, подсолнухи, кучи золы, старые, истоптан-

ные сапоги и башмаки, осколки бутылок, тряпье и отслужившая свой век жестяная посуда. Заборы были сделаны из разных сортов досок, приколоченных в разное время; и все они покосились в разные стороны, а калитки в них висели на одной петле — да еще кожаной. Некоторые заборы были когда-то побелены, но герцог говорил, что, наверно, во времена Колумба. Почти во всех садах гуляли свиньи, а люди гнали их оттуда.

Все лавки помещались на одной улице. Перед ними были устроены белые домотканые навесы, и приезжие привязывали своих лошадей к столбам этих навесов. Под навесами стояли пустые ящики из-под мануфактуры, и бездельники торчали здесь целый день, вырезая на них что-нибудь своими складными ножами; они жевали табак, разевали рты, зевали и потягивались — изрядная компания оборванцев. На них обычно были надеты желтые соломенные шляпы шириной с зонтик, но не было ни пиджаков, ни жилетов; они называли друг друга Билль и Бак, и Хэнк, и Джо, и Энди и говорили лениво и тягуче и употребляли немало бранных слов. И у каждого столба стоял, прислонившись, бездельник и держал руки в карманах штанов, кроме тех случаев, когда приходилось вынимать их, чтобы взять жвачку табаку или почесаться. И весь разговор, который они вели между собой, был:

— Дай мне жвачку табаку, Хэнк.

— Не могу — у самого только одна осталась. Попроси у Билля!»

Улицы этого городка «были сплошной грязью, там не было ничего, кроме грязи — грязи черной, как деготь, глубиной в фут в некоторых местах и глубиной в два-три дюйма во всех местах. Повсюду с хрюканьем бродили свиньи. Иной раз грязная хрюшка с целым выводком пороссят бродит по улицам и ляжет прямо поперек дороги, так что людям приходится обходить ее, а она

лежит, развались, закроет глаза и шевелит ушами, пока поросята сосут, и вид у нее такой довольный, точно она за это жалованье получает. Но тут какой-нибудь бездельник крикнет: «Ату, Тидж, куси ее» — и свинья с ужасным визгом мчится прочь, и одна, а то и две собаки висят, вцепившись ей в уши, и еще несколько десятков собак мчатся за ней; тогда все бездельники поднимаются со своих мест и любуются этим зрелищем, пока оно не исчезнет из виду, и смеются и очень благодарны за это шумное развлечение. Потом они снова усаживаются и сидят, покуда не случится собачья драка. Ничто не вызывает у них такого оживления и не доставляет такого удовольствия, как собачья драка, разве только облить скрипидаром бродячую собаку и поджечь или привязать ей к хвосту жестянную сковородку и смотреть, как она будет мчаться, пока не издохнет».

Это не бедность поселений пионеров в новых краях. Это загнивание, распад. Вместо домов — старые лачуги, вместо энергичных предприимчивых людей — бездельники, теряющие человеческий облик. Именно людей из этого городишко издевательски обманули «Давид Гаррик младший» и «Эдмунд Кин старший», то есть те же «король» и «герцог», объявившие спектакль, на который «женщинам и детям вход воспрещен». О жителях этого городка «король» говорил: «Разве все дураки в городе не на нашей стороне, и разве это не огромное большинство во всяком городе?» В деревушках на Миссисипи нет больше идиллии.

В этом городке аристократ полковник Шерборн хладнокровно убил безвредного пьяницу, простого деревенского жителя Боггса, а затем обратился с презрительной речью к толпе, собравшейся судить его судом Линча: «Средний человек трус... Ваши газеты так часто называют вас смелым народом, что вы воображаете, будто вы действительно смелее других...»

С горькой иронией Твэн говорит не только об этом маленьком арканзасском городке. Голос Шерборна — голос Твэна — слышен далеко за пределами этого городка, за пределами долины Миссисипи. Твэн выступает в роли критика, сурового критика действительности.

Повидимому, тот источник, из которого писатель черпал силы, чтобы создавать идиллические картины американской жизни, — глубокая вера в будущее американской буржуазной демократии, несмотря на все ее недостатки, — теперь если не иссяк, то во всяком случае замутился.

В повести о Геке показаны также помещики с американского Юга. Они бутафорски красивы, эти «благородные аристократы» Гренджерфорды и Шепердсоны, «джентльмены с головы до ног». Но феодально-рабовладельческое прошлое американского Юга осуждено на вымирание, и в «Гекльберри Финне» процесс вымирания находит себе физическое выражение. Роды Гренджерфордов и Шепердсонов враждуют между собой, кровавая месть уносит представителей и того и другого рода. Мальчик Гренджерфорд так рассказывает о гибели своего четырнадцатилетнего кузена от руки старика Шепердсона:

«Кузен ехал верхом через лес, по ту сторону реки, и у него не было с собой никакого оружия, что было чертовски глупо; и вот в пустынном месте он слышит позади себя конский топот и видит, что старик Болди Шепердсон гонится за ним с ружьем в руках, и его седые волосы развеваются по ветру; и вместо того, чтобы скочить с лошади и кинуться в кусты, Бад решил, что сможет обогнать старика; и вот они играли в пятнашки миль пять или больше, и старик все догонял его; в конце концов, Бад увидал, что это бесполезно, и тогда он остановился и повернулся лицом, чтобы пуля попала

спереди, понимаешь, и старик подъехал и пристрелил его. Но он недолго радовался своей удаче, потому что наци прикончили его на той же неделе».

Рассказ звучит почти пародией. Но Гек — свидетель гибели всех Грэнджерфордов, кроме одной дочери, которая выходит замуж за Шепердсона. Это кажется неправдоподобным, однако, взаимоуничтожение южных аристократов было такой же явью, как и тошнотворно-сентиментальные стихи, которые писали их благонравные дочки.

В «Геке Финне» Твэн поднялся на уровень реалистического писателя, дав художественную картину трудной, далеко не гармоничной, даже жалкой жизни вольных фермеров Долины демократии, вскрыв разложение и гибель рабовладельческого американского Юга.

Книга «Приключения Гекльберри Финна», конечно, повесть не только для детей. Это произведение писателя, умудренного большим житейским опытом, произведение, отразившее серьезные перемены в Твэне, большие изменения в родной ему стране.

Ряд высказываний Твэна свидетельствует о том, что он высоко ценил задачу реалистического отображения действительности. «Ничто не может меня сделать более гордым, чем признание моей «подлинности», — говорил Твэн еще в первые годы своей литературной деятельности.

— Я стремился к этому так долго и добился этого наконец. Мне безразлично — буду ли я писать с юмором, или патетически, или красноречиво, или что-либо в этом роде, — моя конечная мечта и желание — быть «подлинным», считаться «подлинным».

К тому времени, когда Твэн закончил «Гека», ему уже было почти пятьдесят лет. Он успел изучить свою родину, ее людей. Недаром Твэн говорил, что американский писатель может начать писать по-настоящему лишь пос-

ле того, как он «впитывал в себя действительность по меньшей мере четверть века».

Сатирическое или критическое направление, которое, по словам Чернышевского, в русскую художественную литературу прочно ввел Гоголь, в американской литературе началось с Твэна — писателя, который, по отзывам вульгарной американской критики, стремился только утешить человека, скрасить ему действительность. Твэн был учителем американских писателей конца XIX и начала XX века, подошедших к американской действительности с критериями критического реализма. Он проложил путь и для Крейна, и для Дрейзера, и для современных революционных писателей Америки.

Разоблачая, бичуя, сатирически отражая действительность Америки, Твэн исходил из идеалов демократического гуманизма. Даже в «Томе Сойере» есть элементы протеста против того, что душит жизнь, любовь к солнцу, лесу, реке, чистому воздуху, что здоровой, мощной природе противопоставляет скуку и ханжество воскресных школ и церкви. Марк Твэн издевается над чванливым мещанством, над ложью, лицемерием. Том и все его друзья завидовали Геку, ибо «...ему не надо былоходить ни в школу, ни в церковь, ему некого было слушаться, над ним не было господина. Он мог удирать рыбу или купаться, когда и где ему было угодно, сидеть в воде, сколько ему заблагорассудится. Никто не запрещал ему драться. Он мог не ложиться спать хоть до самого позднего вечера. Весною он первый из всех мальчиков начинал ходить босиком, а осенью обувался последний... Словом, он обладал всеми радостями, которые делают жизнь прекрасной...»

Гек и в первой книге с большим трудом, чем Том, уживается в мире добродетели. Он жалуется, что «вдовда... все время... молится, Том, молится, чтобы ей пусто было».

В книге, названной его именем, Гек Финн видит, что люди неладно живут в этих арканзасских городках в Долине демократии. Они бедны, дома их убоги. Они не имеют мужества противостоять полковникам Шерборнам. Гек не понимает причины этого, не умеет помочь делу, но ему не по себе. Его гнетет то, что люди малодушны, жестоки друг к другу, склонны к лицемерию и обману. Будучи свидетелем мошеннических проделок «герцога» и «короля», он говорит: «Я отроду не видел ничего противнее».

Гек полон глубокой любви к людям. Ему хочется, чтобы жизнь была иной, чтобы люди не причиняли друг другу столько зла. Когда разъяренная толпа хватает, наконец, мошенников «короля» и «герцога», вымазывает их дегтем и осыпает перьями, когда их несут верхом на шесте, Геку становится жаль даже «этих несчастных плутов. Мне показалось, что я уже никогда не смогу сердиться на них. Это было страшное зрелище».

После гибели Гренджерфордов Гек не морализирует. Он только говорит: «Я не стану рассказывать все, что произошло. Мне опять сделается худо. Лучше бы мне совсем не вылезать на берег в ту ночь, чем видеть такие ужасы, я никогда не отделаюсь от них. Очень часто я вижу их во сне».

Реакции Гека на обиды и несправедливости часто наивны и логика объяснений детская, но суть их всегда человечна, правильна. Этот здоровый в своих инстинктах, не обремененный тяготами цивилизации босоногий мальчуган естественно чуток, правдив и благороден. Он, разумеется, лжет, сколько требуется, и даже делает это с увлечением, когда вынуждают обстоятельства, — а в последних нет недостатка, — но совесть у него чиста. Он всем сердцем хотел бы быть хорошим, даже в том смысле этого слова, который придает ему вдова Дуглас, но это ему почти никогда не удается.

К моменту окончания «Гека» прошло два десятка лет со времени освобождения негров-рабов, но никто до Твэна не писал о неграх с такой задушевностью и в то же время так правдиво, без сентиментальности. Как относились на Юге к неграм, видно хотя бы из знаменитого по своей выразительности и краткости диалога между Геком и сердобольной женой Фелпса. Гек рассказывает, что на пароходе выбило взрывом головку цилиндра.

«— Боже милостивый, кто-нибудь пострадал?!

— Нет, мэм, убило негра.

— Ну, это счастье, потому что иногда при этом попадает людям».

Гек нежно любит своего товарища по путешествию — негра Джима.

С исключительной человечностью написана сцена, где Джим вспоминает свою семью, оставленную им при побеге. Рассказ Джима о том, как он наказал свою дочь, принадлежит к лучшим страницам мировой литературы.

«Мне так тяжко сейчас,— говорит Джим,— потому, что я слышал там на берегу, точно затрещину или оплеуху, и это мне напомнило, как я обидел мою маленькую Лизабет. Ей было всего-то четыре годочки, и она заболела скарлатиной, и ей было очень худо; но она поправилась, и вот раз она стоит около меня, и я ей говорю:

— Затвори дверь.

А она и не подумала; стоит себе и вроде как бы улыбается мне. Я разозлился и снова говорю, громко так говорю:

— Ты что — не слышишь? Затвори дверь!

И она все так же стоит, вроде как улыбается. Я совсем взбесился. И говорю:

— Я тебе покажу!

И дал ей пощечину, да так, что она отлетела. Потом я ушел в другую комнату и был там минут десять, а когда

я вернулся, дверь все еще была открыта, а ребенок стоял как раз у двери, повесил голову и плачет, и слезы у него так и текут. Ну, я прямо взбесился и хотел уже броситься на ребенка, но тут как раз, — эта дверь отворялась наружу, — как раз подул ветер и захлопнул ее за спиной ребенка, — бах! — и, боже ты мой, ребенок даже не пошевельнулся. У меня дыхание захватило, и я почувствовал такое — такое, — я даже не знаю, что я почувствовал. Я выбрался из комнаты, весь дрожа, обошел кругом, медленно приотворил дверь, тихо и осторожно просунул голову за спиной ребенка, да вдруг как крикну: «бум!» — громко, как только мог. А она и не пошевельнулась. Ох, Гек, тут я разревелся, схватил ее на руки и говорю: «Бедняжка! Боже милостивый, прости бедного старого Джима, потому что он сам себе не простит никогда, во всю свою жизнь!». Она стала совсем глухая и немая, Гек, совсем глухая и немая, а я так с ней поступил!»

Книга о Геке, как и «Приключения Тома Сойера», отражает демократическое мироощущение Твэна. Но в «Геке Финне» демократия уже не представляется писателю в виде раз навсегда дарованной идиллии. Демократия находится под угрозой. Твэн издевается над рабовладельческими нравами аристократического Юга, с кровавой местью, дуэлями и безнаказанными убийствами. Гек — явный республиканец, он высмеивает монархию. Он говорит, что жулики — «герцог» и «король» — «ничем не отличаются от настоящих королей и герцогов». Твэн выступает за демократию, за лучшие идеалы буржуазной революции, против монархии и феодализма.

Действенный демократизм требует мужества, способности пойти войной на несправедливость, невзирая на любые трудности и невзгоды, вопреки всем традициям. И Гек проявляет себя не только как человек сострадательный, но и как человек мужественный.

На протяжении многих дней своего путешествия по Миссисипи Гек озабочен дилеммой — передать или не передавать Джима в рукиластей. Он не сомневается в том, каков его долг, — ведь Джим убежал от своей хозяйки.

Когда путешественники находятся у самой границы штатов, где Джим может стать свободным человеком, Гек испытывает особенно сильные угрызения совести. «Раньше я не задумывался над тем, что делаю, но теперь я очнулся — совесть мучила меня сильнее и сильнее. Уж как я ни старался себя убедить, что ни в чем не виноват, что не я заставил Джима сбежать от законной владелицы,—все напрасно: каждый раз совесть восставала и говорила мне: «Но ведь ты знал, что он сбежал, ты мог сойти на берег и донести кому-нибудь». Понятие «добра» и «зла» в рабовладельческих штатах носило вполне определенный характер. Гек не посещал церкви и воскресной школы, не останавливался перед тем, чтобы присвоить кусок хлеба или фрукты для утоления голода, но даже этот бродяжка был уверен, что помочь беглому негру — значит пойти не только против установленных законов, но и против совести.

Гек говорит: «Совесть нашептывала мне: «Что тебе сделала бедная мисс Ватсон, что ты позволил ее негру сбежать на твоих глазах и не промолвил ни словечка? Что тебе сделала дурного эта бедная старуха, что ты мог поступить с нею так низко?.. Я почувствовал себя таким подлецом, таким несчастным, что мне захотелось умереть...»

Решимость Гека выдать Джима, того Джима, ноги которого он готов был целовать, Джима, с которым он спал и ел, несколько ослабла лишь после того, как Гек услышал горячие слова благодарности негра по отношению к тому, в ком он видел избавителя: «Джим вам никогда этого не забудет, Гек! Вы лучший друг мой — та-

кого у меня от роду не бывало; теперь — вы единственный друг старого Джима на белом свете!»

После того как Гек и Джим проскочили мимо устья притока Огайо, с каждой миляй, которую они плыли по течению к югу, все меньше становилось надежд на избавление Джима от судьбы раба, притом беглого раба, подлежащего страшному наказанию. И все же мысль о том, что он поступает неправильно, скрывая беглого негра, продолжала мучить Гека. Когда «король» и «герцог» продали негра в рабство, Гек собирался было написать владелице Джима о случившемся, но потом передумал, ибо «подумайте только, что станется со мной! Всюду разблаговестят, что Гек Финн помогал негру бежать на волю; и если мне придется потом встретить кого-нибудь из того города, я готов буду сгореть со стыда. Вот всегда так, — человек сделает низкий поступок, а потом и не хочет брать на себя последствий... Чем больше я это обдумывал, тем сильнее грызла меня совесть и тем больше я сознавал себя низким, скверным и жалким!..»

В конце концов Гек все же написал мисс Ватсон, хозяйке Джима, — уж слишком мучила его совесть. Он верил, «что люди, которые поступают так, как я поступил с этим негром, идут в вечный огонь». Может быть, следует напомнить, что в этих строках Твэн пишет о муках совести Гека по поводу того, что он *не* предал Джима.

Написав записку, Гек испытал облегчение, он «почувствовал себя чистым и свободным от греха, как никогда еще в жизни...» «Как хорошо, что все так обошлось, — говорит себе Гек, — а ведь я чуть было не погиб и не попал в ад».

Но поневоле Гек снова начинает вспоминать, каким другом был для него негр Джим, как он любил Гека, как ласкал и заботился о нем. И вслед за этим следуют

прекрасные строки, принадлежащие к лучшему, что когда-либо писал Марк Твэн:

«...Тут я случайно оглянулся и увидал свою записку... Я взял ее и подержал в руке, дрожа от волнения: ведь тут я должен был сделать выбор на веки вечные, между двумя путями, и я это знал!.. С минуту я размышлял, за-таяв дыхание, а потом говорю себе:

— Ладно, уж лучше попаду в ад, — и разорвал бумагу».

Решение Гека пойти в ад — место вполне реальное в его понятии, — на вечные муки ради негра, ради своего ближнего, ради борьбы с тем, что в глубине души он считал несправедливостью, поднимает образ этого «босяка», помощника блестящего Тома Сойера, на необычайную высоту.

В книге нет слов восхищения перед Геком — повествование ведется от имени самого Гека, а иронически сдержанный Твэн вообще предпочитает обходиться без комментариев. Но в последних главах приводится факт, который бросает особый свет на поведение Гека.

На ферму Феллса, куда попали Гек и Джим, Твэн неожиданно перебрасывает самого Тома Сойера. Фермер узнал, что негр — беглый, и Том с Геком решают помочь Джиму скрыться. Освободить негра было бы довольно просто, но изобретательный Том всяческими способами пытается романтически осложнить побег и тем самым мучает Джима. И вот Гек не может понять, как это Том «при его воспитании» соглашается помочь негру бежать из рабства. Он не может поверить, что Том, подобно ему самому, готов ради восстановления справедливости пойти против всех правил морали «лучших людей» своей деревни. И Гек правильно оценивает своего приятеля. Ведь на поверку выходит, что Том согласился оказать помочь Джиму в побеге лишь после того, как узнал, что Джим отпущен его владелицей на свободу. Твэн ро-

няет это замечание мимоходом. Он сам как будто не придает ему значения. Но теперь ясно, что «побег» нужен не Джиму, а Тому, потому что он любитель приключений, и вся затянувшаяся история с освобождением Джима начинает казаться возмутительной. Нет, Том не согласится пойти в ад, чтобы спасти беглого негра. Том достаточно «благоразумный» мальчик.

Гек, проявляющий исключительное моральное мужество, стоит на неизмеримо большей высоте, чем Том, умный милый шалун, который не нарушит важнейших правил буржуазной добропорядочности.

Твэн любит Гека Финна, честного, смелого героя своей повести.

Вместе с простодушным, но глубоко человечным, беззаветно преданным своим друзьям и по-народному мудрым негром Джимом Гек представляет то положительное начало, которое, несмотря на все грустные картины, придает книге «Приключения Гекльберри Финна» утверждающий характер, рождает веру в лучшее будущее человечества.

Твэн не забывал, что книгу будут читать дети, будет читать американский читатель, воспитанный на «благополучных концах», он еще верил, что проблемы, стоящие перед Америкой, относительно легко разрешимы и что возможен благополучный конец и для приключений Гека и Джима. Повесть кончается на счастливой ноте — Джима освобождают, он получает вольную. Но на какие ухищрения приходится итти Твэну, чтобы добиться счастливого завершения повести! Все эти совпадения — Гек случайно попадает на ферму дяди Тома Сойера — Фелпса, его, конечно, принимают за Тома, на конец, появляются сам Том и тетя Полли, — все эти подражания при «спасении» Джима образцам приключенческой литературы, вся наивность, которую проявляют при этом бесцветные Фелпсы (родные братья блестяще

обрисованных жителей арканзасских городков), — все это скучно, безвкусно, неслажено.

Жизнь уже не могла дать Твэну реального благополучного конца для повести о Геке, и он прибегнул к приему, искусственность которого очевидна для каждого читателя этой замечательной повести.

Гениальный Уолт Уитмэн, чувствовавший биение жизни на всем континенте Америки, спрашивал еще в 1870 году, почему в американской литературе не находят отражения свежесть, мужественность, здоровье, подлинная действительность Миссисипи, Запада, Юга? Воинствующий американский демократ, поднимавший идею демократии на необычайную, неприемлемую для «позолоченного века», высоту, Уитмэн требовал создания нового положительного образа американца, в противовес образам, созданным рабовладельческой аристократией Юга. Он говорил, что ждет нового слова только от фермеров, шахтеров, народа.

Марк Твэн, который всей жизнью был подготовлен к тому, чтобы отразить «подлинные умственные и физические факты», как выражался Уитмэн, жизни огромных колонизируемых территорий Америки, своей повестью о Геке вписал в американскую литературу одну из тех страниц, отсутствие которых Уитмэн так остро ощущал.

«Гекльберри Финн» — глубоко поэтичная повесть; жизнь прёкрасной Миссисипи отразилась в ней во всем своем многообразии и противоречиях.

Твэн видит людей глазами художника. Лучшие образы Твэна — от Гека и Джима до полковника Шерборна, Бoggса, «короля» и «герцога» — точны и нарисованы скучными мазками.

Речь Твэна в «Геке» и других лучших его произведениях — ясная, прямая, сжатая. Хоуэлл справедливо говорил, что Твэн «умеет найти неуловимое, изменчивое золотое зернышко — нужное слово». Твэн гордился своей

способностью работать над словом (хотя делал это далеко не всегда), гордился тем, что может писать такие диалоги, по которым каждый узнает, из какой местности происходит говорящий. Творчество Твэна — целая эпоха в истории развития американского литературного языка. Богатство и законченность языка Твэна определились с особенной ясностью в повести о Гекльберри Финне. Твэн, наравне с Уитмэном, ввел народный язык в художественную литературу, обогатил ее энергичными, точными и меткими оборотами народной речи.

Мастер сжатой характеристики, увлекательный рассказчик, Твэн в то же время тонкий художник поэтического пейзажа. Сохраняя все своеобразие языка беспризорного мальчугана, он дал такие, например, замечательные картины природы, нарисованные в книге Геком:

«... Нигде ни звука — полная тишина, точно весь мир спит, только изредка, может, заквакают лягушки. Прежде всего вдали за рекой появлялась туманная линия, — это были леса на том берегу, больше ничего нельзя было разглядеть; потом бледное пятно на небе; потом бледное пятно расширялось; река вдали становилась светлее и была уже не черная, а серая; можно было различить проплывающие темные маленькие точки — баржи и тому подобное и длинные черные полосы — плоты; иногда слышался скрип весел и заглушенные голоса; было так тихо и слышно далеко, далеко; потом можно было различить на воде струйку, — посмотришь на нее и знаешь, что в этом месте есть коряга; быстрое течение разбивается о нее, и поэтому у струйки такой вид; и видишь, как туман клубами поднимается с воды и восток розовеет, и река тоже, и вдруг замечаешь на опушке леса, вдали, на той стороне реки, бревенчатую хижину, вероятно, лесной склад, и возле нее бревна навалены так, что любое можно зацепить багром; потом сразу поднимается приятный ветерок и издалека овеает прохладой и све-

жестью, и приятно пахнет лесом и цветами; а иногда пахнет и совсем по-другому, потому что кругом валяются дохлая рыба, мусор и тому подобное, и все это здорово гниет; а потом наступает день...»

Характерна для Твэна реалистичность, художественная правдивость описаний, верность их образу Гека, от имени которого ведется повествование. Ведь именно суровый реалист Гек мог от запаха леса и цветов перейти к запаху дохлой рыбы.

Любопытно сравнить это описание восхода солнца с другим, которое дается в «Жизни на Миссисипи».

«Сначала выразительная тишина, глубокое молчание повсюду. Потом — жуткое ощущение одиночества, отрезанности, удаленности от суеты и суматохи мира. Украдкой пробивается рассвет: плотные стены черного леса мягко сереют, и широкие полосы реки открываются и становятся виднее, вода гляже стекла, над ней — призрачные венчики беглой мглы, ни малейшего дыхания ветра, ни один листок не пошевельнется; глубокое, бесконечно радующее спокойствие. Затем чирикнет птица, за ней — другая, и скоро чириканье сливаются в ликующий взрыв музыки. Птиц не видать, — вы просто плывете среди песни, которая как будто льется сама собой. А когда свет становится сильнее, развертывается такая чудесная, такая мягкая panorama, какой и не вообразить. Ближе к вам — яркая зелень густой, непроницаемой листвы, дальше она — от оттенка к оттенку бледнеет; на ближайшем мысу, в миле от вас или более, — листва кажется светлой, как нежная весенняя поросль, на следующем мысу — листва почти бесцветна, а дальний мыс, на много миль, до самого горизонта, спит на воде, как смутное облако, и его почти не отличить от неба над ним и вокруг него. А все пространство реки — как зеркало; призрачно отражаются в нем листва и извилины берегов и дальние мысы».

И в описании арканзасской деревушки, и в картинах природы Твэн дает свежие, красочные образы, глубокие и правдивые, поднимающиеся на ступень обобщения.

Твэн, юморист «дикой западной» школы, даже в «Томе Сойере» и «Геке Финне» во многом остается верным себе. Превосходным образцом западного юмора, юмора «границы», является сцена на плоту, перенесенная Твэном из «Гека Финна» в «Жизнь на Миссисипи».

Гек Финн попадает на чужой плот, где становится свидетелем перебранки двух трусов, пытающихся запугать друг друга и тем самым избежать настоящей драки. Один кричит:

«У-ух! Я настоящий старый убийца, с железной челюстью, стальной хваткой и медным брюхом, я — трупных дел мастер из дебрей Арканзаса! Смотрите на меня! Я тот, кого называют «Внезапной смертью» и «Всеобщим несчастьем». Рожденный бурей и землетрясением, сводный брат холеры и родственник черной осьпи со стороны матери! Смотрите на меня! Я проглатываю девятнадцать аллигаторов и бочку виски на завтрак, когда я в добром здоровье, или бушель гремучих змей и мертвеца, когда мне нездоровится. Я раскалываю несокрушимые скалы одним взглядом и могу перереветь гром! Отойди все назад! Дайте моей моци простор! Кровь — мой излюбленный напиток, и стоны умирающих — музыка для моего слуха! Обратите на меня ваши взоры, джентльмены, и замрите, затаив дыханье, — я сейчас выйду из себя!»

Драться этот поглотитель аллигаторов не собирается. Его противник, впрочем, не уступает ему ни в трусости, ни в хвастовстве.

«У-ух! Склоните головы и падите ниц, ибо приблизилось царство скорби! Держите меня, ибо ячучувствую, как рвутся из меня мои силы! У-ух! Я — сын греха, не давайте мне воли! Берите закопченные стекла, вы все! Не рискуйте смотреть на меня простым глазом, джентльмены!

Когда я в игривом настроении, я запасаюсь меридианами широты и долготы, вместо сети, и ловлю китов в Атлантическом океане! Я почесываю голову молнией и убаюкиваю себя громом! Когда мне холодно, я подогреваю Мексиканский залив и купаюсь в нем, а когда жарко — обмахиваюсь полярной бурей; когда мне захочется пить — я хватаю облако и высасываю его, как губку; когда мне хочется есть — брошу по земному шару, и голод ползет за мной по пятам. У-ух! Склоните головы и падите ниц! Я накладываю ладонь на солнце и — на земле наступает ночь; я откусываю ломтики луны и ускоряю смену времен года; если я встряхнусь — горы рассыпаются. Созерцайте меня через кусочки кожи — не пробуйте взглянуть простым глазом! Я — человек с каменным сердцем и лужеными кишками! Избиением небольших общив я развлекаюсь в свободные минуты, а истребление народов — это моя основная профессия! Необъятные просторы великой американской пустыни принадлежат мне: убитых мною я хороню в моих собственных владениях!

В этих классических примерах западного хвастовства Твэн следует образцам народного юмора, нашедшего выражение в рассказах о былых героях Запада и Миссисипи — Крокете, Майке Финке и Беньяне. В сцене на плоту особенно много от Крокета, который, как рассказывали о нем, однажды, когда земля примерзла к своей оси и перестала вертеться, а солнце застряло между двумя кусками льда, помог земле и солнцу выйти из трудного положения.

Во всех произведениях Твэна, даже самых поздних, много от безудержного в своей выдумке западного юмора, юмора вранья, фантастики, самых красивых девушек, самых уродливых собак во всем Кентукки, на всей Миссисипи, во всем мире.

О великанах — «полу-лошадях, полу-аллигаторах» рассказывали за много лет до рождения Твэна. Даже биб-

лейские легенды в устах негров, этих первых американских юмористов, звучали как типичные повествования «границы». Вот, например, отрывок из «истории» Давида и Голиафа.

«— Что это такое, старый царь Саул? — спрашивает маленький Давид.

— Это старый Голиаф.

— Чего он хочет?

— Он хочет драться.

— Но ты ведь царь, не правда ли? Разве ты не можешь помочь ему удовлетворить его желание?

— Кто, я? — говорит Саул. — Я женатый человек. Конечно, я его не боюсь, но у меня жена и целое семейство».

Наконец, Голиафу надоедает словесное препирательство. Он выступает вперед и говорит, точно матрос с Миссисипи: «Я помесь дикой кошки... Я полон злобы и готов к драке».

Твэн не только впитывал в себя с раннего детства фольклор американского Запада, он изучал его, коллекционировал анекдоты, народные сказания, суеверия, приметы.

В «Томе Сойере» и «Геке Финне» собрана целая энциклопедия суеверий и примет. Тут и дохлые кошки, и гнилая вода, и гороховые стручки, чтобы выводить бородавки; тут ведьмы, черти и опасности, возникающие, если перечислить, что будешь готовить к обеду, или вытряхнуть скатерть после захода солнца и т. д.

После очередной нравоучительной беседы Гек почувствовал себя очень тоскливо, и вот что он рассказал: «Сияли звезды, и в лесу печально шелестели листья; и я услышал, что вдалеке сова кричит над кем-то, кто умер; а козодой и собака воют над кем-то, кто должен умереть; а ветер шептал мне что-то, я не мог разобрать, что именно, и от этого у меня холодная дрожь проходила

по спине. Потом я услышал вдали, в лесу, тот звук, который издает привидение, когда хочет что-то сказать, что его заботит, а его никто не понимает, и поэтому ему не лежится спокойно в могиле и приходится этак бродить в тоске каждую ночь. Я так приупыл и так струхнул, что пожалел, что у меня нет компании. А тут паук пополз у меня по плечу, и я страхнулся его, а он попал прямо на свечу, и не успел я пошевельнуться, он уже весь сгорел. Не приходится говорить, что это ужасно плохая примета и принесет мне беду...»

От западного юмора у Твэна особенная любовь к пародиям. Твэн-моралист пишет многочисленные пародии на тему о богатстве. В «Бродяге за границей» богатством оказывается навоз, в «Романе эскимоски» — рыболовные крючки.

Твэн, враг ханжества, пошлости, лицемерия, создал не одну пародию на вульгарный оптимизм, на трафаретную сентиментальную литературу «благополучного конца» (рассказы о признательном пуделе, благодетельном авторе и благородном супруге), он многократно пародирует тему скверного и хорошего мальчиков, показывая, насколько лжива проповедь воскресных школ. Твэн пишет пародии на псевдо-высокие чувства. Такова его пародия «Легенда о Загенфельде». Пародией же является в «Геке Финне» монолог о королях.

Жизнь «границы», новой страны без культурных традиций и признанной литературы, жизнь суровая, полная опасностей и отчаянной борьбы за существование, способствовала развитию юмора грубого, даже жестокого.

Совершенно в духе этого юмора заявление «вандала-простака», которому пришлось слишком много слышать о Микельанджело: «Я никогда не чувствовал себя таким благодарным, таким успокоенным, таким счастливым, столь полным благословенного мира, как вчера, когда я узнал, что Микельанджело умер».

Грубость и преувеличения, самые крайние, обязательны в юморе Твэна. Пароход, наскочивший на мель, конечно, вышибает эту мель на середину залива. Тому Сойеру предсказывали, что «быть ему президентом, если его до той поры не повесят». Даже в «Принце и нищем», в полном соответствии с традициями западного юмора, Том, узнав, что похороны скончавшегося Генриха VIII состоятся не скоро, замечает: «Странный обычай, а тело сохранится?» У Твэна немало страшных шуток — о гробовщиках, о трупах, разгуливающих по кладбищу, о людоедстве в поезде и т. д.

Безудержность юмора Дальнего запада нашла выражение не только в легендах о том, как Крокет вмешивался в жизнь небесных светил, а Беньян перекраивал на новый лад земную поверхность, но и в менее фантастических рассказах. Сообщали, например, о появлении такого высокого человека, что ему приходилось влезть на стул, чтобы побрить свое лицо. Совершенно в этом духе Твэн в «Жизни на Миссисипи» рассказывает о тени, которая примерзла к полу, или о том, что во время пароходных состязаний на скорость, боясь нарушить равновесие судна, опытный моряк «всегда держится середины парохода и даже пробор делает посередине, пользуясь для этого ватерпасом». В «Геке Финне» и других произведениях Твэна фольклор использован с высоким мастерством. Простаки и остроумцы глухих мест Долины демократии заговорили на своем красочном, изобретательном, глубоко своеобразном языке с читателями всего мира.

Но Твэн умел мастерски преподносить не только западный юмор. В «Томе Сойере» и других произведениях Твэна не трудно найти следы влияний юмориста Шила-бера и еще более ранних писателей Востока с их способностью подмечать мелкие пороки, с их стремлением осмеивать склонность, жадность, тщеславие в фермерском быту Новой Англии. От старой американской традиции

идет и любовь Твэна к изображению жуликов, пройдох и бездельников вроде Сэггза, Ловингуда и других.

Твэн, как никто, освоил также технику юмора появившихся позднее профессиональных юмористов эстрады, умеющих говорить смешные неожиданности, смешивать великое и малое, высокое и низменное, играть словами, пародировать, не бояться эксцентричности, диких преувеличений. Классические примеры юмористики этой школы содержатся в твэновских фразах о «спокойной уверенности христианина, у которого в руках четыре туза», об «огнедышащем драконе, который причинил больше неприятностей, нежели сборщик податей», о том, что «если в спешке строишь вселенную или дом, то почти наверняка потом заметишь, что забыл сделать мель или чулан для щеток...»

Твэн знал все законы своей профессии. Он умел подготовить смешной, неожиданный конец рассказа, выдержать строгое выражение лица на всем протяжении длинного предисловия к смешному заключительному аккорду.

По этому принципу Твэн построил, например, свою послеобеденную речь, начинавшуюся словами: «История повторяется». Произошло удивительное совпадение: сегодня все напоминает Твэну одно событие из его прошлого. Случилось, что Твэн с приятелем никак не могли достать билеты на поезд. Внезапно кондуктор узнал Твэна и предоставил ему отдельное купе. Однако он принял Твэна за ...генерала Маклеллана. «И вот тут-то, — заключил Твэн свою речь, — появилось то чудесное совпадение, о котором я говорил в самом начале. Услышав, за кого меня приняли, я потерял дар слова, и это то состояние, в котором я нахожусь и теперь. Понятно?»

Твэну не чужд юмор рассказов о том, как, целя в мышь, он «попадал одним ботинком в приятеля, а другим в зеркало», есть у него немало рассказов поверхностных, зубоскальских.

Но характерен для более позднего Твэна юмор мягкий, рождающийся из тонкой наблюдательности. С подлинной веселостью Твэн описывает, какие блестящие возможности плеваться на новый лад открылись перед Томом Сойером, когда ему вырвали зуб, или сцену появления пуделя в церкви — в той же книге «Том Сойер».

Ярким образцом твэновского юмора, тонкого, наблюдательного и вместе с тем специфически «западного», является сцена с гробовщиком в «Гекльберри Финне»:

«Когда помещение было полным-полно, гробовщик, в своих черных перчатках, мягко и осторожно пробрался кругом, провел последние штрихи, устраивая всех поудобнее, беззвучно, как кошка. Он не говорил ни слова; он передвигал людей, втискивал опоздавших, расчищал дорогу и делал все это лишь кивками и движеньем руки. Потом он занял место у стены. Он был самый мягкий, скользкий, вкрадчивый человек, какого я когда-либо видел, и улыбался он так же мало, как, скажем, окорок.

Они взяли напрокат гармониум, но только расклеившийся; когда все было готово, одна молодая женщина села и стала его обрабатывать, и он скрипел и стонал, точно у него были схватки, и все подхватили и запели, и, по-моему, единственный, кому было хорошо, был Питер. Потом преподобный Хабсон принялся за дело, медленно и торжественно, и начал говорить, но в этот самый миг из погреба донесся страшный лай — там была всего одна собака, но она подняла отчаянную суматоху, и это продолжалось довольно долгое время; священнику оставалось стоять у гроба и ждать, — не слышно было даже собственных мыслей. Получилось ужасно неловко, и все прямо не знали, что делать. Но сейчас же этот длинноногий гробовщик делает священнику знак, как бы говоря: «Не беспокойтесь — положитесь на меня». Потом он нагнулся и стал скользить вдоль стены, и только его плечи торчали над головами.

Так он скользил, а шум и гам становились все более невыносимыми; наконец, пройдя вдоль двух стен комнаты, он скрылся в погребе. Потом через несколько секунд мы услышали удар, и собака закончила свой концерт каким-то необыкновенным воем, а затем наступила мертвая тишина, и священник начал свою торжественную речь с того самого места, где остановился. Через минуту-другую спина и плечи гробовщика снова заскользили вдоль стены; и так он скользил и скользил вдоль трех стен комнаты, а потом выпрямился, приставил руки ко рту, вытянул шею к священнику через головы собравшихся и говорит каким-то хриплым шепотом: «Она поймала крысу!» Потом он опустился и опять проскользнул вдоль стены на свое место. Видно было, что все вполне удовлетворены, потому что, конечно, им хотелось знать, в чем дело. Вот такая мелочь ничего не стоит, а между тем как раз за такие мелочи человека уважают и любят. Этот гробовщик был самым популярным человеком в городе».

Президент Линкольн, связанный тесными узами с жизнью западных фермерских поселений, любил американский юмор. Выступая против войны за захват мексиканских земель, Линкольн упомянул об иллинойском фермере, который любил говорить про себя: «Я не жаден, я хочу только ту землю, которая примыкает к моей». Эта острота вполне в твэновском духе. В период, когда был написан «Гекльберри Финн», все большую роль в юморе Твэна начинает играть психологическая окраска характеров.

И Гек и Джим в «Гекльберри Финне» переживают много тяжелого, подчас положение становится просто трагическим, но Твэн смягчает его, обращая внимание не только на трагическую, но и на смешную сторону событий, подчеркивая наивное сознание героев.

В «Геке Финне» юмор часто появляется в виде

вставных анекдотов, побасенок. Таков, например, рассказ Джима о том, как он был богат и как прогорел:

« — А у тебя, Джим, руки и грудь волосатые?

— Чего спрашиваешь? Разве не видишь, что да?

— Ну, а ты богат?

— Нет, но я раз был богат и еще разбогатею. У меня было раз четырнадцать долларов, но я пустился в спекуляцию и прогорел.

— А чем ты спекулировал, Джим?

— Ну, сначала я накупил товару.

— Какого товару?

— Ну, скота, понимаешь. Я вложил десять долларов в корэву. Но я больше не буду рисковать деньгами на товаре. Корова околела у меня на руках.

— И ты потерял десять долларов?

— Нет, я потерял не все. Я потерял только около девяти долларов. Я продал шкуру и хвост за доллар и десять центов.

— Значит, у тебя осталось пять долларов и десять центов. Ну, а еще ты спекулировал?

— Да. Знаешь одногого негра, который принадлежал старому мистеру Брэндишу? Ну, вот он устроил банк и сказал, что кто вложит доллар, получит в конце года еще четыре доллара. Ну, все негры сбежались, но ни у кого не было много денег. Только у меня было много. И я стал требовать больше, чем четыре доллара, и сказал, что если не получу больше, то сам устрою банк. Ну, понятно, что негр не хотел пускать меня в дело, потому что, говорит, для двух банков дела недостаточно; он сказал, чтобы я вложил свои пять долларов, а он отдаст мне в конце года тридцать пять.

Я так и сделал. А потом я решил, сейчас же вложу эти тридцать пять долларов, и дело пойдет. Там был негр по имени Боб, и он выловил плот, а его хозяин не знал про это: и я купил у него плот и сказал, что он

получит эти тридцать пять долларов в конце года; но кто-то украл плот в ту же ночь, а на следующий день одногородок сказал, что банк лопнул. И никто из нас не получил денег».

Теснейшая связь этого рассказа Джима с европейскими народными сказками не требует доказательств.

Противопоставляя американский, по его терминологии, юмористический рассказ европейским «комическим» или «остроумным» рассказам, Твэн писал, что юмористический рассказ можно рассказывать очень долго и уходить от темы сколько угодно, а комические и остроумные рассказы должны быть коротки и метки... «Юмористический рассказ передают со всей серьезностью. Рассказчик всячески скрывает, что ему в какой-либо мере рассказ кажется смешным». Образцом такого рассказа была «Лягушка».

Твэн подлинный рассказчик юморист. Героем его рассказов, как правило, является сам рассказчик, от имени которого ведется повествование. Хоуэлл считал, что Твэн «был великий актер не в меньшей степени, чем великий писатель. Он изучал каждую интонацию и каждое движение». Чтобы оценить по настоящему юмор Твэна, — говорили современники, — надо было слышать его самого: этот медленный говор, эти точно рассчитанные паузы.

Многие из недостатков крупных произведений Твэна объясняются именно особенностями его юмора, в основном создавшегося на базе анекдота, устного рассказа. Произведения Твэна в значительной мере состоят из группы нанизанных один на другой анекдотов, забавных историй. Они распадаются на отдельные части.

По природе своей Твэн был импровизатором. Обычно он начинал писать без плана, одно приводило к другому.

В одном месте «Жизни на Миссисипи» Твэн предва-

ряет вставной рассказ следующим откровенным примечанием: «Вот рассказ, который я услышал на пароходе в ту ночь. Я помещаю его в этом месте только потому, что это хороший рассказ, а не потому, что ему здесь место, ибо это не так».

Юмористически утрируя, Твэн как-то дал следующее описание своего творческого метода. «Если вы выдумываете двух или трех людей и затем дадите им волю на страницах своей рукописи, то что-нибудь обязательно произойдет. Этому нельзя помешать. И тогда потребуется вся остальная часть книги, чтобы выпутать их из естественных последствий этой случайности. Итак, прежде, чем вы успеете оглянуться, книга готова, и вам не пришлось израсходовать на нее ни одной мысли». В этой шутке есть доля правды, о чем свидетельствует не только композиция многих опубликованных книг Твэна, но и архив незаконченных произведений писателя, незаконченных потому, что автор не нашел выхода из тех трудностей, в которые завел его свободный полет фантазии рассказчика-импровизатора.

Твэн — очень неровный писатель. Он часто переходит от мастерской обрисовки образов к скучнейшей выдумке, от психологического юмора к грубым остротам. Очень большую роль играло и то, что Твэну часто приходилось писать книги торопливо, гнаться за большим объемом, уродовать свой талант в угоду требованиям коммерсантов-издателей.

Овладев юмористическими традициями своей страны, черпая непосредственно из богатейших источников народного юмора, Твэн в лучших своих произведениях сумел придать этому юмору исключительно широкое, яркое выражение. В более поздних своих вещах Твэн все чаще переходил от юмора спокойного и радостного к острой сатире.

УБОГИЙ ПОРЯДОК ВЕЩЕЙ

В год, когда было закончено одно из величайших художественных произведений американской литературы — повесть о Геке, Твэн особенно глубоко погрузился в предпринимательскую деятельность. Грандиозное издательское дело, организованное Твэном и Вебстером, новые проекты, связанные с финансированием изобретений, требовали много времени и денег.

Уж несколько лет, как Твэн отказался от ненавистных «лекций». Но средств нехватало, и Твэну снова пришлось собираться в дорогу. На этот раз он поехал в турне совместно с писателем Кэйблом, автором книг о прошлых днях Нового Орлеана. Кэйбл был религиозен, любил читать библию вслух, и это раздражало Твэна. Сердило также и то, что приходилось выступать на эстраде с грубыми шутками, без конца повторяться. Это утомляло, не оставляло удовлетворения.

Турне затянулось. Только на праздники Твэну, тосковавшему по родным, удалось приехать домой. Дети порадовали его инсценировкой «Принца и нищего». А потом снова поезда, гостиницы, читки. Писать, конечно, было невозможно; за целый год Твэн почти ничего не создал. Зато он обдумал план, осуществление которого должно было поставить компанию Вебстера в первые ряды мировых фирм, — Твэн решил выпустить в свет мемуары героя гражданской войны и бывшего президента Гранта. Тут могла итти речь о совершенно фантастических тиражах, издание «Гека» — пустяки по сравнению с этим проектом.

Чтения продолжались. По воскресеньям чистенький, аккуратненький Кэйбл доводил Твэна до бешенства тем, что неизменно отправлялся в церкви и воскресные школы тех городков, где их заставал день отдыха. Кэйбл был счастлив — турне удалось, писателям много аплоди-

ровали, чтения приносили немало денег. Но однажды, когда Кэйбл и Твэн возвращались после читки в гостиницу, Твэн сказал своему партнеру:

— О, Кэйбл, я унижаюсь. Я позволяю себе быть просто клоуном. Это ужасно! Я не могу этого больше вынести.

Никогда Америка не была так сильна и так богата, как теперь. Весь континент с его огромными естественными богатствами находился в руках людей, которые не хотели думать ни о прошлом, ни о будущем, которые прогнали индейцев с их земель, а непокорных уничтожили, которые не останавливались ни перед какими — самыми хищническими — методами, лишь бы поскорее извлечь из недр земли ее сокровища. Начавшийся после гражданской войны подъем промышленности был задержан на несколько лет кризисом 1873 года, но затем он получил новый размах. Ни Рокфеллер, ни Морган, Вандерbilt, Гарриман, Карнеги, ни другие «денежные бароны» не участвовали в сражениях с войсками рабовладельческого Юга, хотя их сверстники были в армии. Зато они сумели полностью использовать победу над плантаторами для строительства своих железнодорожных, нефтяных, финансовых империй. Ухитряясь получать нелегальные скидки с железнодорожных тарифов, употребляя всю мощь концентрированного капитала, путем сложных комбинаций и простого обмана, рокфеллеровский трест «Стандарт Ойл» захватил в свои руки огромную часть нефтяной промышленности. Карнеги создал гигантскую сталелитейную промышленность. Еще в 1870 году американская металлургия резко отставала от английской и французской. Через несколько лет Европа осталась позади. Америка уже оспаривала и вскоре захватила первое место в мире в области фабричного производства. При этом все возрастающая часть промышленности переходила в руки акционерных обществ, в руки отдельных гигантских концернов.

Карикатура на известных американских лекторов семидесятых годов.
(Твэн в костюме шута).

Огромные субсидии от правительства, денежные и земельные, привели к особенно быстрому росту сети железных дорог. Железные дороги получили от правительства США много десятков миллионов акров земли. К концу восьмидесятых годов протяженность железных дорог в Соединенных Штатах составила 250 тысяч километров, или почти столько же, сколько во всем остальном мире. И здесь концентрация капиталов становилась все более явной. Уже к этому времени семьдесят пять компаний (из общего числа в 1 600) объединяли более двух третей всего протяжения железных дорог. Всё новые железные дороги попадали в руки Моргана, Гарримана и Хилла. Борьба конкурирующих групп становилась ожесточенней. Руководители корпораций «разводняли» акции, продавая их мелким вкладчикам на много дороже истинной стоимости, присваивали миллионы за «организационную работу» и крупно «зарабатывали» на спекулятивных сделках на бирже, порою направленных против своей же компании. Очередная «паника» — разоряются тысячи мелких предпринимателей и акционеров, сотни тысяч рабочих голодают, фермы продаются с молотка, а короли железных дорог, стали, мяса, нефти, меди становятся еще сильнее и богаче.

Золотой дождь не миновал, конечно, и людей у кормила правления. Обвинениями в подкупе, темных махинациях были запятнаны президенты, министры, губернаторы, члены Конгресса. Недаром газетный юморист в связи с поездкой членов законодательной палаты одного из штатов писал, что, когда на поезд напали бандиты, законодатели, «очистив бандитов от их часов и драгоценностей, продолжали поездку с возросшим энтузиазмом».

В 1827 году американский министр финансов предсказывал, что потребуется пятьсот лет, чтобы заселить общественные земли страны. Но уже в течение одной четверти столетия после издания закона о наделах почти вся

лучшая земля за Миссисипи перешла в частные руки. В 1889 году территория индейцев, последнее огромное «белое пятно», была открыта для заселения. В назначенный час толпа белых ринулась на эти земли. Через год там уже существовали города с банками и церквами, газетами и грабителями.

При этом большая часть американской земли оказалась в руках крупных владельцев. Даже иностранцы, главным образом английские аристократы, в 1884 году владели в Америке двадцатью миллионами акров земли. В тихоокеанских и горных штатах половина земли находилась в руках крупных землевладельцев, сдававших участки в аренду или применявшими труд мексиканских и других батраков.

Рабочий уже не мог рассчитывать на то, что в случае недовольства условиями работы он без особых затруднений станет независимым фермером. Количество рабочих увеличивалось. Во время кризисов оказывалось, что рабочих непомерно много, что для них нет работы, им некуда податься и никто не обязан заботиться об их существовании.

Предприниматели воспользовались безработицей, чтобы снизить заработную плату, ухудшить условия труда. В годы кризиса некоторые профсоюзы были начисто сметены с лица земли, другие потеряли большую часть своих членов. Уничтожено было и созданное шахтерами общество «Молли Мэгуайрс». Но в борьбе против жесточайшей эксплоатации, против голода создавались новые организации рабочих, поднималось стачечное движение.

Знаменитая забастовка железнодорожников в 1877 году, вызванная очередным снижением заработной платы и попыткой окончательно уничтожить профсоюзы, началась, когда в стране было три миллиона безработных. Забастовку подавили при помощи воинских частей в одном месте, но она перебросилась на другие железные дороги. Много рабочих было убито, мастерские в Филадельфии

пылали. Почти полностью приостановилось движение на большинстве железнодорожных линий к западу от Миссисипи.

Вместо того, чтобы пойти по какому-то особому, исключительному пути, о котором мечтали мелкобуржуазные утописты, проповедники разрешения всех противоречий при помощи раздачи земельных участков, Америка оказалась страной остройшей классовой борьбы между рабочими и капиталистами. При этом правительство открыто поддерживало капиталистов. Крупная буржуазия была перепугана. Хотя забастовку разгромили, она оставила глубокий след в умах американских рабочих. Подготовлена была почва для подъема профсоюзного движения, роста социалистических идей среди пролетариата Америки.

Характеризуя положение в Америке, Энгельс писал в середине восьмидесятых годов (в письме к Ф. Келли-Вишневецкой): «...Америка была, в конце концов, идеалом всех буржуа: богатая, обширная, развивающаяся страна с чисто буржуазными учреждениями без феодальной закваски или монархических традиций и не имеющая постоянного наследственного пролетариата. Здесь каждый мог сделаться если не капиталистом, то во всяком случае независимым человеком, который занимается производством или торговлей на свои собственные средства, за собственный риск и страх. И так как здесь *пока еще* не было классов с противоречивыми интересами, то наши (и ваши) буржуа вообразили, что Америка стоит *выше* антагонизма и борьбы классов. Эта иллюзия теперь рассеялась, последний буржуазный рай на земле быстро превращается в чистилище, и от превращения в ад, подобный Европе, его сможет удержать лишь бурный темп развития едва оперившегося американского пролетариата»¹.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, том XXVII, стр. 564.

Расстрел забастовщиков в Балтиморе в 1877 г. *Современный рисунок.*

Секретная профсоюзная и кооперативная организация «Рыцарей труда» была создана в 1869 году, но только двенадцать лет спустя о существовании ее стали говорить открыто. «Рыцари труда» организовали ряд забастовок, и число членов союза выросло во много раз. Создавались и другие чисто профсоюзные объединения. В 1885 году поднялась новая забастовочная волна.

Грубость, вульгарность и жестокость plutokратии, наступление монополий на привычные порядки вызвали возгласы возмущения и среди так называемых средних классов. Даже один из реакционнейших руководителей рес-

публиканской партии, Лодж, выразил неудовольствие опрощением нравов — в обществе теперь свободно говорили о деньгах, а ведь это считалось вульгарным, когда Лодж был молодым.

В бостонских литературных кругах тоже почувствовалось движение воды. Лоуэлл, который несколько лет тому назад только возмущался коррупцией, в 1884 году заявил, что социализм является претворением христианства на практике. Американская демократия оказалась недостаточной. Хоуэлл уже прямо называл себя социалистом и пристально следил за развертыванием борьбы между трудом и капиталом. Над радостным американским горизонтом, как выразился Хоуэлл, уже собирались тучи. Вопросы социальной справедливости назрели, уйти от них было невозможно. Беллами уже обдумывал свою книгу о социальной утопии.

Много лет спустя Хоуэлл писал о Твэне: «Он не пошел так далеко в признании социализма, как я, если вообще он пошел по этому пути... но с самого начала он видел перед собой светлое зрелище организованного труда, как единственного спасения для рабочих».

Твэн жил не на необитаемом острове. Он следил за жизнью страны не только из своего гарфордского дома. И он видел, что справедливость на стороне простых людей, на стороне эксплуатируемых, ограбляемых, расстреливаемых. Профсоюзы? Конечно, он за профсоюзы. «Рабочий — член профсоюза — величайший факт величайшего века, который когда-либо знали нации мира... Да, он явился, и вопрос уже не в том, как это было до сих пор в течение тысяч веков,—что нам делать с ним? Впервые в истории он не нуждается в нашей заботе». Профсоюзный рабочий стал вершителем своей судьбы. Твэн называет организацию «Рыцарей труда» спасителем человечества.

Прочитав в очередной раз Карлейля, признается Твэн

в письме к Хоуэлсу, он почувствовал, что все время ле-
веет. В 1871 году Твэн считал себя жирондистом, «каждый раз после этого я читал Карлейля иначе, меняясь
мало-помалу под влиянием жизни и окружения (и Тэна и Сен-Симона); и теперь я снова кладу книгу и чувствую,
что я санкюлот! И не бледный, бесхарактерный санкю-
лот, но Марат. Карлейль этому не учит, следовательно,
перемена произошла во мне, в моем понимании фактов».

Это было уже после событий 1886 года. Борьба за
восьмичасовой рабочий день к этому времени приняла са-
мый широкий характер. Предприниматели всеми силами
стремились подавить движение рабочих. На заводе Мак-
Кормика объявили локаут, несколько рабочих было уби-
то. Чикагские рабочие созвали митинг протеста. Во вре-
мя митинга провокаторы бросили бомбу. За это четверо
рабочих, виновность которых во взрыве бомбы никто и
не пытался доказать, были осуждены судом и повешены.

Среди тех, кто протестовал против казни невинных
людей, был Хоуэлс. Этот мягкий, робкий человек, пря-
тавший подальше некоторые из особенно резких писем
Твэна, боясь, как бы родные их не прочли, зачастую не
осмеливавшийся и сам их перечитывать, знал, что его
действия не придутся по вкусу большей части его чита-
телей. Но он не мог промолчать перед лицом «чудовищ-
ного извращения закона».

Твэн предпочел не выступать в печати. Его записка о
профсоюзах, посланная Хоуэлсу, также не предназнача-
лась для общего пользования. Действительные взгляды
Твэна на столь острые темы остались известны только
некоторым его близким друзьям. Между подлинными
взглядами и публичными действиями и высказываниями
знаменитого американского писателя наметилось значи-
тельное расхождение. Твэн отдавал себе в этом доста-
точно полный отчет. Он также превосходно сознавал, пе-
ред какой дилеммой стал незадолго перед тем его друг

Твичель во время предвыборной кампании, закончившейся избранием президента Кливланда.

В течение многих лет Твэн и его друг пастор Твичель были честными «республиканцами» и голосовали за Гранта и других кандидатов республиканской партии. В 1884 году съезд партии выдвинул кандидатом Блэйна. Многим видным республиканским деятелям фигура эта показалась одиозной, ходили слухи о финансовой нечестоплотности Блэйна. Все же большинство, в том числе и Хоуэлс, пришло к выводу о необходимости голосовать за избранника своей партии. Твэн решил переменить фронт и голосовать за Кливланда. Твичель и некоторые другие жители Гартфорда поддержали его. Твэн считал, что Твичель поступил неправильно. Сам Твэн мог позволить себе голосовать за Кливланда — его материальное положение не зависело от доброго к нему расположения республикански настроенных гартфордцев. Но Твичель был пастором церкви, где почти все прихожане «республиканцы». «Измена» пастора привела к тому, что Твичеля хотели уволить с работы.

Главная ответственность семейного человека, отметил Твэн, перед семьей, а не перед обществом. И все же этот вывод ему самому не мог не показаться ироническим. Твэну стало неспокойно. Мир, в котором возможна измена своим взглядам, — нехороший мир. Человек — самое злобное, презренное из живых существ, заявил Твэн в статье «Характер человека». Люди трусливы, жестоки, боятся следовать велениям своей совести. В мире нет независимости мысли и действий.

Эта статья не была закончена.

Однажды Твэн гулял со своей дочерью Сузи, умной, наблюдательной девочкой, начавшей писать детскую биографию отца. Сузи была обеспокоена тем, что отец забросил литературную работу. Но Твэн сказал, что все равно «собирается написать еще только одну книгу... он уже

написал больше, чем когда-либо думал написать, а единственная книга, которую он особенно стремился написать, заперта в сейфе внизу и еще не напечатана».

Речь шла о том же, лежавшем под спудом почти двадцать лет, путешествии капитана на небо.

Со всей энергией Твэн погрузился в работу по изда-нию автобиографии Гранта¹. Он убедил генерала передать готовящуюся книгу его фирме, пообещав добиться тиража в четверть миллиона экземпляров.

Надежды Твэна оправдались. Книга Гранта, героя гражданской войны, выходца из народа, вызвала огромный интерес. Грант командовал северными армиями в момент самого большого демократического подъема в стране, он возглавил военную победу «системы свободного труда». Грант снова был для читателей генералом, о демократичности которого рассказывали бесконечное число анекдотов, а не президентом США, виднейшим лицом в насквозь пропитанном коррупцией Вашингтоне. Тираж книги достиг неслыханной цифры — трехсот тысяч. Книга принесла семье Гранта почти полмиллиона долларов. Вот кто умеет издавать книги! Вебстер и Твэн — известнейшие издатели в мире. Теперь авторы засыпали их предложениями своих работ. Фирма отбирала только такие книги, которые могли пойти огромным тиражом. С особым энтузиазмом издатели взялись за выпуск «Жизни папы Льва XIII». Можно было рассчитывать, что такую книгу купит каждый католик. Изящно и обильно иллюстрированная, как гласил проспект фирмы Твэна и Вебстера, изданная с благословения самого папы, эта «шестидолларовая книга» пущена была в продажу всего за 3 доллара 75 центов. Вебстер с женой, племянницей Твэна, до выпуска книги специально посетили папу в Риме. Честные протестанты, они смиренно целовали

¹ Грант был восемь лет президентом США.

святую печать на кольце папы и рассказывали ему, какими методами работают крупные американские дельцы-издатели.

Твэн был доволен успехами своего издательского предприятия. Через семью Грантов он вошел в компанию по строительству железной дороги в Малой Азии и одновременно стал финансировать «величайшее изобретение века» — наборную машину Пэйджа.

В 1886 году Твэн начал писать новую книгу. Это должно было быть роман о том, как современный смелый, ловкий и вооруженный знанием техники американец попадает в средневековое государство и наводит там американские порядки. Но предпринимательская деятельность занимала почти все время, и роман вскоре был заброшен. Записные книжки Твэна полны подсчетов возможных прибылей. Машину Пэйджа приобретут типографии всего мира, за нее можно будет установить любую цену, машина принесет миллионы, десятки миллионов. Но изобретение никак не удавалось закончить; между тем расходы на него составляли несколько тысяч долларов в месяц. Твэн выглядел озабоченным.

Только летом 1888 года Твэн снова взялся за новое произведение. В его записной книжке имелся уже целый ряд заметок о ненавистной монархии, которую решил преобразовать ловкий янки из Коннектикута. «Королевский трон нельзя уважать. Он был в самом начале захвачен методами грабителя с большой дороги; он всегда остается преступным, не может быть ничем иным и является лишь символом преступления. Его следует уважать не больше, нежели пиратский флаг... Если скрестить короля с проституткой, то в результате получится то, что полностью соответствует английскому представлению о знати». В печать эти слова все же не попали — миссис Клеменс решительно запротестовала.

В книге «Янки из Коннектикута при дворе короля Ар-

тура» Твэн совершил вторую после «Принца и нищего» вылазку в лагерь врага, в лагерь феодализма и монархии. «Миссурийский демократ» пытает ненавистью к монархии и государственной церкви, он не понимает, как люди терпят над собой власть самодержца. «Первым евангелием всех монархий должно быть восстание; вторым — восстание; третьим, всеми евангелиями, единственным евангелием должно быть восстание — против церкви и государства».

С ужасом и негодованием Твэн говорит о том, как жилось крестьянам в феодальные времена, когда даже так называемые свободные люди находились в подчинении у феодальных князьков и у церкви. Монархия — это еще далеко не прошлое. Монархический режим существует в Англии, в Германии, в России, в Австрии, в Испании, даже в Америке — в Бразилии. Твэн подавляет романтику феодализма, «...его реминисценции, его поэзию, его мечты... саркастическим перечислением низости, грубости, проституции, подлости, анархии, бунтарства, очагами которых были романтические замки»¹.

Твэн показал законченную книгу друзьям. Они сочли ее слишком смелой и предложили кое-что удалить.

На этот раз Твэн вооружил своего героя — единоборца против феодальных порядков — не только сознанием американского мелкобуржуазного демократа, но и всей техникой современной Америки. Техника XIX столетия дает янки, пошавшему во сне ко двору короля Артура, неоспоримые преимущества в борьбе со всеми колдовскими ухищрениями враждебных рыцарей и волшебников тех времен. Твэн увлекается забавной идеей и переносит в эпоху Артура не только телефоны и велосипеды, но также игру в бейсбол, шляпы-цилиндры и ковбойское лассо. «Янки» — одно из самых неровных произведений Твэна, в нем много грубых шуток, сентиментальности, литератур-

¹ «К. Маркс и Ф. Энгельс об искусстве», стр. 85, изд. 1937 г.

ных трафаретов, резко снижающих художественные качества книги. Здесь нет и тени намека на то, что не все ладно в буржуазном мире XIX столетия, олицетворяемом преприимчивым янки. И все же Твэн сумел придать голосу коннектикутского фабричного мастера убедительные интонации стихийного демократа с Далекого запада, искреннего гуманиста, борца с мракобесием, против которого сам Твэн восставал всю свою жизнь.

«До того, как церковь заняла ведущее место в мире, люди были истинно людьми и высоко держали голову... церковь научила людей поклоняться и обоготворять аристократию», говорит Твэн. В противоположность Диккенсу и другим виднейшим представителям английской литературы, Твэн славославит «вечно памятную благословенную французскую революцию», которая смыла «тысячу лет злодейства одной быстрой волной крови». «Было два царства террора... При одном людей убивали в пылу страсти, при другом — бессердечно, хладнокровно; одно продолжалось несколько месяцев, другое — тысячу лет; одно принесло смерть десяти тысячам людей, другое — сотням миллионов. Но мы полны содрогания только по поводу всех «ужасов» меньшего террора, террора на мгновение, так сказать, в то время как разве можно сравнить ужас моментальной смерти с медленным умиранием на протяжении всей жизни от голода, холода, оскорблений, жестокости и душевных мучений?»

Твэн оправдывает и приветствует буржуазно-демократическую революцию. Нельзя отрицать следующего факта — что «ни один народ на свете не добился свободы только милыми разговорами и морализированием: безусловным законом является то, что все успешные революции начинаются на крови. Если история чему-либо учит, то именно этому».

Твэн приходит к выводу, что угнетенным жителям страны, в которую попал янки, не избавиться от их мук

МАРК ТВЭН за работой. (*Семидесятые годы.*)

МАРК ТВЭН в семидесятилетнем возрасте.

иначе, как «при помощи царства террора и гильотины». Но характерно, что механик из Коннектикута, представитель американской демократии восьмидесятых годов, не хочет руководить буржуазной революцией против короля Артура. «Я для них не тот человек», говорит он, несмотря на то, что признает справедливость революционного действия.

Твэн рисует картину жалкого, предательского поведения «свободных подданных короля Артура» по отношению к своим собственным интересам. Он проводит параллель между ними и «бедными белыми», которые жили на плантаторском Юге убогой жизнью голодных, презираемых людей, но во время гражданской войны стали на защиту унижавшего их общественного строя.

«Янки» — это славословие в честь страны, где нет аристократии, короля и государственной церкви. Это осуждение феодальных порядков и нравов мертвящего царизма, это также насмешка над теми буржуазными европейскими странами, которые погрязли в феодально-монархических формах государственной власти.

Зачем нужны короли? Ведь они не лучше и не нужнее каких-нибудь кошек. Если уж люди привыкли к наследственной монархии, почему не завести королевский дом кошек? «Они будут столь же полезны, сколько любой другой королевский дом, будут иметь не меньше знаний, обладать теми же добродетелями и теми же предательскими чертами... Они будут очень недороги и могут называться столь же пышно, как и настоящий королевский дом: «Кот VII или Кот XI или Кот XIV, милостью господа бога».

В «Янки» Америка превращается в мечту, в идеал, о котором коннектикутский мастер может только вздыхать. «Янки» — это утопия, и утопической страной Твэна является современная Америка. В тот период утопические романы выходили в Америке один за другим. Огромную

Известность получил утопический роман Беллами. Несколько раньше была опубликована «Утопия, история вымершей планеты» Криджа. Вскоре появился новый обильный урожай утопических романов¹. Это был непосредственный отклик на обострение классовых противоречий в Америке.

Перед лицом монархической Европы Твэн почувствовал себя воинствующим демократом. Он решил бороться с английскими монархическими влияниями, которые мешают американцам правильно оценить «бессмертные благодеяния» французской революции 1789 года. Когда английские издатели предложили выбросить кой- какие куски из издания «Янки», предназначавшегося для Англии, Твэн выразил категорический протест. Английская печать резко выступила против «святотатственной» книги Твэна. В письме к дружественному критику Твэн заявил, что это его не удивляет. Культурным светским людям не нравятся книги Твэна, они считают их вульгарными. Но ведь Твэн и не собирается писать для этих людей. «Я никогда, даже на мгновение, не пытался помочь культурному развитию культурных классов. Я не гожусь для этого ни по природным данным, ни по образованию. И я никогда не стремился к этому, но всегда гнался за более крупным зверем — за массами».

Впрочем, Твэн тут же торопится снизить значение своих слов. Он не претендует на то, что может «помогать культурному развитию» масс. Он стремится только «развлечь их... ибо учить их могут в другом месте».

Закончив «Янки», Твэн снова некоторое время не писал. Осложнения в делах заставляли его переходить от ярких надежд к отчаянию. «Желаю вам счастливого Рождества, — пишет он заведующему своим издательст-

¹ За период с 1884 по 1900 год в Америке было опубликовано сорок восемь утопических романов.

вом, — и я прошу бога, чтоб до моей смерти и у меня было хоть одно счастливое рождество».

Целый год прошел в заботах о машине Пэйджа. Казалось, что машина уже окончательно готова, но она все еще не работала, как нужно. Пришлось спешно искать компаньонов — денег нехватало. Твэн выбивался из сил, пытаясь доказать, что изобретение принесет десятки миллионов долларов прибыли. По ночам мешали спать будущие миллионы и повседневные заботы — как раздобыть денег. Ухудшились и дела издательства.

Надо выпускать новые и новые книги, писать статьи. Твэн порылся у себя в архивах. Тема была почерпнута из старой пьесы о том же многократно показанном короле мечтателей о миллионах — Селлерсе.

В новой книге «Американский претендент» нашли отражение некоторые мотивы, начавшие звучать в «Янки». Аристократическая Англия в лице юного лорда преклоняется перед Америкой, страной демократии. Книга была написана наспех. Художественная ценность ее очень невелика.

В 1891 году Клеменсы решили переехать на жительство за границу. Дом в Гартфорде был заколочен, некоторых из слуг отпустили. Поддерживать тот уровень жизни, который был установлен почти два десятка лет тому назад, когда Клеменсы переселились в свой гартфордский дом, нехватило средств. Твэну хотелось на время оставить Америку. Он принялся за статьи, родилась мысль о новой книге путевых записок.

Посетив Бейрут, Нюриберг, Гейдельберг, Швейцарию, Клеменсы обосновались на некоторое время во Франции. Твэн совершил путешествие в лодке по реке Роне. Он чувствовал себя превосходно вдалеке от тревог мира, от газет. «Совесть находится в состоянии дремоты, ленивого комфорта и полного счастья», писал он. Но даже на тихой Роне душа «миссурийского демократа» порой

вспыхивала пламенем ненависти. После осмотра старинных замков, построенных «небожными животными» — христианами, он вспоминал в письме к жене преступления, освященные христианской религией. Теперь «эти берега... заставляют презирать человечество».

Зимою в Берлине Твэн встретился за обеденным столом с Вильгельмом. Через несколько месяцев состоялось свидание с принцем Уэльским, будущим Эдуардом VII. Американский юморист понравился принцу. Клеменсы часто встречались с представителями знати. Твэн умел смешить своих собеседников.

Однажды, впрочем, Твэн заговорил в аристократическом кругу как человек Запада. Шла беседа о предках. Указывая на висевшую тут же картину суда над Карлом I, Твэн обратил внимание присутствующих на одного из судей. «Это мой предок», скромно сказал он.

В это же время Твэн сочинил неуважительный к религии рассказ о том, как он с архиепископом и евангелистом отправился в поезде на тот свет, как незаметно поменялся с архиепископом билетами и что из этого вышло. Миссис Клеменс, конечно, категорически запретила печатать это «ужасное» сочинение. Но Твэн перевел рассказ на немецкий язык — он напечатает его по-немецки, и Ливи об этом не узнает. В последнюю минуту, однако, мужество оставило Твэна, и он признался жене в задуманном преступлении — рассказ так и не был напечатан.

Клеменсам не сиделось на месте. Из Берлина они отправились во Францию, оттуда в Италию — Рим, Флоренцию. Затем Венеция, Швейцария, снова Германия. Казалось, это путешествие беззаботных американских туристов. Но всюду, куда ни ехали Клеменсы, их настигали сообщения о делах издательства. Летом 1892 года Твэну даже пришлось предпринять спешное путешествие в Америку, чтобы найти какой-нибудь выход из создавшегося трудного положения.

Твэн снова решил писать о Томе и Геке. Слава их была велика, читатели с нетерпением ждали новых рассказов об этих любимых героях. Все это время — в дороге, в гостиницах — он работал. Рассказ о пребывании Тома и Гека среди индейцев не удался. Тогда Твэн решил посадить Гека, Тома и негра Джима на воздушный шар — они совершат кругосветное путешествие. Был начат также рассказ об итальянских близнецах, родившихся со сросшимися телами. Эта тема имела, казалось, неограниченные возможности. Предположим, один из близнецов — член общества трезвости, а другой — пьяница, один — буйный, другой — скромный, один влюблен, другой... Явно, это «свежая идея... не похожая ни на что другое в литературе».

Твэн теперь стремился писать заведомо развлекательные книги, рассчитанные на нетребовательного читателя. В них он или использовал популярность любимых героев своих лучших книг — Тома и Гека, или выводил в основном образы эксцентрические. Высокий уровень реалистического художественного мастерства, достигнутый в «Гекльберри Финне», был снижен.

Так как рассказ о близнецах получался еще недостаточно смешным, Твэн перенес действие в родной Ганнибал, названный Досонз-Лэндинг, и в воображении его начали возникать образы людей, характерных для Ганнибала. Книга писалась, как обычно, без всякого плана. Твэн выдумывал действующих лиц, и они начинали жить своей собственной жизнью, разрешать собственные проблемы, ничего общего не имеющие с близнецами. Вот Вильсон, чудак Вильсон, преисполненный презрения к человечеству. Вильсон полюбился Твэну, постепенно он сделал его главным действующим лицом.

Вильсон приезжает в маленький американский городишко. Он — мыслящий человек, вольнодумец, он полон желания быть полезным своим соотечественникам. Но

жители Досонз-Лэндинг встречают Вильсона с тупой жестокостью. Это идиотичность арканзасской деревушки из «Гека», показанная изнутри. Рассказом о Вильсоне Твэн проложил путь для целой плеяды американских писателей.

Вильсона не понимают, он один против всех, этот американский Дон-Кихот. Ему бы нужно было уехать, но из гордости он остается жить в городке, приемля свою судьбу. Вильсон наблюдает жизнь американской провинции, в ней теперь нет подъема, нет надежды. Вильсон — пессимист, свои чувства он выражает в афоризмах своего календаря.

В дальнейшем в Досонз-Лэндинг происходит много необычайных событий.

У почти белой негритянки Рокси рождается сын еще более белый. Рокси няньчит родившегося в тот же день отпрыска одной из самых аристократических местных семей. Желая вырвать своего сына из рабства, Рокси переменила одежду детей. Теперь негр считается сыном и наследником белого богача и аристократа, а белый — его раб. Сына Рокси, Тома, балуют, портят. Он — трус, вор, бессердечный человек, негодяй. Неизвестно откуда и зачем в Досонз-Лэндинг появляются итальянские близнецы. У Тома начинаются с ними столкновения. Наконец, происходит убийство. Обвиняют в нем близнецов, но истинный виновник — Том. Разоблачает его «пустоголовый» Вильсон. Он же раскрывает тайну происхождения белого негра. Дело в том, что Вильсон уже много лет занимается новым малоизвестным делом — он коллекционирует отпечатки кончиков пальцев. Именно это позволяет ему установить, кто держал в своих руках нож, которым совершено было убийство, отпечатки кончиков пальцев рассказали и о подмене, совершенной Рокси.

Несмотря на то, что значительная часть книги «Пустоголовый Вильсон» построена на заведомо сенсацион-

ном материале, в ней есть страницы, написанные с большим подъемом в реалистически-сатирическом духе. Чувствуется такая горечь, какой до сих пор Твэн не знал.

В «Вильсоне» впервые в американской художественной литературе откровенно говорится о белых жителях Юга, которые приживают детей со своими рабынями-негритянками и затем продолжают считать своих отпрысков рабами, даже если по цвету кожи они белые. Ужасы рабства показаны порою несколько мелодраматично (сын продает мать в рабство), но сильнее, чем когда-либо раньше в произведениях Твэна, показаны гневно, с ненавистью. Жестокой иронией полны афоризмы Вильсона, напечатанные в качестве эпиграфов к главам книги: «Если вы возьмете голодную собаку и сделаете ее зажиточной, она вас не укусит. В этом главная разница между собакой и человеком».

В мире, где царит обман, где один другого топит, не стоит жить. В своих записных книжках Твэн отмечает: «...Спросите человека пятидесяти лет: если бы он умер, что он дал бы, чтоб его воскресили. Он не дал бы ни копейки». «Пустоголовый Вильсон» продолжает эту тему: «Все говорят — как тяжело, что придется умирать. Странная жалоба в устах людей, которым пришлось жить». «Кто жил достаточно долго, чтобы узнать, что такая жизнь, знает, как глубоко мы должны быть благодарны Адаму, первому великому благодетелю человечества. Он принес миру смерть». «Почему мы радуемся, когда узнаем о рождении человека, и печальны на похоронах? Потому что речь идет не о нас лично».

Клеменсы переехали на жительство во Флоренцию, на виллу Вивиани. Твэну понравился древний город, старинная вилла, построенная много столетий тому назад.

Он с восторгом описывал стены и башни замков, виднеющиеся вдалеке Флоренцию — собор, похожий на опустившийся воздушный шар, закаты, заливающие Флоренцию пурпурными и золотыми потоками. «Это самое прекрасное зрелище на нашей планете, самое очаровательное, более всего удовлетворяющее глаза и душу», отмечает Твэн. Здесь, вдали от современной Америки, он, казалось, нашел покой и счастье. «Дни и ночи тихи и полны покоя, эта удаленность от мира и его забот приносит удовлетворение, точно сон».

Во Флоренции Твэн много работал. Он начал писать о давно минувших днях, но на этот раз задумана была книга не осуждения прошлого, не карательная экспедиция современного американца в средние века. Твэн решил написать о великой народной героине Жанне д'Арк, книгу без иронии, книгу, утверждающую героическую личность.

Твэн бодрый, полный сил и энергии даже на склоне лет, Твэн, сын американского Запада середины XIX столетия, всегда искал положительного героя. Этим положительным героем на фоне молодой, агрессивной, полной веры в себя Америки был он сам в «Простаках» и «Закаленных». В более поздние, послевоенные годы, годы «позолоченного века», Твэн нашел этого героя в ребенке Томе Сойере, в недавнем прошлом Америки; Гек и Джим — тоже положительные образы, они наивны и простодушны, но их охватывает грусть и сострадание к человечеству, ибо жизнь вокруг них перестала быть гармоничной и радостной. В реальной Америке сегодняшнего дня Твэн не видит больше образцов героичности, гармонии, высокого жизнеутверждения. В поисках положительного образа Твэн обращается к истории. Его привлекает фигура народной героини Жанны д'Арк.

Со времени «Позолоченного века» ни одно крупное произведение Твэна не было посвящено современной

Америке. Во всем, что Твэн писал теперь, за исключением «Пустоголового Вильсона», действие вообще происходило вне Америки.

Литературная работа прерывалась деловыми заботами, связанными главным образом с машиной Пэйджа. Твэну пришлось для урегулирования дел специально ехать в Америку. Его встретили хорошо. Но Твэну стало грустно при встрече с Хоуэллом — он, бывший лоцман на Миссисипи, западный шахтер, американский журналист, счастлив только вдали от родины, во Флоренции. Что бы ни было на душе у Твэна, его знали как развлекателя, приглашали на званые обеды, ждали от него юмористических речей.

В Америке начался новый кризис. Фабрики закрывались, рабочих выгоняли на улицу. Твэн вернулся в Европу. Дела его пришли в плохое состояние. Требование банка немедленно оплатить долги поставило фирму Вебстер в крайне тяжелое положение. Над Твэном повисла угроза банкротства. Бессонные ночи. Он ходит из угла в угол. Миссис Клеменс в письме к сестре признается, что не знает, откуда возьмутся деньги на текущие расходы.

«Я ужасно устал от предпринимательских дел, — написал Твэн заведующему издательством, — освободите меня от них».

Но это невозможно. Кризис углубляется. Твэн не может вынести неизвестности — снова он едет в Америку.

Твэн обратился за деловым советом к своему новому знакомому Роджерсу, ведавшему финансами рокфеллеровской корпорации. Роджерс согласился помочь.

Репутация у треста «Стандард Ойл» была не из завидных. Мелкобуржуазный протест против грабительских методов нефтяной монополии нашел отражение на страницах американских журналов. В кругу руководителей треста Роджерса считали одним из самых культурных людей. На его долю выпала обязанность установить дру-

жеские отношения с литературой, с журналистами, чтобы помешать углублению разоблачительных кампаний против «Стандард Ойл». Среди крупнейших писателей не было принято отклонять приглашения на званые обеды к богачам, пытавшимся играть роль покровителей искусств. Писатель, выходец из среды небогатых фермеров, Гамлин Гарланд, вспоминая подобные обеды у заводчика Карнеги, писал: «Меня больше всего тревожило убеждение в том, что миллионер может приказывать таланту, и талант подчиняется».

Фирме Вебстер предложили выпустить книгу, разоблачающую махинации магнатов «Стандард Ойл». Но ведь Роджерс, который «пытается спасти от голода» Твэна, — один из магнатов «Стандард Ойл». «Ты знаешь меня, — писал Твэн жене, — и ты поймешь, хочу я издать эту книгу или нет». Твэн заявил, что вообще не собирается больше издавать книги.

Банк решительно потребовал уплаты долга. Речь шла об относительно небольшой сумме, но денег у Твэна не было. Роджерс обещал подумать. Наконец, он дал совет — объявить банкротство. На следующий же день фирма Чарльз Л. Вебстер и К° была закрыта.

Одно радовало Твэна — наконец-то покончено с предпринимательскими делами, с тем, что мучило Твэна на протяжении многих лет жизни. «Никто не подозревает, какая тяжесть свалилась с меня», написал он жене.

Через некоторое время Роджерс уведомил, что нужно отказаться от всяких надежд и на машину Пэйджа. Сообщение Роджерса, говорит Твэн в одном письме, «ударило меня точно громом. Оно вышибло весь разум у меня из головы, и я начал бегать взад и вперед, не зная, что я делаю». Твэн был разорен.

Именно в эти месяцы мучительных тревог и волнений Твэн больше всего работал над книгой о Жанне д'Арк. Он забывался над рукописью. Он знал, что пишет сов-

сем не такую книгу, какую ждали от юмориста. Он писал о героической борьбе и великой трагедии, историю «души, которая была беспримерно свободна от какого-либо корыстолюбия, эгоизма, и тщеславия». Он писал о Жанне д'Арк потому, что «в ней вы не найдете и следа этих побуждений, а разве можно сказать то же самое о каком-нибудь другом деятеле всемирной истории?». Все, что касалось Жанны д'Арк, лишенной пороков капиталистического общества, было бесконечно далеко от страны «позолоченного века», в которой Твэн теперь не видел никого, кроме мелких жуликов и крупных хищников, глупцов и негодяев.

Жанна совершила ряд беспримерных подвигов, на которые не был способен ни один министр или полководец ее страны. Чем объясняет Твэн ее успехи? «Она была крестьянка. Этим объясняется все. Она вышла из народа и знала народ; те, остальные, вращались в сферах более высоких и об окружающем знали не много. Мы не привыкли считаться с этой неопределенной, бесформенной, неподвижной массой, с этой могучей силой низов, которую мы называем «народом» — почти презрительное имя. Странно такое отношение, ибо мы, в сущности, знаем, что прочен только тот престол, который поддерживается народом; стоит устраниТЬ эту опору — и ничто в мире не предохранит трон от падения».

«Для Карлика (одного из героев романа. — М. М.) Жанна была сама Франция — воплощение народного духа; он всегда оставался при этой мысли, которая зародилась в нем с первой же встречи; и — бог свидетель! — эта мысль была глубоко правдива. Скромное око увидело истину, которая ускользала от многих... А между тем, в конце-то концов, так бывает с каждым народом. Когда народ любит нечто великое и благородное, то он старается олицетворить свою любовь — он хочет созерцать ее воочию. Например — свободу. Народ не удовлетворяется

туманной, отвлеченной идеей свободы, но воздвигает ей прекрасную статую; и тогда его заветная мысль получает телесные формы, так как он может созерцать ее и богоотворить. Так было и с Карликом: в его глазах Жанна была воплощением нашего отечества; живой и прекрасный образ олицетворял нашу страну. Когда она вела за собой других, все видели Жанну д'Арк, но он видел Францию».

С безошибочным чувством писателя, которому близок народ, Твэн разобрался в бесконечных искажениях исторической роли Жанны д'Арк и создал правдивый облик этой великой девушки, вдохновленной на легендарные подвиги силой любви к своей замученной и поруганной родине. Такого привлекательного героического женского образа история не знает. Велик и необычен был ее короткий жизненный путь. Наивная религиозность девушки не играла большой роли, двигала ею всепоглощающая вера в справедливость ее дела. Эта вера давала ей неподъемные силы, а прирожденная одаренность и смятение в рядах противников Франции помогли ей проводить свои походы с неизменным успехом. Она стремилась к тому, чего добивался весь народ, и она повела народ, возглавила его движение. Политике Франции была придана определенность, устремленность и ясность.

Твэн иногда думал: почему же теперь угнетенные, голодные, несчастные не пойдут войной на тех, кто их угнетает? А сам он, почему он не подымает флаг восстания против существующих в мире порядков?

В записную книжку Твэн заносит слова: «Самое странное, что свет не завален книгами, которые высмеивают жалкий мир, бесполезную вселенную и буйный презренный род человеческий, книгами, которые бичуют весь этот убогий порядок вещей. Это странно, ибо миллионы людей ежегодно умирают с этими чувствами в сердцах.

Почему я не напишу такую книгу? Потому что у меня семья. Другой причины нет. Это явилось причиной и для других людей».

Высок был замысел Твэна. Он правильно разобрался в сложной исторической обстановке, но с точки зрения психологии характеров, художественной убедительности роман этот нельзя назвать удачным. Детство Жанны дано в несколько идиллических тонах. Как правильно почувствовал верный друг Твэна Хоуэлс, сцены битв и старинных обычаев искусственно романтизированы. Книга не лишена некоторой сентиментальной напыщенности.

Наибольшую реальность в этой книге приобретают образы, которые перекликаются со знакомыми Твэну героями Дальнего запада. Таков Паладин — типичный рассказчик-враль с «границы». «В его словах не было сознательной лжи, он верил сам всему», говорит Твэн.

Когда Паладин передавал подробности приема у короля, на котором вовсе не присутствовал, то в его рассказе — в полном соответствии с обычаями Запада — четыре серебряных трубы превратились в двенадцать, затем в тридцать пять и, наконец, в девяносто шесть. Тот же Паладин непрочно осуществить «практическую шутку» в издевательском «западном» духе. Когда Ноэль читает чувствительное стихотворение, Паладин мычит, притворяясь, что плачет, и вызывает смех.

В Паладине есть что-то даже от Крокета. Ведь недаром говорят, что когда Паладин «хмурился, то тень его чела доходит до самого Рима, и куры усаживаются на насест часом раньше предписанного времени».

Вскоре Твэна опять вызывали в Америку. Ему было сделано предложение, которое должно было разрешить вопрос об оплате долгов, оставшихся после банкротства, — совершив лекционное турне вокруг света. Твэн уже много раз думал, что с «лекциями» покончено, что

ему не придется больше уничтожаться, выступать в роли комедианта...

В Гартфорд Клеменсы не вернулись; дворец попрежнему оставался необитаемым. Твэн чувствовал себя плохо — у него появились мучительные нарывы. Лежа в постели, Твэн, который органически не мог долго останавливаться мыслями на неприятностях, всей душой любивший веселье, детские забавные игры, с грустью думал о своей жизни. У него, опытнейшего, лучшего в мире мастера эстрады, появилось чувство неуверенности в себе, он стал бояться провала. Это была трагедия. Надежды, идеалы американства рассыпались. На старости лет, когда полагается пожинать результаты трудов всей жизни, Твэн оказался необеспеченным, таким же бедняком, таким же неудачником, как в Неваде.

Начались утомительные поездки из одного города в другой. На Северо-западе, еще недавно совсем пустынном, Твэн радовался зрелицу «хлебного моря». В этом есть «покой океана и глубокое удовлетворение, небесное чувство простора, где не должно быть мелочности, маленьких мыслишек и раздражений». На Великих озерах он жадно глядел на маленькие летние домики вдоль берегов, на веселых людей, счастливые семейные картины.

В семье Клеменсов не было радости. В турне отправлялись Твэн, Оливия и одна из дочерей — Клара. Сузи хворала, решено было оставить ее в Америке вместе с младшей дочерью. Разлука с детьми была тяжела. Сузи казалась Твэну наиболее многообещающей из дочерей, у нее подлинный литературный вкус, хороший голос.

На западном побережье Канады окончилось турне по Америке. Перед отъездом с американской земли Твэн сделал заявление для газет, в котором сказал, что оплатит полностью долги, хотя по закону и не обязан этого делать.

Твэну уже было почти шестьдесят лет.

ВЕЛИКОЕ ОРУЖИЕ—СМЕХ

Из Канады Клеменсы отправились в Австралию, из Австралии в Новую Зеландию, оттуда на остров Цейлон. Затем Индия, снова Цейлон и Южная Африка. Твэн чувствовал себя больным. Состояние его улучшалось только во время длительных морских путешествий. На океане он был лицом к лицу с могучей, величественной природой.

Всюду Твэна встречали восторженно, залы были полны. Он читал отрывки из «Простаков», «Тома» и «Гека», а также рассказывал анекдоты, например про непослушную лошадь. В программу иногда включалась знакомая с детства негритянская страшная история о пропавшей «золотой руке». Нужно было умело выдержать паузу в конце и, уставившись в какую-нибудь робкую девушки, вдруг вскрикнуть: «У тебя моя рука!» — девушка вздрогнула от испуга. Популярностью пользовался рассказ про арбуз, который Сэм в детстве стащил на чужом баштане. Когда оказалось, что арбуз зеленый, Сэм вернулся к хозяину. В награду за «честность» он получил другой, спелый арбуз.

Когда, наконец, пришел долгожданный момент и турне было окончено, Клеменсы вернулись в Лондон. Сюда должны были приехать и оставшиеся в Америке дочери. Но пришло несколько телеграмм, глухо сообщавших о болезни Сузи. Жена и дочь Клара спешно выехали в Америку. Через три дня получилось известие, что Сузи умерла.

Какая-то газетка пустила слух, что престарелый юморист Твэн брошен своей семьей и остался без средств. Крупнейшая американская газета «Геральд» начала сбор денег в пользу Твэна. Карнеги пожертвовал целую тысячу долларов. Но до этого дело еще не дошло, сообщил Твэн печати, семья его не бросила. Правда, он устал

от долгов, но пока в пожертвованиях не нуждается.

Вышли книги о Жанне д'Арк и о похождениях Тома Сойера в пустыне Сахаре и в Египте («Том Сойер за границей»), а также о его приключениях в качестве сыщика. Вся история о путешествии в пустыню была рассказана, пожалуй, только ради нескольких шуток. Но даже в этом растянувшемся анекдоте имеются сильные сатирические строки. Том Сойер показан милым ловким парнем, прославляющим «здравый смысл», обычные нормы поведения рядового американца. Конечно, это у Тома родилась мысль набрать песку в корзину воздушного шара, чтоб затем разбогатеть, продавая «настоящий песок из настоящей Сахары по 10 центов баночка». В противовес Тому, устами Гека и негра Джима, его компаний по путешествию, говорит народная мудрость. Подобно Иванушке-дурачу и Гансу-простаку, Гек и Джим своими простецкими вопросами походя разрушают сложные построения лжи, предрассудков, лицемерия.

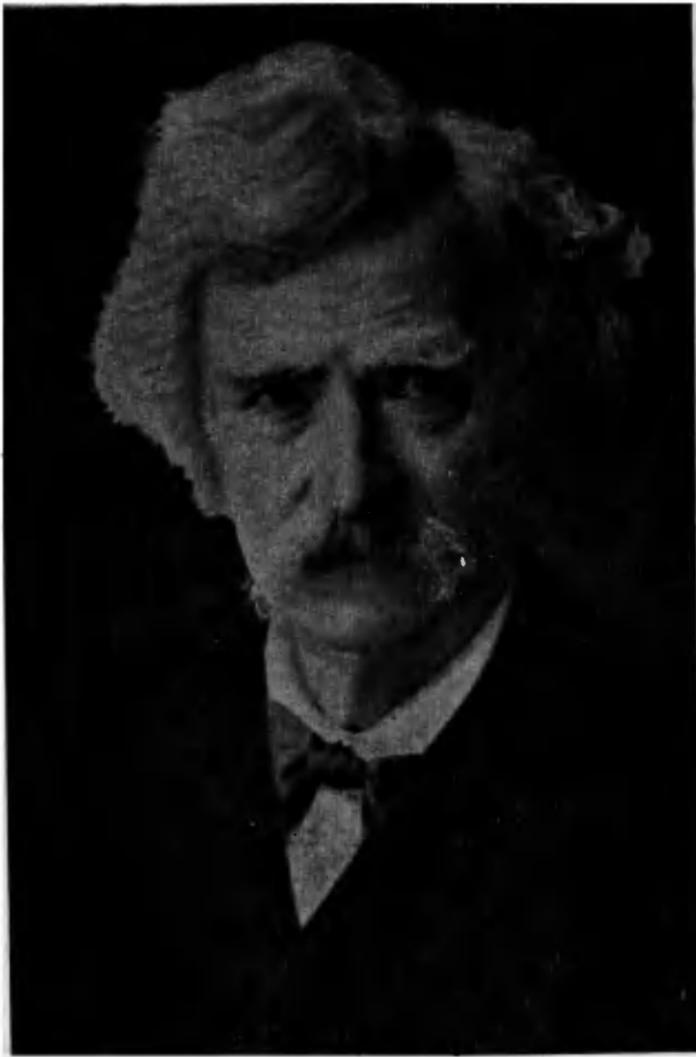
Романтик Том предлагает устроить крестовый поход. Гек не знает, что это такое. «Наш долг», объясняет ему Том словами, почерпнутыми из книжек, «захватить святую землю». Но Гек этого не может понять. Языком простого, неученого фермера он говорит о том, что на «святой земле» живут другие люди и нельзя отбирать у них земли, подобно тому, как нельзя лишать фермеров их ферм.

Все попытки Тома разъяснить, что этот вопрос ничего общего с фермами не имеет, что «это вопрос религии, нечто совсем другое», не могут поколебать уверенности Гека и Джима. Если уж убивать людей, дабы отобрать у них землю, то почему бы, говорят они, не начать с соседей, живущих за рекой?

Гек и Джим — люди народа — становились Твэну все ближе в этом меняющемся мире, мире захватчиков чужой земли, чужого достояния.

МАРК ТВЭН диктует автобиографию.

МАРК ТВЭН в последние годы жизни.

К концу XIX столетия по численности населения Соединенные Штаты перегнали все европейские страны, кроме России. Национальное богатство США уже превысило национальное богатство Англии, хотя всего полвека тому назад оно составляло только треть английского. Промышленность Соединенных Штатов достигла величайшего в мире уровня. Американская земля рождала сельскохозяйственные продукты в поразительном изобилии.

Морган, Рокфеллер и другие богачи все в большей степени становились заправилами американского хозяйства. Имя Моргана, начавшего создавать величайший в мире стальной трест, человека, в руках которого, по словам ораторов из оппозиционной партии, президент Соединенных Штатов был только глиной, высоко поднялось над американским горизонтом. Заводы, фабрики находились в руках акционерных обществ, богатейших корпораций, создававших совместно с банками монополии, грозную концентрацию капитала.

Капитализм все глубже проникал и на ферму. К концу столетия уже весьма значительная часть фермеров работала на арендованной земле. Издольщина, отработочная система распространялись все шире из года в год. Те, кто владели еще фермами, закладывали и перезакладывали свое имущество. Как показал Ленин, капиталистический характер земледелия в США выразился также в росте применения наемного труда, в вытеснении мелкого земледелия крупным, в расширении удельного веса высококапиталистических хозяйств с очень интенсивным производством. В начале нового столетия в Америке «Больше половины всего земледельческого производства страны... сосредоточено в руках около 1/6 доли капиталистических хозяйств...»¹ На до-

---

¹ Ленин, Собр. соч., т. XVII, стр. 630, изд. 3-е.

лю почти $\frac{3}{4}$ всего числа ферм приходилось только 22 процента всей суммы производства.

На фермах теперь жили не обеспеченные землевладельцы, а арендаторы или люди, заложившие свои фермы, измученные растущими долгами, от которых никогда не освободиться. На головы капиталистов и их слуг в Конгрессе Соединенных Штатов и в Белом доме сыпались проклятия. Фермеры поддерживали движение за выпуск серебряных денег, за широкую эмиссию. «Не распинайте человечество на золотом кресте», кричали последователи демократа Брайана, безуспешно протестуя против золотого стандарта, «здоровых денег», роста долгов в пересчете на стоимость продуктов, которыми фермеры должны их оплачивать.

Сторонников установления единого подоходного налога, фермеров, ищущих справедливости, бастующих рабочих называли революционерами. Все реакционные силы страны, включая Верховный суд, были призваны на защиту крупного капитала. Еще в 1894 году один из членов Верховного суда многозначительно заметил, что «теперешние нападки на капитал — это только начало».

Чтобы окончательно расплатиться с долгами, Твэн принялся за новую книгу о недавно законченном кругосветном путешествии. Снова вспомнилось старое требование Блиса — книга должна быть веселой. Но на душе было горько. Мысли о человеке принимали все более мрачный характер. В книге «По экватору» Твэн поместил ряд новых афоризмов из «Календаря пустоголового Вильсона», с этими афоризмами перекликались и мысли, занесенные в записную книжку. «Все человеческое патетично, — написал Твэн, — даже юмор имеет своим тайным источником не радость, а горе. На небе нет юмора».

Все сильнее начинала звучать тема презрения человека к самому себе.

Оказалось, что заслуживает осуждения не только «род человеческий» в целом, со всеми его слабостями и грехами, но также каждый отдельный человек. Вильсон уже не мог себя чувствовать героем, поступающим правильно вопреки своему окружению, нет, он — и Марк Твэн вместе с ним — убедился, что он тоже достоин презрения. «Когда люди не уважают нас, мы сильно обижаемся, но в глубине души никто себя не уважает». Разлад между мыслями и действиями, который Твэн ощущал уже давно, начал мучить все больше. «Если глубоко и честно заглянуть к себе в сердце, то нужно признать, что человек видит в роде человеческом только себя самого. Байрон презирал человечество, потому что он презирал самого себя. Я чувствую то же, что и Байрон, и по той же причине».

«Мы можем добиться одобрения других, если будем поступать как следует... но собственное наше одобрение ценнее во сто раз, а способа его добиться — не найдено».

Твэн отчасти объяснил причину и своего внутреннего разлада, когда сказал: «Слава богу, в нашей стране мы имеем три необычайно драгоценные вещи: свободу слова, свободу совести и осторожность, которая не позволяет нам пользоваться этими свободами».

По-иному Твэн начинал оценивать и далекое, когда-то казавшееся безоблачно-радостным, прошлое довоенных лет на Миссисипи.

В Индии Твэн был свидетелем сцены избиения туземца. Это ему напомнило, как относились много лет тому назад к рабам-неграм на его собственной родине. «Человек — единственное животное, которое краснеет от стыда и которому следует краснеть», записал Твэн. И это говорил самый оптимистичный, самый веселый писатель XIX века.

Отношения с окружающим миром разлаживались всё больше. Твэн пытался скрыться от людей, от лживых газет. Весь мир обошла фраза Твэна, сказанная, когда распространился слух, что он умер: «Сообщение о моей смерти сильно преувеличено». Газеты умолчали о том, что в кармане молодого репортера, посетившего дом Твэна, была телеграмма: «Если Марк Твэн очень болен, пишите пятьсот слов. Если умер, пишите тысячу».

После окончания книги о кругосветном путешествии Твэн составил для газет несколько очерков о юбилее королевы Виктории, начал писать, но так и не закончил книгу о дальнейших приключениях Тома и Гека, начал работать над рассказами.

Попрежнему миссис Клеменс продолжала пропускать через свою цензуру работы старого писателя. «Я окончил книгу вчера, и мадам изъяла из нее эту часть», пишет он другу. Миссис Клеменс не понравилось, что в своей книге Твэн рассказывает, как его отец избивал негра. На полях рукописи под замечаниями жены Твэн написал: «Выкинул, и отец мой обелен». Ей не понравилось несколько смелых выражений, и Твэн укоризненно заметил: «Ты постепенно лишаешь силы английский язык, Ливи».

Умер мечтатель Орион, так ничего и не добившийся в жизни.

Клеменсы продолжали жить в Европе. Когда в Швейцарию приехал негритянский хор, исполнявший народные песни, знакомые Твэну с детства, он был потрясен. «В этих песнях Америка произвела наиболее совершенный цветок столетий», писал Твэн Твичелю.

Но в Америку конца XIX столетия Твэна не тянуло.

Попрежнему на поклон к Твэну приходили самые известные люди, попрежнему его приглашали к себе короли и принцы. Но на душе у этого милого, любезного и такого живого старика-юмориста было очень не спокой-

но. Часто Твэн вспоминал об изобретенном им «способе» уничтожить сразу все человечество — нужно только на две минуты удалить из воздуха кислород.

Теперь Твэн меньше всего был склонен проявлять терпимость к религиозному ханжеству, над которым он издевался на протяжении всей своей жизни. Прочитав книгу об опытах над поведением муравьев, Твэн записал данные «экспериментов» по поводу взглядов муравьев на религию. Если сделать миниатюрные храмы, иронически писал Твэн, по одному для каждой религии, и затем положить в один храм немного смолы, в другой скипидару, а в христианский храм кусочек сахара, то все муравьи немедленно проследуют в христианский храм, несомненно предпочитая эту религию всем другим.

Твэн выражал в своей записной книжке особую ненависть к миссионерам, создающим вокруг себя обстановку «неискренности и лицемерия», являющимися носителями империалистической политики «коронованных грабителей». Он протестовал против неполноты отделения церкви от государства в Америке — ведь церковное имущество освобождено от налогов, и «неверующий, атеист и человек без религии облагаются податями для того, чтобы покрыть образующийся дефицит в общественном доходе». Церковь мешает прогрессу, говорил Твэн, она стоит на пути науки и справедливости. «Все, что церковь проклинает, — находит спасение, все, против чего она выступает, — начинает процветать, как, например, антирабовладельчество и эволюция».

С восторгом Твэн вспоминал антирелигиозные анекдоты, например о пресвитерианском святом, который купил дешевый билет в оба конца, дабы совершить экскурсионную поездку из рая в ад, и вот ему никак не удавалось сбыть с рук свой обратный билет. «Если бы Христос явился теперь сюда, во всяком случае он не был бы христианином».

Окружающая действительность вызывала в Твэне резко отрицательное отношение. В одном письме к Хоуэлсу Твэн сказал: «Я читал утреннюю газету. Я делаю это каждое утро, превосходно зная, что найду в газете обычную развращенность и низость, и лицемерие, и жестокость — все то, что является составной частью цивилизации и заставляет меня остальную часть дня вымаливать проклятие человечеству».

В 1898 году Твэн написал один из своих лучших, наиболее сильных и содержательных рассказов: «Человек, который совратил Гэдлиберг». В этом рассказе Твэн едко высмеял буржуазную псевдочестность, ханжество. Твэн вывел на чистую воду «неподкупность» святош из Гэдлиберга, которые в действительности оказались самыми отъявленными мошенниками. Гэдлиберг — отвратительный городок, насквозь пропитанный лицемерием. «Идите и исправьтесь, не то... когда-нибудь за свои грехи вы умрете и попадете в преисподнюю или в Гэдлиберг — лучше постарайтесь в первую», говорит местный «Бильсон», такой же затравленный окружением герой-одиночка, как «пустоголовый» сочинитель афоризмов из Досонз-Лэндинг. В рассказе «Человек, который совратил Гэдлиберг», Твэн явно стремится высмеять все человечество, но острые сатиры попадает поциальному адресу — в «лучших людей» города, богатых, самодовольных и глубоко бесчестных.

К началу XX века «монополистские союзы капиталистов... получили полное преобладание в передовых странах...»¹. Америка была первой страной, которая прошла этот путь. Число трестов в США к началу века достигло ста восьмидесяти пяти. Господство финансового капитала стало фактом. Вместе с ростом монополистического капитала, все более откровенные формы

---

¹ Ленин, Собр. соч., т. XIX, стр. 170, изд. 3-е.

начинала принимать политика империализма, борьба за земель, источники сырья и рынки сбыта.

В апреле 1898 года во всей мощи своих ресурсов Америка вступила в войну с Испанией, одним из самых слабых государств в Европе. Херст и Пулицер, короли желтой прессы, подняли волю в своих газетах о необходимости помочь угнетаемым Испанией несчастным жителям острова Куба. Твэну, как и миллионам других читателей газет, казалось, что действительно началась война за освобождение угнетенного народа. В письме к Твичелю Твэн писал: «Я никогда не получал от войны такого удовлетворения... как от этой, потому что это самая стоящая война, которая когда-либо имела место».

Пока демократы наивно восторгались благородными побуждениями американской войны с Испанией, а президент США Мак-Кинли в официальных декларациях писал, что «насильственная аннексия... была бы преступной агрессией», такие государственные деятели, как Теодор Рузвельт (тогда заместитель министра по военно-морским делам) и виднейший руководитель республиканской партии Лодж, в частных письмах указывали на необходимость уделить основное внимание принадлежащим Испании Филиппинским островам на Тихом океане. С Кубой торопиться нечего, главные силы должны быть посланы именно в Филиппины, говорили они. Через несколько недель после начала военных действий американский флот разбил испанскую эскадру на Тихом океане; в августе была взята Манила, столица Филиппинских островов. Еще до этого был захвачен Порто-Рико. Мак-Кинли еще как будто несколько колебался в оформлении империалистической политики, но Лодж в письме к Рузвельту говорил: «Если только я глубоко не ошибаюсь, администрация уже полностью поддерживает большую политику, которой мы оба желаем». Вслед за тем Лодж писал: «Они во всяком случае сохранили Манилу, кото-

рая является большим приобретением и именно потому что передаст в наши руки торговлю на Востоке».

Прошло несколько дней. После молитвы Мак-Кинли получил, наконец, «божье указание». «Нам ничего не оставалось, — заявил он, — как взять их всех и воспитать филиппинцев, и поднять их, и цивилизовать, и превратить их в христиан». При этом, конечно, он учитывал и «комерческие возможности, к которым американские государственные люди не могут быть безразличны».

Примерно в это же время были окончательно присоединены к США Гавайские, или Сандвичевые, острова. Уже к 1895 году гавайцам принадлежало менее трети всей земли на островах и только одна пятнадцатая часть промышленности и торговли. Две трети сахарных плантаций уже находились в руках американцев.

В феврале 1899 года на Филиппинских островах началась вооруженная борьба между обманутыми повстанческими войсками, дравшимися против испанцев в надежде добиться независимости своей страны, и американскими оккупационными силами. Борьба приняла затяжной характер.

Когда оказалось, что Соединенные Штаты решили захватить Филиппины, Твэн был потрясен до глубины души. «Америка запятнала флаг», сказал он друзьям. Он был демократом в мире, который все больше накалялся огнем империалистических войн.

Осенью 1899 года началась война англичан с бурами. Теперь Твэн нисколько не сомневался в империалистическом характере этой войны. «...Это убийство, и Англия совершила его руками Чемберлена¹ и кабинета лакеев, Сесила Родза и его сорока воров, южноафриканской компании. Между американским захватом Филиппин и действиями англичан в Южной Африке есть прямая связь».

---

¹ Джозефа.

В письме к Твичелю в январе 1900 года Твэн сказал: «Очевидно, мы не собираемся освободить филиппинцев и отдать им острова, и, очевидно, мы не намерены повесить попов и конфисковать их имущество». В этом же письме он подчеркнул, что «цивилизация буров» лучше английской. «Мое представление о нашей цивилизации таково, что это скверная, убогая штука, и она полна жестокости, тщеславия, высокомерия, низости и лицемерия».

Мысленно Твэн все время сочинял — как он признался в письме к Хоуэлсу — резкие статьи против преступной, постыдной войны, которую англичане затеяли против буров. Однажды Твэн даже изложил свои взгляды на бумаге — он решил послать анонимную статью в лондонскую газету «Таймс», но в последнюю минуту все же не отправил.

Жизнь стала сложней, чем когда-либо. Твэн чувствовал необходимость в ней разобраться. Во время пребывания в Австрии Твэн начал работать над двумя философскими трудами. Он подошел к ним, как подлинный человек американского Запада, самоучка. Он и не подумал ознакомиться с тем, что накопила в течение веков философская мысль человека. Он начал создавать философию жизни заново. Первый труд должен быть его «евангелием», в нем он решил высказать свои взгляды на человека, показать, что в человеке нет ничего божественного. Миссис Клеменс ужаснулась и заявила категорически, что печатать «евангелие» она не позволит.

«Что такое человек?» спрашивал себя Твэн и отвечал: это просто машина, более тонкая и сложная, чем какой-либо станок, но все же подчиненная «закону всех машин», который гласит, что машину может пустить в действие только внешняя сила. «Ни один человек не может ничего породить. Все его мысли, его импульсы приходят

со стороны». Мозг человека «работает автоматически... Он не может собой управлять, его владелец не может им управлять». Из этого следует, что человек — дурно он поступает или хорошо — никак от себя не зависит. Добрый поступок по существу эгоистичен, человек совершает его, чтобы удовлетворить себя самого. Если человек оставляет семью и идет в битву, то это лишь потому, что он больше любит одобрение соседей, нежели покой.

Твэн стремился разоблачить поповские разговоры о чистом самопожертвовании, о свободе воли, их приторные сказки о трогательных добрых поступках. Но по существу получилось так, что Твэн отрицает и способность людей самоотверженно бороться за передовые общественные идеи, он обрекает их на пассивность, заранее оправдывает измену общественным интересам ради личных, — оправдывает откровенно оппортунистическое отношение к действительности.

Старик из книги «Что такое человек», трезвый, умироворенный старик, вовсе не опечален своим открытием всечеловеческого эгоизма. Ведь все равно дурное и хорошее настроение зависит не от чего иного, как от темперамента. Зная печальную правду о себе, о человечестве, можно остаться жизнерадостным.

Твэн, однако, не был в состоянии придерживаться выводов своей собственной философской системы. Ему было тяжело и горько, его угнетало недовольство другими и собой.

В письме к Хоуэлсу он сказал: «С тех пор, как я написал свою библию, которую миссис Клеменс ненавидит, от которой ее берет дрожь... с тех пор человек не кажется мне, как раньше, достойным уважения: и я перестал гордиться им, и я не могу писать о нем весело и хвалебно. И я не собираюсь это делать. Я буду продолжать писать, ибо это мое главное развлечение, но я не

буду много печатать (ибо я не хочу, чтоб с меня содрали шкуру...».

У Твэна собралось много неотправленных адресатам писем, писем, которые были написаны только для того, чтобы отвести душу. В них Твэн смог выразить весь гнев; он даже сочинил специальное предисловие к неотправленным письмам. Твэн писал теперь не только письма, но и статьи, и рассказы, и целые книги, не предназначавшиеся для печати.

Без всякой мысли об опубликовании Твэн написал вторую свою философскую работу — о таинственном незнакомце. Это повесть о сатане. Место действия — средневековая Австрия. Как понять жизнь? — спрашивает Твэн. Как увязать те факты, что «бог, который может сотворить хороших детей так же легко, как и плохих, все же предпочитает создавать плохих, что он мог бы сделать всех счастливыми, тем не менее никого счастливым не делает... Бог говорит о справедливости и изобрел ад... говорит другим о морали и сам ее лишен, неодобрительно смотрит на преступления и сам же их совершают..» Как все это понять? Глубоко укоренившиеся представления о боже, приобретенные Твэном в детстве, крошились, распадались, но оставляли болезненные следы.

«Таинственный незнакомец» — это камера ужасов, это пессимизм, доведенный до исступления. Сатана, появляясь в маленькой деревушке, показывает, как гнусна действительность, как бесчеловечны люди. Еретики, сжигаемые на кострах, истязания, пытки и тюрьмы, грязь, голод, предательство друзей, рабское отношение к власть имущим, к жизни — снова перед читателями те же особенности феодализма, против которых боролись Том Кэнти и янки из Коннектикута. Но в более ранних книгах Твэна были положительные герои, там ужасам monarchy, феодализма противопоставлялись гуманизм, аме-

риканская демократия, весь ход истории. Сатана — герой «Таинственного незнакомца» — существо, которому ничто не дорого, который не собирается ничего переделывать на новый лад.

Сатана открывает перед читателем мучительную картину истории вселенной, от Каина и Авеля до Египта, Греции, Рима и современной «христианской цивилизации». Сатана признает, что за эти тысячелетия человечество достигло успехов, но только в искусстве убийства.

«Вы замечаете, — сказал он, — что вы неустанно идете вперед. Каин совершил свое убийство палкой. Иудеи убивали пиками и мечами. Греки и римляне добавили латы и искусство военной организации и командования; христианин прибавил ружья и порох; через несколько столетий он настолько усовершенствует смертоносную силу своего оружия, что все люди признают — не будь христианской цивилизации, война до конца бы оставалась жалкой и ничтожной».

Только безумные могут быть счастливы, говорит дальше Сатана. «Неужели ты столь ненаблюдателен, что не понял до сих пор, что нельзя сохранить разум и в то же время быть счастливым?

Человек в здравом разуме не может быть счастливым, потому что он видит действительность и знает, насколько она страшна».

Америка Твэну не представлялась больше спасительным оазисом в мире неизжитого феодализма. И это означало для Твэна, что в мире не оставалось того, ради чего стоило жить.

Сатана говорит в заключение: «То, что я открыл вам, — все правда; не существует ни бога, ни вселенной, ни человечества, ни земной жизни, ни рая, ни ада. Все это сон — чудовищный и глупый сон».

В условиях империализма мелкобуржуазный демократ

Твэн со всей остротой почувствовал, что вокруг него находится нестерпимо враждебная действительность. Буржуазная демократия окончательно обманула надежды, а сил, которые могут установить новый, более справедливый порядок вещей, построить жизнь иначе, быть источником радости, укрепить чувство человеческого достоинства, по-иному объяснить мироздание, — сил пролетариата, Твэн не видел.

В этом сказалась ограниченность Твэна, как и всего буржуазного гуманизма. Разочаровавшись в буржуазном обществе, Твэн перенес свое разочарование на весь «род человеческий». Австрийская деревушка, описанная в «Генистенном незнакомце», — это для Твэна все человечество, вся жизнь, прошлое и настоящее. Выхода нет. Человеку свойственны глубокие внутренние пороки, говорит Твэн. Человек лицемерен, морально нечистоплотен по своей природе. Он был и остается таким навеки, измениться он не в состоянии.. Отсутствие подлинного представления об историческом процессе уже само по себе должно было внести застой, затхлость, распад в твэнновскую философию человека. Горькое сознание собственной неполноты, своей «нечестности», которая мешает писать и публиковать то, что хочется, пойти в любовную атаку на несправедливость, несомненно, придало твэнновской концепции человечества дополнительные убедительно мрачные черты.

Твэн метался, изливал желчь в произведениях, которые в большинстве случаев не решался напечатать.

В мире имеется, писал Твэн, только одно оружие, которое может уничтожить несправедливость. Это оружие — смех.

Сатана говорит:

«Множество людей видят смешную сторону тысячи низких и пошлых вещей — главным образом, явные нелепости; то, что чудовищно, абсурдно, возбуждает жи-

вотный смех. Их тусклое воображение не может видеть десятка тысяч существующих на свете действительно смешных явлений, имеющих большое значение. Наступит ли такой день, когда человечество поймет комичность этой младенческой наивности и смехом ее уничтожит? Ибо человечество, при всей своей бедности, имеет бесспорно одно мощное оружие — смех... Против смеха ничто не устоит... Пользуетесь ли вы когда-нибудь этим оружием? Нет, вы даете ему ржаветь. Применяет ли человечество это оружие? Нет, у вас нехватает ни разума, ни смелости».

Твэн много писал в эти годы добровольного изгнания с родины. Он радовался, что, оплатив долги, может осуществить свою мечту и писать произведения, в которых не станет считаться «с чувствами, предубеждениями, мнениями, верованиями, надеждами, иллюзиями, самообманами» других людей, произведения, которые он будет писать «без всяких ограничений». «Это — невообразимая роскошь, рай на земле».

Сатирические произведения, направленные против империализма, против угнетения человека, против религиозного ханжества, однако, не предназначались для печати.

В канун нового, 1900 года, канун XX столетия, Твэн написал речь, в которой сказал: «Привет от девятнадцатого двадцатому столетию. Я приношу тебе... христианство, которое возвращается замаранное, грязное, обесчещенное из пиратских налетов на Кьяо-Чу, Манчжурию, Южную Африку и Филиппины. Его душа полна злобы, карманы — наживы, его рот полон святошеского лицемерия. Дайте ему мыла и полотенце, но спрячьте зеркало». Речь не была произнесена.

Только во второй половине 1900 года Клеменсы вернулись в Америку. Твэну устроили небывалую встречу.

В Китае разразилось боксерское восстание против империалистов. В августе 1900 года карательная армия, состоявшая из войск нескольких империалистических госу-

дарств, подошла к самому Пекину. На этот раз Твэн решил, что не может молчать, даже ради семьи, даже ради спасения своей репутации. Он нашел в себе мужество выступить публично перед всем светом. В своей речи Твэн объявил себя патриотом своей родины. «В Китае тоже есть патриоты. Мы не позволяем китайцам приезжать к нам, и — я говорю вполне серьезно — пусть Китай решает, кто может ехать туда... Боксер — патриот. Он любит свою страну больше, нежели другие страны. Желаю ему успеха... Я тоже боксер».

Это была речь в защиту справедливости, простой провинциальной справедливости, как ее понимает средний фермер Запада, как ее понимает Гекльберри Финн. «Мы прогоняем китайцев из нашей страны, боксеры прогоняют нас из своей собственной».

Последовал целый ряд выступлений — Твэн начал кампанию против коррупции муниципальных властей. Американская печать почувствовала, что с Твэном что-то произошло, он изменился. Говоря словами одной провинциальной газеты, «добродушный юморист недавнего прошлого превратился в энергичного сторонника реформ, странствующего рыцаря, который всегда готов сразиться с церковью или государством...»

В газетах появилось сообщение об огромной компенсации, полученной миссионерами за имущество, уничтоженное во время боксерского восстания, компенсации, во много раз превосходящей стоимость этого имущества. Твэн опубликовал злую, сатирическую статью о миссионерах: «Человеку, сидящему в темноте».

Миссионеры попробовали написать опровержение. Тогда Твэн выступил еще резче. Рассуждая, как простой честный фермер, приводя иллюстрации из времен своего детства, Твэн доказал, что требование компенсации в сумме, превышающей фактические потери, является вымогательством.

Попутно Твэн, отыска ради, написал нечто вроде пародии на детективные рассказы — повесть в двадцать пять тысяч слов за шесть дней. Он начал также писать несколько статей, одну сжег, другие оставил в своем архиве — вместе с другими рукописями; много времени занимала огромная переписка с друзьями.

Но теперь больше всего Твэна занимала политика, главным образом международная политика. Империалистическая, грабительская сущность действий «великих держав» становилась все очевидней, и Америка действовала заодно с другими. Твэн начал составлять проект «огромной международной процессии». В ней участвуют: молодой Двадцатый век (он пьян и его несет на руках Сатана), монархи, президенты, мошенники-политики, грабители, земельные воры, арестанты. В процессии появляется христианство с золотым терновым венком, в платье, вымоченном в крови. Тут же окровавленные головы буров, китайцев, филиппинцев, погибших, защищая свою родину. Христианство поддерживают под руку Убийство и Лицемерие. Развевается черный пиратский флаг. Твэн много писал об Америке, ставшей мировой державой, о злодеяниях империализма. Законченные статьи складывались в ящик; некоторые статьи Твэн не кончал, — ведь все равно он не собирался их печатать. Когда, однако, война с повстанцами на Филиппинах закончилась тем, что путем наглого обмана поймали вождя филиппинцев Агвинадо, Твэн не выдержал. Он опубликовал ироническую статью «Защита генерала Фунстона». Ведь генерал, обманувший Агвинадо, ни в чем не виноват, писал Твэн, генерал просто следовал велениям своей низкой натуры. Статья вызвала целую бурю негодования.

Дальше скрывать свои взгляды, казалось, было невозможно. В письме к Твичелю Твэн резко выступил против своего старого друга за то, что тот пытался учить Твэна

прятать свои убеждения, «чтобы откровенные высказывания не принесли вреда» ему и издателю. «Если вы учите тому же других людей... как вы согласуете это со своей совестью?» гневно спрашивал Твэн. Твичель после своего единственного «еретического» выступления не позволял себе больше расходиться с мнениями своих богатых прихожан. Но теперь Твэн не склонен был оправдывать измену совести обязательствами перед семьей...

В своих выступлениях против империализма, против плутократии Твэн был не одинок. Протест против разорения фермеров монополистическим капиталом, против мошенничества и подкупов, нашел выражение не только в растущей социалистической литературе, но и в статьях «разграбителей грязи», памфлетах фермерских союзов, в произведениях критических натуралистов Крейна и Норриса.

Слава Твэна не меркла. Университеты теперь считали за честь наградить знаменитого Твэна почетным званием доктора литературы. Материальные невзгоды были забыты. Твэн снова начал интересоваться изобретениями; некоторые из его предприятий оказались успешными.

В 1902 году Твэн получил шестьдесят тысяч долларов дохода из литературных источников и сорок тысяч из других. Начат был выпуск собрания сочинений Твэна. Когда Твэн предпринял поездку в родные места, в каждом городе на пути его встречали делегации. В Сент-Луи имени Марка Твэна был назван большой пароход.

Журналы с нетерпением ожидали новых рассказов Твэна. Он печатал, главным образом, шутки, рассказанные ради неожиданного, анекдотичного конца («Запоздавший паспорт»), трогательные повести, например о благородной лжи («Рай или ад»), пародии и т. д. Не раз Твэн думал снова писать о Ганнибale. Вот он расскажет о том, как Том и Гек вернулись на родину в ста-

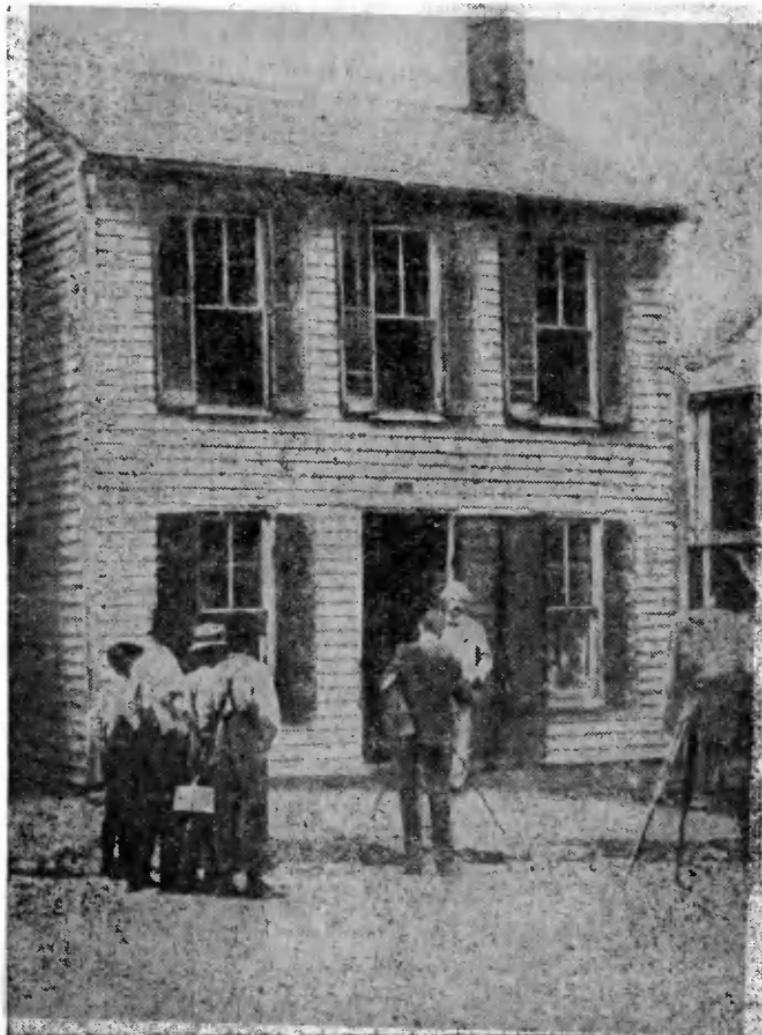
ности. В тетрадях Твэна уже давно было записано: «Том возвращается после шестидесяти лет блужданий по свету и приходит к Геку, и оба они говорят о старых временах; оба они покинуты, жизнь оказалась неудачной, все, что было мило, все, что было прекрасно, — в могиле. Они умирают вместе».

Ничего из этих планов не вышло.

Твэна еще чаще, чем раньше, приглашали выступить с речью на званых обедах, в школах, в клубах. Иногда он позволял себе от легкого юмора переходить к сатирике. Однажды в воскресной школе Твэн рассказал назидательную историю о добродетели постоянства. Хорошие дети и взрослые всегда должны доводить свою работу до конца. В старое время, когда маленькие мальчики всегда были хорошими маленькими мальчиками, одному рабочему случилось забивать патрон в скалу. Патрон взорвался раньше срока, и рабочий взлетел в воздух. Он летел все выше и выше, делался все меньше и меньше, пока вовсю не исчез из вида. Но вот он снова появился; сначала он казался величиной с птицу, потом с котенка, потом с собаку, потом с ребенка, и, наконец, он опустился на свое старое место и как ни в чем не бывало продолжал работать — вот это постоянство. «В нем заключается секрет успеха». Правда, хозяин не оценил как следует своего работника и при выплате ему жалованья вычел за пятнадцать минут, которые рабочий провел в воздухе.

Жена опасно заболела. Врачи посоветовали перевезти ее в Италию. Но во Флоренции миссис Клеменс не стало лучше. Летом 1904 года она умерла.

Твэн и обе дочери теперь поселились в Нью-Йорке. Приближался 1905 год. Перед рождественским праздником 1904 года в газетах появилось сообщение о еврейском погроме, учиненном в России. Твэн написал коротенькую «праздничную» заметку, в которой сравнил

М. ТВЭН в Ганнибale (1902 г.).

императора российского с сатаной. Это подало мысль написать сатирическую сатиру о варварском русском царе. «Монолог царя» был сильно сокращен и смягчен, прежде чем его опубликовали, но все же он произвел сильное впечатление. Царь произносит свой монолог голый; без своего мундира царь и сам не понимает, почему он заслуживает поклонения.

За первым «монологом» последовал второй — бельгийского короля Леопольда, угнетателя чернокожих в Конго. «Монолог» был издан в виде брошюры. Твэн отказался от гонорара — пусть эти деньги употребят на то, чтобы избавиться от этого Леопольда, «пусть его повесят или посадят на электрический стул».

Окончилась русско-японская война. Твэн пришел к убеждению, что заключение мира с Японией, в котором активно участвовал президент Теодор Рузвельт, нанесло растущему революционному движению в России серьезный удар. В интервью с представителями печати Твэн заявил: «Россия была на пути к освобождению от дикого, невыносимого рабства. Я надеялся, что мира не будет, пока свобода России не будет обеспечена... Со всей искренностью я убежден в том, что этот мир является самым крупным бедствием в политической истории».

Это было смелое заявление большого человека, демократа и врага монархии. Но все же через несколько дней Гарви, руководитель издательства Гарпер, осмелился как ни в чем не бывало пригласить Твэна на обед в честь Витте, заключившего мирный договор с Японией.

Твэн составил резкий отказ — он не считает нужным принимать участие в торжестве в честь заключения мира, он не знает, чему здесь радоваться. Он сочинил и другое письмо, еще более злое. В конце концов, однако, Твэн передумал и отправил любезный ответ. Письмо

Твэна так понравилось Витте, что он решил показать его царю.

Твэн ненавидел царизм. В специальном письме, зачитанном на большом собрании, он говорил: «Я, конечно, сочувствую русской революции, об этом говорить не приходится... Нужно надеяться, что проснувшаяся нация, ныне растущая в своей силе, покончит с существующей формой правления и установит республику».

В республиканской Америке, стране коннектикутского механика, борьба против царизма, казалось, должна была встретить всеобщее сочувствие. Но Америка уже была не та, что раньше, — почувствовал Твэн. В частной беседе он сказал: «Мы потеряли наше былое сочувствие к угнетенным народам, которые борются за жизнь и свободу; если мы не холодно безразличны, то просто посмеиваемся над всем этим».

Теперь Твэн живет в стране, где хохлят тресты, в стране монополистического капитала, империализма. Америка Роджерсов, Лэнгдонов и Гарви, людей, с которыми Твэну приходилось чаще всего встречаться, не собирались ссориться с русским царем.

Существовала и другая Америка, другие американцы — трудящиеся, горячо сочувствовавшие русской революции. К этим американцам приехал из России революционный писатель Максим Горький. Твэн познакомился с Горьким и даже представил его группе культурных деятелей, собравшихся послушать русского писателя. Хоуэлс тоже считал себя сторонником Горького. В газетах уже появились карикатуры, изображавшие, как Твэн расшатывает трон русского царя. Американские литераторы решили устроить в честь Горького званый обед. Твэн и Хоуэлс должны были принять в нем видное участие.

Но внезапно выяснилось, что Горький не оформил по всем американским правилам свой брак с приехавшей с ним женой. Против Горького поднялась подлая травля —

его выгоняли из гостиниц, газеты, не без содействия царского посольства, начали свистопляску вокруг этого дела. Два старых американских писателя, сторонники свободы и прав человека, Хоуэлс и Твэн почувствовали себя, выражаясь словами Хоуэлса, точно на вулкане. Теперь они получили великолепную возможность высмеять лицемеров, выступить едко, свирепо, так, как это умел делать Твэн. Но «обычай — это обычаи, они делаются из твердой бронзы, котельного железа, гранита», записал Твэн. Против обычая он не пошел и отступил от Горького — от обеда пришлось отказаться.

В речи, произнесенной на званом обеде в честь своего семидесятилетия, Твэн сказал, что теперь считает себя в «запасе», свободным от обязательств, теперь можно было отдыхать, курить трубку и читать книгу в удобном кресле. Теперь можно было — казалось — говорить и публиковать что угодно, не опасаясь последствий.

Твэн написал смешной и трогательный дневник Евы (продолжение дневника Адама) и приступил к повести «3 000 лет среди микробов».

Он начал также работать над своей автобиографией. В ней Твэн собирался рассказать всю правду, и именно поэтому решил, что автобиография не будет опубликована при его жизни. «Я пишу из могилы. Только при этом условии человек может быть хоть сколько-нибудь откровенным. Он не может быть полностью и безоговорочно откровенным даже в могиле», сказал Твэн.

Американского писателя Твэна начали в шутку называть королем. У дверей его дома на Пятой Авеню № 21 постоянно толпились посетители. Многих он принимал, еще находясь в постели. Газеты сообщали миллионам читателей о каждом шаге Твэна.

Так он жил свои последние годы, в богатстве, окруженный ослепляющей славой, но с горечью на сердце. Несколько раз Твэн решался сказать правду об имperi-

ализме, о религии, но большую часть времени он молчал; он говорил правду только для себя, для друзей.

Газеты сообщали, что Твэн начал строить новый большой дом.

Было известно, что он диктует автобиографию, делает прогулки, играет на биллиарде. Люди гораздо моложе Твэна уставали от игры быстрее этого бодрого старика.

Кроме автобиографии, Твэн теперь не писал почти ничего. Время от времени, однако, он брал из ящиков то одну, то другую неопубликованную рукопись, перечитывал, вносил дополнения и снова укладывал на место. Рукописи о путешествии капитана Стормфильда на небо было уже много десятков лет. Твэн перечел ее, ему понравилась эта книга, он не собирался исправлять в ней ни одного слова; «она не будет напечатана, пока я не умру».

В тишине своего кабинета Твэн продолжал заниматься вопросом о боге, с которым у него были явно «испорченные отношения». Он писал антирелигиозные статьи, которые, говорил Твэн, будут напечатаны не раньше, чем через сто лет, в 2006 году. В одной из своих лекций Бернард Шоу сказал: «Никакой здравомыслящий человек не согласится теперь принять какие-либо верования без оговорок». «Конечно, нет. — заметил Твэн своему душеприказчику Пэйну, — только оговорка заключается в том, что он будет круглым идиотом, если вовсе примет эти верования».

Уже прошло два года со смерти миссис Клеменс. Твэн решил издать анонимно и частным образом свое «евангелие» — книгу «Что такое человек?». Она была отпечатана в 250 экземплярах.

Газеты сообщили всей читающей Америке, как сенсацию, что «король» Твэн решил носить круглый год белые костюмы. Внимание людей не смущало Твэна. Он нарочно избирал для прогулок самые многолюдные улицы в самые шумные часы дня. Он любил жизнь, любил

людей, любил движение, крепкие словечки, спорил до крику при игре на биллиарде, интересовался каждым новым изобретением, от всей души радовался почестям. Твэн специально поехал в Англию, чтобы получить звание доктора литературы и пышную мантию от Оксфордского университета. Он все еще без конца участвовал в званых обедах, рассказывал анекдоты, сыпал шутками.

И все же у великолепного Твэна иногда прорывалось чувство отчаяния, глубокого пессимизма. «Я так устал от вечного круговорота. Я так устал! — сказал он однажды Пэйну. — Если я проживу еще два года, я положу этому конец — я убью себя».

Прошел еще год. Твэн решил показать консервативным издателям своего капитана Стормфильда. В выправленном тексте они не нашли ничего страшного, и рассказ появился в печати. Свой новый дом Твэн назвал именем славного богохульного капитана.

Твэн приехал в Стормфильд в 1908 году. Но даже в прекрасном Стормфильде Твэн теперь не мог уйти от действительности, позабыть, что он живет в крупнейшей капиталистической державе, в мире империализма. Много лет тому назад Твэн написал жене шуточное письмо из Америки далекого будущего, монархической Америки. Но ведь гигантские монополистические организации уже держат в своих руках всю страну. Когда письмо тридцати четырехлетней давности попалось ему в руки, Твэн сказал: «Странно, что я видел в воображении будущего монархию и не подозревал, что монархия уже существует, а республика — дело прошлого».

За пять-шесть лет до империалистической войны Твэн написал: «Нет теперь мирных наций. В некоторых странах бедняков обложили налогами до такой степени, что они обречены на голод, и все ради огромных вооружений, которые христианские государства создают, чтоб защитить себя от остальной части христианского брат-

ства и мимоходом захватить любой кусок недвижимого, который оставлен без присмотра более слабым владельцем».

Снова и снова Твэн сочинял — не для печати, а только чтобы отвести душу, — статьи, рассказы, диалоги антирелигиозного характера. Вот маленькая девочка Бесси, простой, неиспорченный, с ясным умом ребенок, доказывает своей религиозной матери, что бог несправедлив, что идеи, на которых воспитывался и Сэм Клеменс шестьдесят — шестьдесят пять лет тому назад, неверны.

Зачем бог заставил мальчика Билли заболеть тифом?

— Чтобы дисциплинировать его, сделать Билли хорошим, — отвечает мать.

— Но ведь мальчик умер! А зачем же от удара молнии сгорела церковь? Бог и ее хотел дисциплинировать?

Твэн начинал чувствовать себя несколько хуже. У него болела грудь — говорили, что это болит сердце, и врачи советовали не переутомляться. Но Твэн продолжал заниматься литературным трудом. В 1909 году он начал писать «Письма с земли». В этих письмах бессмертный, посетивший жалкую землю, издевается над человеческими порядками, над выдуманной людьми религией. Конечно, «письма» не предназначались для печати. Черный пессимизм, чувство глубокой неудовлетворенности, морального поражения отправляло существование великого художника, одного из зачинателей подлинно американской литературы.

В конце 1909 года внезапно умерла во время припадка эпилепсии дочь Джин. Третья дочь, Клара, была уже замужем и находилась за границей. В этот вечер Твэн написал о смерти Джин: «Вчера мне было семьдесят четыре года. Кто скажет, сколько мне лет сегодня? Она лежит там, а я сижу здесь, пишу, стараюсь занять себя, чтоб не разорвалось мое сердце».

В январе 1910 года Твэн уехал на отдых в Бермуду.

Жизнь там была спокойная, тихая. Твэн подружился с маленькой дочерью хозяйки, баловал ее, шутил. Много десятков лет, больше половины своей жизни, он прожил в Восточных штатах, но в шутках его все еще чувствовался привкус «границы». Он делал вид, что ревнует свою маленькую приятельницу к ее столь же маленькому товарищу, «кровавому бандиту» Артуру. Он посыпал ей книжку с запиской: «Пусть Артур прочтет эту книгу. В ней есть отравленная страница».

Твэну становилось трудно дышать, боли усиливались. Решено было привезти Твэна домой. Припадки в дороге следовали один за другим, писать было почти невозможно. Но все же Твэн набросал шуточные наставления, как вести себя у небесных врат. «Оставьте свою собаку за воротами. На небесах царит протекционизм. Если бы там ценили по заслугам, то впустили бы не вас, а собаку». На небесах, как и на земле, существуют строгие респектабельные порядки. Не вздумайте поить грешников водой, «вас поймают, и после этого никто на небесах вас не станет уважать». Да, на небесах умирающего ожидали то же лицемерие, те же порядки, что и на земле.

Твэн уже давно понимал, что смерть близка. «Я кончаюсь, я сейчас кончусь, — говорил он во время припадков своему спутнику. — Мне вас жаль, но я ничего не могу поделать — я никак не могу ускорить это дело умирания».

Марк Твэн встречал смерть без страха, он умирал безбожником, врагом религии.

Твэн скончался в Стормфильде 21 апреля 1910 года.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ МАРКА ТВЭНА

- 1835 — (30 ноября). Рождение Сэмюэля Клеменса (Марка Твэна) в деревушке Флорида, штата Миссури.
- 1839 — Переезд семьи Клеменсов в город Ганнибал.
- 1847 — Смерть Джона Маршала Клеменса, отца Сэмюэля Клеменса. Сэм поступает учеником в типографию.
- 1851 — Сэм заменяет своего брата Ориона в качестве редактора газеты «Джорнол».
- 1853/4 — Путешествие Сэмюэля Клеменса в Восточные штаты.
- 1857 — Клеменс становится учеником лоцмана на Миссисипи.
- 1858 — Гибель брата Генри во время взрыва на пароходе «Пенсильвания».
- Сэмюэль Клеменс получает права лоцмана.
- 1861 — Начало войны Севера и Юга.
- Сэмюэль Клеменс — лейтенант Южной армии. Сэмюэль и Орион отправляются на Дальний запад.
- 1862 — В Неваде в поисках серебра и золота.
- Начало сотрудничества в газете «Территориал Энтерпрайз» (заметки под псевдонимом «Джоши»).
- Сэмюэль Клеменс — штатный репортер «Энтерпрайз».
- 1863 — Сэмюэль Клеменс начинает подписываться псевдонимом «Марк Твэн».
- Знакомство с Артемусом Уордом.
- 1864 — Переезд в Сан-Франциско.
- Сотрудничество в журнале Брет Гарта.

- 1864/5 — Жизнь в избушке старого золотоискателя Джима Гиллиса.
- 1865 — Рассказ Твэна о лягушке появляется в печати (ноябрь).
- 1866 — Поездка на Сандвичевы острова.
Первые лекции.
- 1867 — Возвращение с Дальнего запада.
Первая книга Твэна «Знаменитая прыгающая лягушка из графства Калаверас и другие рассказы».
Путешествие в Европу на «Квэйкер Сити».
Письма о путешествии.
- 1868 — Поездка в Сан-Франциско.
Возникновение рассказа о путешествии капитана Стормфильда на небо.
Начало большого лекционного турне по Америке.
- 1869 — Выпуск книги «Простаки за границей». Твэн — совладелец и один из редакторов газеты «Экспресс» (город Буффало, штата Нью-Йорк).
- 1870 — Женитьба на Оливии Лэнгдон.
Сотрудничество в журнале «Галакси». Начало работы над «Закаленными».
- 1871 — Переезд в Гартфорд (штата Коннектикут, Новая Англия).
Лекционное турне.
Твэн заканчивает книгу «Закаленные».
- 1872 — Поездка в Англию.
Твэн начинает работать над пьесой о похождениях Тома Сойера.
- 1873 — Твэн совместно с Уорнером пишет роман «Позолоченный век».
Лекции в Англии.
- 1874 — Начало работы над повестью о Томе Сойере.
Написаны «Подлинная история», пьеса о Селлерсе, герое «Позолоченного века», и очерки «Старые времена на Миссисипи».
- 1875 — Закончена работа над книгой «Том Сойер».
Выпущена в свет книга рассказов «Старые и новые рассказы».
Написан рассказ «Удивительная республика Гондур».
- 1876 — Начало работы над книгой о Гекльберри Финне.
Выход в свет книги «Приключения Тома Сойера».
- 1877 — Начало работы над «Принцем и нищим».
Написаны рассказы и пьеса о сыщике Саймоне Уиллере.

- 1878 — Путешествие по Европе, после которого написаны очерки «Бродяга за границей».
- 1880 — Закончена работа над «Принцем и нищим». Написаны рассказы о Миллзе и Бентоне, а также о Мак-Вильямсах.
- 1881 — Увлечение предпринимательской деятельностью.
- 1882 — Поездка по Миссисипи и работа над второй частью «Жизни на Миссисипи».
- 1883 — Совместно с Хоуэллом Твэн пишет пьесу «Американский претендент».
- 1884 — Твэн создает издательскую фирму. Лекционное турне. Издание книги «Приключения Гекльберри Финна».
- 1885 — Изздание мемуаров генерала Гранта.
- 1886 — Начата работа над романом «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура».
- 1887 — Статья о «Рыцарях труда» (не опубликована). Твэн широко финансирует изобретение — наборную машину.
- 1888 — Работа над «Янки».
- 1889 — Выпуск в свет книги «Янки из Коннектикута». Твэн начинает работать над повестью о приключениях Тома и Гека среди индейцев.
- 1891 — Написана повесть «Американский претендент». Твэн переселяется в Европу.
- 1892 — Путешествие по Европе. Жизнь во Флоренции. Работа над книгами «Том Сойер за границей», «Поразительные близнецы», «Пустоголовый Вильсон».
- 1893 — Начало работы над «Жанной д'Арк». «Дневник Адама».
- 1894 — Банкротство Твэна. Выпуск в свет «Пустоголового Вильсона».
- 1895 — Закончена работа над «Жанной д'Арк». Кругосветное лекционное турне.
- 1896 — Выпущены в свет «Жанна д'Арк» и «Том Сойер — сыщик». Работа над книгой «По экватору». Смерть дочери Сузи.
- 1897 — Повесть о Томе и Геке (не закончена). Очерки.
- 1898 — Работа над рассказом «Человек, который совратил Гэдлиберг» и очерками «Что такое человек?» и «Таинственный неизнакомец» (впервые опубликован в 1916 году).

- 1899 — Письма и статьи (неопубликованные) об англо-бурской войне. Статьи и пьесы (большей частью незаконченные).
- 1900 — Возвращение в Америку.
Выступление в защиту боксерского восстания.
- 1901 — Твэн публикует статью против миссионеров в Китае — «Человеку, сидящему в темноте». Антиимпериалистическая статья «Огромная процессия» (не опубликована).
- 1902 — Сатирическая статья о захвате Филиппинских островов Америкой «Защита генерала Фунстона». Поездка в Миссouri.
«Запоздавший паспорт» и другие рассказы.
- 1903 — Возвращение во Флоренцию.
- 1904 — Смерть Оливии Клеменс.
Написаны «Монолог царя» и автобиографические записки.
- 1905 — Написаны «Монолог Леопольда» и «Дневник Евы». Работа над рядом произведений, в том числе «3 000 лет среди микробов» (большинство не закончено или не опубликовано).
- 1906 — Издание очерка «Что такое человек?»
Работа над автобиографией, речи на званых обедах.
- 1907 — Опубликован рассказ «Путешествие капитана Стормфильда на небо».
- 1909 — Работа над очерком «Умер ли Шекспир?», над рассказами «Поворотный момент в моей жизни» и др. и антирелигиозными статьями (последние не опубликованы). Смерть дочери Джин.
- 1910 (21 апреля). Смерть Марка Твэна.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Mark Twain's Collected Works, Harper Brothers, 1898 — 1924.
Mark Twain's Letters, 2 vol., 1917.
Mark Twain's Autobiography, 2 vol., 1924.
Mark Twain's Notebooks, 1935.
Mark Twain's Speeches, 1923.
Paine, A. B., Mark Twain, a Biography, 3 vol., 1912.
Brooks, Van Wyck, The Ordeal of Mark Twain, 1933.
Leacock, St., Mark Twain, 1932.
De Voto, B., Mark Twain's America, 1932.
Howells, W. D., My Mark Twain, 1910.
Clemens, Clara, My Father — Mark Twain, 1931.
Masters, Edgar Lee, Mark Twain, 1938.
Wagenknecht, Edw., Mark Twain, the Man and his Work, 1935.
Representative Selections from Mark Twain — Introduction by Fred Lewis Pattee, 1930.
Blair, W., Native American Humor, 1937.
Leacock, St., The Greatest Pages of American Humor, 1936.
Rourke, C., American Humor, 1935.
Hicks, G., The Great Tradition, 1935.
Beard, Ch. & Mary R., The Rise of American Civilisation, 2 vol., 1927.
Bous and Burton, Social Backgrounds of American Literature 1933.
Garland, H., Companions on the Trail, 1931.
Parrington, Main Currents in American Thought, vol. III, 1931.

СОДЕРЖАНИЕ

Переселенцы пускаются в путь.	5
Высокая лоцманская рубка	32
Дальний запад	62
«Простаки за границей»	96
Твэн в Новой Англии.	124
«Том Сойер» и «Гек Финн»	152
Долина демократии.	176
«Убогий порядок вещей»	211
Великое оружие — смех.	239
Основные даты жизни Марка Твэна.	267
Библиография.	271

ХУДОЖНИК В. ТИТОВ.

Редактор *Н. Козюра*. Художественная редакция *А. Андреас*.
Технический редактор *Д. Глейх*. Корректоры *Л. Гофман* и *М. Соколова*.
Сдано в производство 27/V 1939 г. Подписано к печати 29/XII 1939 г.
М. Г. 77. Индекс ЖЭЛ. Формат бумаги 70×101 $\frac{1}{2}$ 8 $\frac{1}{2}$ печ. л. уч. авт 12 л.
Уполномоченный Главлита А-13739. Заказ тип. 597. Тираж 50 000 экз.
Цена 2 р. 50 к. Переплет 1 р.

Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
ул. Фридриха Энгельса, д. 46.

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страницы	Строки	Напечатано	Следует читать
24	16 сверху	яства	яства
28	7 снизу	стремлением штатов	стремлением южных штатов
64	1 снизу	244.252	244 - 252
128	16 сверху	он пишет	он опишет
180	19 сверху	кашмар	кошмар
211	1 сверху	Убогий поря- док вещей	„Убогий поря- док вещей“
245	17 сверху	являющимся	являющимися